

Мирланда Ойтен

A woman with dark hair in a braid, wearing a black hooded jacket and a gas mask with a circular filter. She is holding a pickaxe. The background is a blurred outdoor setting with a building and trees.

НИЖИЛЕНИ

Когда мир построил великий Прародитель, а его дети сделали его прекрасным. То было золотое время для человечества, пока не пришли те, кто разрушил мир и уничтожил древнее благоденствие. Так учат монахи в чёрных рясах, одного из которых странница Ан спасла в руинах древнего города.

Она видела, как мир стал таким, ни в грош не ставит учение о Прародителе, а цель у неё одна — попасть на тот берег реки, пересекающей Город.

После того, как они расстались с карованом чернорясых монахов, Ан пришлось тащить Осана на себе. Она попыталась было пристроить старика на спину Кела, но у него осталось слишком мало сил, чтобы держаться, а Кел никак не мог понять, что от него требуют идти ровно и плавно.

Впрочем, возможно, оно вышло и к лучшему. Перед их путешествием Осан попросил, а Ан пообещала, что он не заметит, как умрёт, и глупый монах вообразил, что она убьёт его, свернув шею. Каждый раз, когда Ан оказывалась у него за спиной, он вжимал голову в плечи и замирал. Она сердилась и молчала. Он давно её знал — и считал настолько глупой и неспособной на выдумку? Ей очень хотелось ему всё высказать и высмеять его страхи.

Но она молчала и теперь с облегчением, которое было только ей доступно, слушала его болтовню. Как всегда, Осан не мог не болтать, хотя каждый вдох давался ему со всё большим трудом.

— Ты ведь помнишь? — раз за разом спрашивал он, вспоминая их первую встречу в этих руинах.

Ан помнила. Тогда еще юному Осану пришло в голову, что он сумеет найти в руинах города душу Прародителя и вернуть его к жизни. Монашек, разумеется, ничего не нашел, зато угодил в промоину под улицей и сломал обе ноги. Ан дотащила его до монастыря детей Благодетелей, и все время Осан болтал, болтал обо всём, о своём боге, о его детях, о Городе, о людях, что тут жили и снова о своём боге.

В его глупого бога Ан, разумеется, не верила. Как Прародитель может быть богом, если он давно умер? Но чем-то он её зацепил, и с тех пор Ан иногда забредала к монахам, узнавала у них новости и не появился ли отец, а монахи в обмен на стол и кров узнавали у нее новости из мира. Их дружба вышла очень странной, если вообще ее можно было назвать дружбой. Но уж что есть. Поэтому Ан согласилась проводить умирающего старика в его последний путь и старалась всегда быть в поле его видимости, а в последнюю ночь, на берегу серой реки около брошенного парка в тени огромных домов-ульев вколола Осану не морфий.

— Ты ведь помнишь? — спросил старик перед тем, как уснуть в последний раз.

Ан ничгео не ответила. Она помнила, всё помнила и никогда ничего не забывала, особенно то, что значит быть одной.

Ан похоронила Осана в старом парке около летнего театра, на берегу давно заросшего пруда, посидела рядом и, когда небо снова заволочло дождевыми облаками, а мир стал серым, пошла дальше, потому что больше ей там делать было нечего, пусть в парке и осталась, наверное, единственная её могила.

Она планировала догнать караван чернорясых монахов, с которым они вошли в город, до Моста, чтобы переправиться на тот берег с ними. Если их предводитель, странноватый крикливый монашек, не поменял маршрут, то у неё ещё оставалось время. Чернорясые верили, что Город был когда-то построен их великолепный Прародителем и его детьми, и быстро пересекать руины не будут. Чернорясые вообще последние годы стали часто устраивать сюда паломничества. Их унылые караваны тянулись по разбитым асфальтовым дорогам и время от времени оглашали угрюмые остовы зданий нудными гимнами во славу кумира. Часто караваны не доходили до того берега. Каким бы место не считалось,

священным, проклятым или всем вместе, отщепенцев и изгоев, которых выгоняли в руины из окрестных поселений, в Городе всегда хватало. И им всегда хотелось выжить.

Ан вышла на старый проспект, где обычно проходили паломники и торговые караваны. Он шел через северную часть города мимо покосившихся домов-башен к большой пустой площади, от которой отходили десятки таинственных улочек. Самая широкая из них вела на следующую площадь с разрушенной старой крепостью. Дальше лежали руины бетонного моста и путь вдоль реки на юг к железному мосту. Большинство караванов гибло после достижения первой безымянной площади. Мало кто знал Город хорошо, а большинство вовсе верило, что каждой ночью здешние дома меняют своё местоположение, и что Город разумен и может поглотить неугодных.

Ан намеревалась перехватить караван до площади. Во-первых, так не придётся искать их по проулкам, во-вторых, она знала дорогу к Мосту. Да и в случае нападения она сумеет отбить хоть кого-то из чернорясых, чтобы тот перевел её на другой берег. Если раньше караваны чернорясых были похожи на вооруженные выезды, то в нынешние безумные хорошо, если хотя бы у пары монахов были ружья. Остальные же верили, что Прародитель их защитит.

Разумеется, не защищал. Ан даже подозревала, что таким образом особо ушлые пастыри общин вдоль реки избавлялись от лишних ртов и неугодных, но Осан умер, и спрашивать больше было не у кого.

Ан ждало разочарование. Остатки каравана нашлись в проулке за площадью, и она даже не удивилась, потому что в такой день всё должно быть ужасно. Ослики пропали вместе с двумя телегами. Часть мешков и священных хоругвей валялись на земле вперемешку с трупами монахов. Ан обошла их, тыкая в тела носком сабатона. Но спокойное поведение Кела выдавало, что живых тут нет.

— Ну и что мне делать?

Железный зверь, разумеется, ничего не ответил.

Ан порылась в оставшихся мешках. Напавшие забрали всё съедобное, вывернули карманы и сняли почти всю обувь с трупов. Чемоданчик с документами и грамотами от пастыря общины тоже пропал. Ан оглянулась на трупы. Несомненно, разграбившие караван вернутся за барахлом, которое не смогли утащить сразу. Возможно, за телами. Когда напавшие вернутся, можно будет их убить. Только зачем?

— А вот нечего мне делать, — подвела итог Ан, села на остаток телеги и задумалась.

Можно попробовать выследить напавших и отбить сундучок с бумагами. Это вполне возможно. Или пойти искать прямо сейчас, пока следы не пропали, или подождать возвращения за одеждой и брошенным барахлом. Вот только что это ей даст? Сундучок с документами, которыми без чернорясых она может подтереться? Ей нужно на другой берег, а не вернуться к пастырям Серых Холмов с новостью, что лишние рты успешно ликвидированы. Сколько там, шестнадцать было?

— Хм.

Ан пересчитала тела. Одиннадцать. Куда делись ещё пятеро? Она на всякий случай обошла место разгрома ещё раз. Двенадцать. Всё равно, четверо куда-то делись. Она стащила трупы в кучу и осмотрела лица. Ан не могла похвастаться дружбой с каждым из чернорясых. Большую часть совместного пути она провела с Осаном, а его добрые и сострадательные братья были рады спихнуть со своих плеч заботы об умирающем. И всё же Ан узнала большую часть тел. Пропали четверо ещё крепких и здоровых монахов. Возможно, их

захватили, чтобы обратить в рабство.

Или съесть. Человек — не очень питательная тварь, но какое-то разнообразие в рацион местных жителей четверо здоровых мужчин должны были внести. Хотя каннибалы вряд ли бы бросили здесь тела. Старики, конечно, не очень вкусные, но голодающие едой не разбрасываются.

— Попробуем найти наш пропуск? — предложила Ан Келу. Зверь равнодушно мотнул тупой железной мордой. Он ковырнул лапой труп монаха. Потом лег на землю и понарошку спрятал нос под лапами. Он не любил жрать мертвечину.

— Как хочешь. Пойдём тогда, найдём тебе что-нибудь посвежее и не такое дряхлое.

Не смотря на дождь и огромные просторы Города, Ан не пришлось долго искать. Напавшая на караван банда особо не скрывалась. Часть напавших то ли отстала, то ли специально покинула их основную стоянку ради развлечения. Дюжина вырожденцев с беспечным гоготом вешала на ржавой электроопоре человеческое тело в бесформенных лохмотьях. Приближающегося в стене дождя чужака они не заметили. Ан с полминуты раздумывала, стоит ли подходить. Тело не подавало признаков жизни, да и сундука с документами рядом не было.

Один из оборванцев пнул тело, и оно дёрнулось, вызвав ещё один приступ гогота. Значит, этот живой. Ан посмотрела на Кела. Зверь нетерпеливо бил себя по бокам хвостом и пристально смотрел вперёд. Дождевые капли скатывались по его широкой угловатой морде. Сколько она уже его не кормила?

Ан погладила железную голову Кела и направилась к банде.

Оборванцы заметили появление из дождя железной фигуры лишь когда Ан свернула одному из них шею. Ещё двоих, попытавшихся кинуться на неё с кусками арматуры, Ан уложила ударами стальных перчаток. Остальных добил Кел. Своих жертв он просто передавил, стащил в кучу и начал неторопливо выедать сердца. Только короткий хвост возбужденно колотится о разбитую дорогу.

— Хороший мальчик, — Ан вытерла испачканные руки и похлопала железную шею зверя. Кел потёрся, как кот, о её руку большим лбом. Его горящие глаза как будто бы стали ярче. Прошло уже много времени, с тех пор, как Ан последний раз всерьёз пыталась разглядеть в этих стекляшках прежнего Кела. Но до сих пор она считала, что старый друг может быть жив под бронированным панцирем в сердце-камне. Иногда, когда становилось совсем плохо, эта мысль давала немного утешения.

Жертва банды валялась в грязи там, где её бросили. Конец верёвки ещё держался на опоре, словно ожидал того, кто закончит дело. Ан осмотрела и висельника. Ничего интересного. Молодой долговязый мужчина, слишком развитый и здоровый для этих мест, был покрыт кровоподтеками, ожогами и вымазан в грязи. Чёрная ряса порвана, а часть одежды вовсе пропала.

...Когда-то ей встретился один такой, в такой же чёрной рясе. Ан прошла с ним на горбу три дня, защищая от городских банд и серых тварей. Кто тогда мог знать, как закончится их история.

Внимание Ан вернулось к убитым. Она принялась осматривать тела в поисках полезного. Трофеи оказались очень скудными. Кроме сердец в уродливых от недоедания грудных клетках, вшивых лохмотьев и кусков арматуры у оборванцев ничего не было. Единственной ценной вещью оказался тяжелый клевец из желтоватого металла. Длинная рукоять с одного конца заканчивалась орлиной головой с тупым клювом, с другого —

сбитым о камни набалдашником. Ан взяла клевец обеими руками и с размаху ударила им воображаемого врага. Отлично. Ан ещё немного покрутила оружие в руках. Прекрасная вещь. Только как она оказалась у нищих выродков в давно брошенном городе? Впрочем, это не важно. Она отёрла клевец концом плаща и ещё раз описала клювом круг в воздухе. Кел как будто бы насмешливо дёрнул мордой.

— Ой, замолчи, — Ан опустила посох. Кел подошел к висельнику и принялся тыкаться в него мордой.

— Отойди, он мне ещё нужен, — она отогнала зверя в сторону и осмотрела недобитка. Ворот рясы висельника был разорван, штаны тоже. Их остатки болтались где-то у колен. Бёдра, ягодицы и пах были покрыты синяками и мелкими ожогами.

На ногах чернорясого остались неплохие сапоги. Удивительно, что их не сняли. Или думали снять с трупа? Ан подрезала шнуровку и сняла оба сапога. Внутри правого, к её удивлению, оказался тайник: тоненькая пластиковая папка с какими-то бумагами. Нахрена монашека спрятал эти документы? Неужели никто не догадался проверить?

Ан развернула папку так, чтобы внутрь не попала вода, и прочитала первый лист.

"Сим удостоверяю, что брат Меркий, бывший некогда верным Меттом ан Маре, идёт из дома молитвы над Тремя реками в дом госпожи милостивой, Дамы Расколотого Сердца"...

Ан поморщилась. Почему эти фанатики не хотят использовать нормальный язык, а пытаются изображать убогое подобие якобы чего-то древнего? Не знаешь древнего языка, так не трогай! Но нет, что не святоша, то сыплет тяжёлыми, якобы старинными фразочками. Имена ещё меняют, даже читать противно. Она ещё раз посмотрела на монашека. Хотя лица было не узнать, Ан была уверена, что монашек из её каравана.

Она убрала документы в сумку на спине Кела и вернулась к висельнику.

Более тщательный осмотр показал, что чернорясый жив. Без сознания — ещё бы, после таких побоев! — но жив.

— Так значит, ты у нас дитя Благодетелей? — пробормотала Ан, рассматривая лицо мужчины. Одного глаза у него не было, остальное было избито, и она, как ни старалась, не могла вытащить его образ из памяти.

Да и имеет ли смысл вспоминать того, кто сейчас отправится за Осаном?

— Как ты думаешь, — Ан прислонилась к боку подошедшего к ней Кела. — Он выживет?

Зверь едва заметно дёрнул мордой. Недоволен. Ан обернулась и погладила металлическую морду. Кел изобразил, что ему нравится, и толкнулся в ладонь. Она иногда задумывалась, почему он так себя ведёт. Какая-то программа, или он правда чувствует, когда она хочет от него отклика? А может быть, всё проще, и она додумывает то, что хочет от него видеть?

— Не злись. Нам он ещё пригодится. Сократим себе путь на тот берег... А если что, съешь его, — она клюнула нижним концом своей маски железный нос. Кел несколько раз помотал головой, потянулся и лёг на землю. Ан подняла висельника и закинула его на спину зверю. Кел оскалил клыки и поднялся. Ан ещё раз оглядела убитых. Плащ одно из них она сочла вполне пригодным к носке. Как только висельник сможет стоять — а она позаботится, чтобы это случилось как можно быстрее — пойдёт на своих двоих. Кел не верховое животное.

— Идём, — Ан подняла клевец и пошла прочь от места расправы.

Хотя эта часть Города выглядела необитаемой, по пути попадались следы людей: остатки костра, стоянки, свежий мусор. Один раз, когда пришлось обходить рухнувший дом-башню, они наткнулись на обжитой гараж. Ан нашла внутри отличную банку мясных консервов и взяла с собой, оставив взамен коробок сухих спичек и пакет галет. Ни с неё, ни с хозяина не убудет, если тот ещё жив.

Они шли по местам, где раньше жило большинство обитателей Города. Здесь стояли простые дома-ульи из кирпича и бетона. Можно было бы пройти через центр, но Ан опасалась домов-башен из стекла и стали. Прошло уже много времени с тех пор, как за ними перестали ухаживать, и башни всё чаще и чаще падали. Пройдёт ещё немного времени, и рухнут все. Брошенные трёх- и пяти-этажные дома не внушали ей таких опасений, хотя разум и знал, что они ничуть не прочнее.

Но что в центре, что здесь, никто из нынешних обитателей Города ей рад не будет.

Всё время пути висельник лежал смирно и не приходил в сознание. Ан это более, чем устраивало. На случай, если её трофей очнётся, она приготовила шприц с обезболивающим, оставшимся от Осана. Опять же, разум подсказывал, что пользы ему от этого не будет, но Ан была плохим врачом. Даже лучше сказать, никаким.

Ан бросила на висельника быстрый взгляд. Оставалось надеяться, что висельник не придёт в сознание до того, как она сможет приступить к полноценному лечению.

— Да, я знаю, что с нами мертвечина, — она по привычке гладила кончиками пальцев лоб Кела и рассуждала, что делать дальше. Маска заглушала голос, и Ан не была уверена, слышит ли её зверь. — Но этот парень мне пригодится. Тебе же не хочется в холодную воду?.. Да, тебе-то что. Мне вот не хочется. Русло уже сто лет не чистили. Да даже если бы чистили, мне там не пройти. И переться в обход тоже... А? Что? Ничего. Считай его десертом на ужин.

Для ночевки Ан выбрала старую, но почти целую базилику. Высокие витражные окна, разумеется, давно осыпались, но хоры и комнаты суда над боковыми нефами были целы. Там Ан развела на бетонном полу хоров костёр из паркета и втащила наверх накиданные на остатки лестницы доски. Теперь к ним никто не подобрётся.

Кел мотнул головой и заскрёб лапой бетон. Ан сняла с него висельника. Зверь немедленно свернулся так, чтобы закрывать её и костёр от остальной базилики. В темноте блеснули линзы его глаз.

Висельник ещё был жив. Надо же, какой крепкий! Ан ещё раз осмотрела его, подсчитала травмы и сломанные кости и решила, что проблем возникнуть не должно.

— Да, знаю, — обращаясь к рассматривающему темноту под сводами Келу, сказала она. — Расточительство. Но он всё равно скоро сдохнет. Камень, я про камень. Хотя этот тоже сдохнет... О чём я? Ах да, камень. Он всё равно скоро выдохнется. Его разве что утопить останется. Тебя им не вылечить, мне пока без надобности...

Кел равнодушно дёрнул хвостом, показывая, что слышит голос хозяйки.

— Ну да, ты же не понимаешь, — вздохнула Ан.

Она достала из сумки стеклянную банку, помедлив, вытряхнула на латную перчатку огонь-камень и быстро вложила в рот висельника. Потом сжала ему челюсти и навалилась всем весом на грудь. С минуту ничего не происходило. Ан уже решила было, что опоздала:

или висельник успел помереть, или камень всё-таки потух раньше времени. Она приготовилась вставать, когда тело мужчины вздрогнуло и задвигалось.

Монашек бился, вырывался, хрипел и пытался выплюнуть камень. Ан навалилась на него всем весом и сжала челюсти. Мужчина ещё несколько раз судорожно дёрнулся, ударившись затылком о пол, но всё-таки проглотил камень. Ан дождалась, когда он утихнет, сползла с тела, отряхнула ладони и проверила пульс. Пульс был, зрачок целого глаза на попытку посветить в них фонарём отреагировал. Ан не была врачом и не знала, как ещё оценить результаты. Но, раз не сдох сразу после огня-камня, жить будет. Наверное.

Ан вернулась к костру. Потрогала свою маску и решила, что не слишком голодна, чтобы её снимать. Вместо этого она достала бумаги висельника и поднесла их к огню. Документов было не много. Кроме уже прочитанной ею подорожной бумаги от монастыря Благодетелей, в папке лежала личная карточка из серого картона с фотографией, желтоватый паспорт Вольного Города с разрешениями посещать Свободу и Холмы. Ан из интереса сравнила фотографию на карточке с лицом висельника. Огонь-камень уже начал действовать, уродливый отёк вокруг выбитого глаза и сломанной челюсти немного спал.

Вроде похож. А вроде, и нет. Настоящие ли это документы? Должно быть. Хотя она все равно не понимала, зачем чернорясый спрятал их у себя, а не отдал старшему брату... Но уж больно смазливый и молоденький этот чернорясый. Мог ли он быть самозванцем? Бежал от чего-нибудь и прибился к чернорясым, назвавшись их братом. Мог. Хотя такие документы дорого стоят, целое состояние. Зачем тратить на них столько сил и средств, чтобы сдохнуть на руинах Города среди выродков и отребья?

Ан убрала документы обратно в папку, а папку — в свою сумку. Меркий, он же Метт аль Маре. Да уж, стоило надеть чёрную рясу, чтобы взять себе имя поблагородней. Что ж, если этот Меркий-Метт выживет, то он очень упростит её ближайшее будущее. Вот только пусть полугруп сначала ответит на пару вопросов. Будет путаться — пойдёт на корм Келу, не в первый раз. Эта мысль очень понравилась Ан. Она всё ещё была старой злой и циничной Ан, и это было хорошо.

Пол в кабинете Строителя всегда был завален бумагами. Дядя не любил работать с проектором, говорил, что это оупляет. Поэтому он распечатывал свои чертежи на плёнку или на бумагу, а ненужные кидал на пол.

Ан чертежи нравились. Она не понимала, что на них нарисовано, но серьёзный вид Строителя, сложное переплетение линий и загадочные цифры и буквы приводили её в восторг. Обычно дядя не любил, когда кто-то, кроме Рем, входил в кабинет. Но в этот раз он так глубоко ушел в работу, что даже не заметил, как у двери появилась племянница. И Ан не стала упускать своего шанса, подобралась к столу и спряталась в тень от тумбы проектора. Здесь, убедившись, что Строитель её не видит, Ан потянула к себе ближайший большой лист.

Отец всегда был против её интереса к делам дяди, но сегодня его вызвал к себе Дедушка. Дедушка-Бабушка, Ан ещё не очень понимала, почему этого человека все называют по-разному, но отец говорил, что он Дедушка, и Ан повторяла за ним.

Отец ушел к Дедушке, и это значило, что он будет ещё несколько часов занят. Ан не любила, когда отец ходил к дедушке. Обычно они спорили, и отец возвращался расстроенным и злым. Злой отец её пугал. Он странно себя вёл, кричал на всех. Иногда даже на Ан. В такие моменты его лицо страшно и некрасиво кривилось, и ей очень хотелось убежать от него подальше. Вместо этого она забивалась под кровать или за диван и ждала. После, он, разумеется, успокаивался и становился прежним, добрым папой. Но Ан хотела бы, чтобы он всё-таки не злился.

Строитель ходил вдоль стола и не обращал внимание на Ан. В кабинет тихо вошла Рем и поставила на столе чай. Заметив замершую незваную гостью, девушка улыбнулась и подмигнула. Ан улыбнулась в ответ, осмелела и принялась раскладывать бумаги на понравившиеся и не понравившиеся. Ан давно заметила, что чертежи как бы дополняли друг друга. Они были похожи, иногда были частями одного целого или на меньших были изображены детали больших. Иногда прозрачную плёнку можно было наложить на лист бумаги с уже напечатанными линиями, и получить новое изображение. Такие листы она собирала в стопку и рассматривала с особым интересом. Сегодня ей попался огромный лист — больше неё самой — с объемной сеткой. Или не сеткой. Ан не очень понимала, что изображено. Ажурная, как паутина, конструкция опиралась на три столба. Рядом с ним валялись ещё несколько чертежей, с более мелкими частями этой же «паутины». Ан задумчиво почесала нос. Похожее она видела внизу, около Дома. Рем называла это «открытым театром». Сцену и кресла накрывала похожая крыша из стекла и железа.

Она улыбнулась. Дядя решил построить ещё один театр?

— Нравится?

Ан вздрогнула и запрокинула голову. Дядя незаметно подошёл к ней и встал за спиной. Она вскочила на ноги, готовясь оправдываться, но Строитель не стал её ругать.

— Знаешь, что это такое? — он присел рядом на корточки. Даже так он возвышался над ней, как гора. Ан показалось, что дядя был даже больше отца.

— Да, — осторожно ответила Ан. Она не знала, должна ли она понимать чертежи и какая будет реакция дяди на её ответ. Её отец, скорее всего, разозлился бы, но Ан при нём и не стала бы трогать чужие бумаги, а своих у отца не было.

— И что же это?

Рем ободряюще улыбнулась ей из-за спины своего отца. Ан стало немного легче.

— Дом... купол... — нужное слово никак не приходило на язык, хотя своим мысленным взором она видела конструкцию, как будто дядя уже построил её.

— Да, ты права, — Строитель взял у неё из рук один из листов. — Понимаешь, что здесь написано?

Она оглянулась на Рем. Та по-прежнему улыбалась. Раз Рем спокойна, значит, всё в порядке. Ан немного расслабилась.

— Немного. Вот это название, — она показала в угол чертежа. — Это номер... чтобы найти другие картинки.

— Не картинки, а чертежи, — поправил её дядя. — Зачем это надо?

— Чтобы не запутаться? Здесь изображено всё здание, а здесь детали, — она осторожно взяла в руки листы и развернула их.

— Зачем это надо?

— Этот... купол очень большой, и даже на большом листе не видно всего? — предположил Ан. Строитель и Рем переглянулись.

— Ты сама догадалась, или тебе подсказали?

— Сама.

— Точно Рем не подсказывала?

— Нет, я ничего ей не подсказывала! — возмутилась девушка. Дядя кивнул.

— Молодец, Ан.

От похвалы на лице сама собой расплзлась улыбка. Её редко хвалили, а Строитель — никогда. Ан счастливо улыбнулась и оглянулась в поисках ещё одного листа. Её взгляд скользнул по стенам комнаты, двери...

Отец стоял в дверях, и его лицо стремительно покрывалось красными пятнами от ярости. Ан пискнула и забыла, что хотела найти. Всё стало неважным. Отец тут и отец злится.

Дядя поднял голову. Его улыбка потухла, и он выпрямился. Отец яростно взглянул на него, и резко подошел к Ан. Рем едва успела отскочить в сторону с его пути. Ан сжалась. Отец показался ей огромным и чёрным, как туча. Под его тяжелыми ботинками хрустнул карандаш. Отец резко схватил дочь и поднял её, его руки больно сжали её рёбра, и на глаза Ан навернулись слёзы.

— Я тебе говорил, чтобы ты не подходил к ней? — прорычал отец. Ан тихо заскулила, пытаясь вывернуться из его рук. Отец грубо перехватил её за живот и зажал под мышкой.

— Она... Мы!.. — испуганно пропищала Рем.

— Она пришла сюда сама, — спокойно сказал дядя.

— Значит, больше не придёт!

— Ей было здесь интересно.

Отец зарычал и сжал пальцы. Ан всхлипнула от боли.

— Постойте!.. — Рем сделала шаг вперёд, но отец не стал её слушать и стремительно вышел из кабинета.

Перед ними расступались все рабочие и родственники. Ан тихо плакала и даже не пыталась вырваться. Ей было больно и страшно.

Только в их комнате, захлопнув двери, отец остановился и поднял её перед собой. Его лицо всё ещё было пунцовым от гнева, а левый глаз едва заметно дёргался. Значит, он снова

будет её ругать. Ан очень хотелось спрятаться, убежать и забиться в тёмный угол. Под ногами была пустота, и от этого она чувствовала себя ещё более жалкой и беспомощной.

— Я больше не буду к нему ходить! — Ан уставилась на висок отца, где от напряжения проступила жилка. Бока болели под жесткими пальцами. Дышать стало трудно. Она сглотнула, пытаясь унять подступающие к горлу рыдания. Если она разревётся, станет только хуже. Отец ненавидит слёзы.

— Никогда больше не ходи туда, — отец встряхнул её. Голова Ан мотнулась из стороны в сторону. Ей стало совсем плохо, и она истошно закивала.

— Твой дядя слабак и дурак, — отец уже не кричал, но его взгляд оставался злым. — Хочешь стать такой же?

Ан замотала головой. Она не хотела быть слабой и глупой. Их все обижают, никто их не любит и они никому не нужны.

— Все эти бумажки делают из людей мусор. Слабое отребье. Понимаешь?

Она не понимала, но кивнула. Что угодно, только бы он быстрее успокоился и поставил её на пол. Отец чуть разжал пальцы, и Ан наконец-то свободно вздохнула.

— Я не хочу быть такой, — она потянулась к нему, и отец послушно перехватил её так, чтобы она могла обнять его за шею.

— И не будешь, — кивнул отец. Он уже спокойно подошёл к окну. Ан нравился вид отсюда, особенно в солнечный день, сразу после дождя. Стекланные башни сверкали всеми огнями, словно были не домами, а драгоценными камнями.

— Я вырасту большой и сильной, и мы с тобой куда-нибудь уедем, — Ан погладила отца по щеке. Обычно это его успокаивало. Вот и теперь он чуть прищурил зелёные глаза, а кончики губ дрогнули. Он никогда не улыбался так, как другие члены семьи, но Ан научилась понимать, когда он доволен или радуется.

— Разумеется, — отец легонько ущипнул её за ляжку. Совсем несильно. Ан широко улыбнулась и расслабилась. Папа успокоился, теперь всё в порядке.

— Это очень хорошо... А если не получится? — Ан вспомнила про чертежи. Что, если они ей интересны, значит, она уже испорчена?

— Получится, я это знаю, — уверенно заявил отец. Ан кивнула. Раз он уверен, значит, так и будет. Она твёрдо дала себе обещание, что больше не будет приходить к Строителю. Было немного жаль, что больше она не увидит бумажки, но сейчас это казалось ей неважным и незначительным. Главное, что отец будет доволен.

— Мы скоро снова поедem путешествовать, — тихо прорычал отец. — Ты рада?

Ан кивнула, хотя уезжать из Дома ей не хотелось. Тут было интересно, хотя и не все тут ей нравились. Но... в Доме отец всё время злился, а другие родственники дразнились и смеялись над ними. Ан не понимала причин, и ей это не нравилось. Она не любила, когда отец злился. Он сразу становился грубым и неприятным. Вдали от Дома он был гораздо добрее.

Поэтому она улыбнулась и повторила, что хочет уехать. Шрамированные губы отца дрогнули. Он рыкнул и чуть подбросил её. Ан засмеялась и забыла о его вспышке гнева.

Ночью Ан проснулась от шума. Дверь в гостиную была закрыта, но из щели между ней и косяком падал свет. Доносились тихие голоса. Ан пощупала подушку рядом с собой. Папы нет. Это не порядок.

Ан спустилась с кровати и подошла к двери.

За дверью спорили отец и Рем. Отец стоял спиной к двери в спальню, словно не хотел

пускать сюда племянницу.

— Уматывай отсюда, — тихо прорычал отец. — Нет.

— Почему? — Рем тоже старалась шептать, но постоянно срывалась на тонкий возмущенный визг. — Почему вы так упёрлись?!

— Я сказал — нет!

— Но ей надо учиться! Как вы не понимаете?! Ей уже пять лет!

— Она ребёнок.

— Потом будет поздно! Вы же знаете это! Почему вы хотите того же для девочки, я не понимаю!

— Вали отсюда, я всё сказал!

— Мы не собираемся забирать её у вас, — пошипела Рем. Ан нахмурилась. За Рем стояла темная тень. Строитель. Но что он тут делает? Зачем дядя сюда пришел? Что вообще происходит?

Она переступила с ноги на ногу, взгляд сместился, и сквозь щель она с удивлением увидела ещё одну фигуру: Счетовод. Тётка, как всегда, тощая и угрюмая, сидела на стуле, прямо и напряжённо, как никто никогда не сидел, и тоже молчала. Ан её побаивалась. Она не очень понимала, чем она занимается, но все очень её боялись.

— Я не хочу с тобой ни о чем разговаривать!

— Вы не имеете права обречь Ан на ваше животное существование!

Отец ответил Рем непонятной фразой, от которой она отшатнулась и внезапно со ударила его ладонью по лицу. Отец взъярился, навстречу ему кинулся Строитель. Ан испуганно закричала.

— Пошли вон! — закричал Отец, отпихивая брата. Он внезапно резко оглянулся на дверь в спальню. Ан отшатнулась от двери и упала. Рем и Строитель молча, не глядя на отца, вышли. Счетовод пожала плечами.

— Смотри, как бы тебе не пришлось пожалеть, что ты сломал девочке жизнь. Наше дело предложить.

Хлопнула дверь в гостиную. Отец несколько мгновений стоял посреди пустой комнаты и смотрел в пол. Потом молча подошел к двери в спальню. Ан сглотнула и приготовилась к вспышке его ярости. Но ничего такого не произошло. Отец молча сел рядом с ней на пол и скрестил ноги. Потом усадил Ан в получившееся гнездо и обнял. Она поднялась, уткнулась носом ему в шею и улыбнулась.

— Ты моя, поняла? И ничья больше, — Отец погладил Ан по волосам. Она кивнула. — Повтори!

— Я твоя и ничья больше, — послушно повторила Ан.

Отец медленно кивнул. Они сидели так несколько минут, пока Ан не начала засыпать. Отец неуклюже клюнул её жесткими губами в лоб и отнёс её обратно в кровать.

— Па, зачем они приходили? — пробормотала Ан на ухо легшему рядом отцу.

Отец сначала раздраженно пробунил что-то в сторону, потом нехотя ответил ей:

— Дураки, поэтому припёрлись. Эта коза права качать вздумала...

— Почему Рем коза?

— Спи уже, не твоего ума дело.

Ан кивнула и накрылась одеялом по нос. Отец снова начал злиться. Быстрее бы уехать отсюда.

Ночь прошла спокойно. То ли Ан удачно выбрала место для ночёвки, то ли до сих пор никто не заметил незваных путешественников, но никто их сон не тревожил.

Висельник очнулся на рассвете. Ан вздрогнула, когда сквозь дрему услышала хрип и человеческий голос. Она приподняла голову и посмотрела на чернорсяго. Монашек приподнялся на локтях и непонимающе хлопал глазом. Ан молча ждала, пока он сам её заметит. Внешне паренек выглядел почти живым человеком. Огонь-камень сработал отлично, даже веко на выбитом глазу затянулось и скрыло пустую глазницу.

...Отличная вещь, эти огни-камни. Ан вспомнила двуногое, из которого два месяца назад по случаю сделала этот камень. Камень, так-то, предназначался Осану, но есть вещи, которые так просто не исправить, особенно, если человек не хочет спасения.

Некоторые люди бывают чертовски упрямыми и тупыми эгоистами, даже не понимая, какую боль причиняют другим. Но с этим, наверное, тоже ничего не поделать.

Чернорясый с трудом сел. Его руки мелко дрожали. Он огляделся и уставился на Ан полным ужаса взглядом.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Ты кто? — прохрипел Меркий. Ан оскалила зубы, потом вспомнила, что маска по-прежнему на ней, и разочарованно расслабила мышцы.

— Никто.

— Э... — мужчина замер. Его единственный глаз по-прежнему дико вращался. Ан молча наблюдала. Кел под её спиной не двигался.

— Я... А я... я... — чернорясый вздрогнул и начал ощупывать себя трясущимися руками. Ан позабавилась, с каким стыдом он сунулся было под подол рясы, но вспомнил про её присутствие и одёрнул руки.

С особым ужасом висельник прикоснулся к выбитому глазу. Сначала дрожащие пальцы коснулся щеки, потом осторожно подвинулись к ввалившимся веку. Оставшийся глаз висельника наполнился слезами. Видимо, он до последнего надеялся, что на самом деле не видит из-за повязки.

Ан не стала мешать ему рыдать, выть и грызть пальцы. На его месте она бы сама вырвала горло любому, кто попробовал бы сунуться к ней с утешениями, даже если это был спасший её от смерти человек.

Наконец, висельник навылся и затих, уткнувшись лицом в колени. Ан решила, что он успокоился.

— Ты сам-то кто?

Висельник поднял голову. В свете первых пробившихся снаружи лучей света стало видно его лицо. Отёк спал, и черты прояснились. Намедни ей показалось, что чернорясый молод, и она не ошиблась. Лет двадцать пять, если не меньше, хотя по нынешним временам, наверное, это и не молодость уже. Монашек был даже симпатичным. Тонкие черты лица, хорошие волосы, зубы... почти все на месте.

Ан решила, что он всё-таки похож на фотографию в документах.

Хотя если это о чём-то и говорило, то только о том, что её трофей мог догадаться переклеить фотографию или заказать подделку у хорошего мастера. Хотя, как бы он оказался среди монахов?.. Ан отогнала эти мысли. Какая ей разница? Она хочет убраться из города, а

для этого надо на другой берег. Как только она попадёт на другой берег, пойдёт своей до рогой.

— Я брат Меркий из обители на Холмах, — висельник трясущейся рукой коснулся груди. — Да воссияет н-над вами свет, и п-приведут вас благие дела к миру и процветанию.

Ан в ответ просто кивнула. Похоже, не врёт. Только чернорясые будут бормотать эту чушь, взглянув в пасть смерти.

Она рассеянно погладила шею Кела. Прости, малыш, с десертом придётся немного подождать. Кел опустил морду на лапы и сделал вид, что спит.

— Вы... Я тебя помню! — он всё-таки узнал её. — А где брат Осан?

Ан пожала плечами.

— Считай, что он ушел к вашему Прародителю.

Меркий снова потрогал свой выбитый глаз, и Ан усомнилась, что он вообще её слышал.

— Благословенная, я хм... не помню вашего имени.

— Меня зовут Ан, — она не стала добавлять «и я не благословенная». Не стоит настраивать мальчишку против себя раньше времени, а то ещё откажется идти к мосту. У них и так будет много поводов, чтобы поссориться. Вполне вероятно, что Кел висельника всё-таки съест.

— Спасибо, что... — Меркий замялся, подбирая слова.

— Спасла тебя, — подсказала Ан. — Не за что, это было не сложно.

...а будь у вас хоть несколько ружей и охрана, как в старые времена, то и спасать бы никого не пришлось

Она достала из сумки пачку галет и перекинула её Меркию. Тот не поймал и неуклюже потянулся за едой в мусорную кучу за спиной.

— Ешь. Воды у меня нет и не будет до полудня, — после огня-камня его наверняка мучает жажда, но питья у неё самой не было уже два дня, не считая мизерного количества, что циркулировало внутри доспехов. Так что придётся этому Меркею из как-его-там подождать до Цистерны.

— Хорошо... — Меркий трясущимися руками вытащил галету и попытался запихнуть её в рот. Ан не стала пристально разглядывать процесс, тихо велела Келу следить и пошла проверить, нет ли на выходе из их убежища засады.

С рассветом возобновился дождь. Солнце надёжно скрылось за облаками, а город — за стеной мелкого дождя. Ан раздражённо щёлкнула языком. Она терпеть не могла дожди, особенно в местах подобных этому. Люди не были самыми страшными обитателями Города. В многочисленных каналах, трубах, протоках и подземельях, до сих пор обитает всякое противоестественное зверьё и даже серые твари, чёртовы химеры, опасные даже для неё, не говоря уж о вчерашнем трупе. Ан сомневалась, что чернорясый способен в бою на что-то большее, нежели бормотание идиотских молитв. Почему она его не добила? При свете дня мысль, что чернорясый поможет ей перейти Мост, казалась абсурдной.

Надо будет попробовать придумать её глупому поступку более вескую причину.

Когда Ан вернулась, Меркий уже съел галеты и забился в узкое пространство между упавшей колонной и парашетом хоров. Вокруг него бродил Кел. Зверь молча дёргал мордой и яростно бил хвостом по бетону, стоило Меркию высунуться из своей норы.

Ан отозвала зверя в сторону.

— Поел?

Висельник кивнул. Ан перекинула ему пару сапог и трофейный плащ.

— Надевай, мы уходим.

— Уже? — Меркел выполз из дыры, неловко придерживая на бёдрах рваную рясу.

— Хочешь подождать, когда за тобой снова придут?

Мужчина отрицательно замотал головой и потянулся за обувью. Ан затушила костёр, убедилась, что они не оставили слишком заметных следов и направилась к выходу.

Меркий шел плохо, медленно переставлял ноги, шумел и постоянно оскальзывался на мокрых кусках бетона. Ан начала всерьёз раздумывать, не прибить ли его. Задерживаться в Городе в дождь ей не хотелось.

Но все было мелочью по сравнению с нежеланием Меркийя заткнуться. Ан давно не брала попутчиков, и быстро устала от шума. Осан, конечно, тоже болтал, но он был Осаном — и ему было можно. Этот же бесил. Как далеко разносился пронзительный голос монашка, Ан уже не волновало. Ей очень хотелось зашить чернорятому рот. И оставить его так бродить по руинам. От этого её удерживали только документы в сумке. Чтобы на том берегу её хорошо приняли, этот дурак нужен ей в твёрдом уме и дружелюбно настроенным к ней.

Меркий постоянно спрашивал, куда она на самом деле идёт. Один раз Ан разозлилась и пробурчала, что ищет могилы Отцов.

Он, разумеется, счёл это шуткой.

Меркий спрашивал много. Иногда она отвечала.

— Тебя правда зовут Ан?

— Правда.

— Просто Ан?

— Да.

— Откуда ты родом?

— Оттуда.

— Сколько тебе лет?

— Не помню.

— А чем ты занимаешься?

— Чем придётся.

— А куда ты идёшь?

— На тот берег.

— Зачем?

— Надо.

— А что это за зверь?

— Это Кел.

— Откуда он у тебя?

— Подарили.

— Кто?

— Брат.

— Кто твой брат? Где он?

— Умник он. И он умер.

Короткие ответы святошу ничуть не смущали. Поняв, что из неё ничего не вытянуть, он начал трепаться про себя.

— А я служу делу Благодетелей, — самодовольно заявил молодой человек, словно они не вышли из одной обители в одном караване. Ан поморщилась. — Я брат-исповедник из обители на Трёх Холмах. Настоящий брат-исповедник, я имею ввиду. Если хочешь, могу... Ну, если будет желание освободить душу, я могу выслушать твою исповедь.

Ан несколько секунд подбирала слова.

— Ты сейчас серьёзно?

— Ну да, — не понял её молчания Меркий. — Я имею право.

«Да он ещё и идиот!» Ан закатила глаза. Хорошо, что её лицо спрятано.

— Не хочу.

— Ну, как знаешь. Я самый молодой брат-исповедник в нашей обители!

— А чего ты в городе делаешь, самый молодой брат-исповедник? В паломничество тебя зачем взяли? Это же дофига почётно, опасно и всё такое.

Святоша немедленно поник и потянулся пальцами к выбитому глазу.

— Брат-настоятель отправил меня и ещё несколько братьев в паломничество к Великому Дому Прародителя!

— Я это знаю. Спрашиваю, зачем именно тебя, — Ан поморщилась от наигранного восторга в голосе Меркела.

— Я сам попросился, чтобы поклониться великому месту! — ложь вышла почти убедительной, но дрогнувший голос выдал чернорясого.

— Там даже руин не осталось. Яма и гора мусора, — пожала плечами Ан. Меркий покачал головой.

— Это богохульство!

Ан не ответила.

— Ты необразована и не знаешь правды, — возразил Меркел. — Дом стоит на своём месте и будет стоять. Я лично стоял на ступенях, где Разрушители вероломно напали на своего отца!

— Прямо на ступенях? — Ан ухмыльнулась. Они с Осаном у дома были в полном одиночестве, чернорясые ушли в сторону. Что ж, фанатики нашли неплохой выход. Действительно, кому нужна правда, когда можно назвать тем самым местом любую точку на земле? Интересно, какую из руин они объявили священной? И что будут делать, когда тот дом тоже упадёт? Ну, ещё лет на двадцать домов-башен в Городе хватит.

— Клянусь всеми добрыми делами Прародителя! — Меркий торжественно поднял ладонь и коснулся сердца. — Чтобы меня разразил огонь его гнева!

— Хорошо, я тебе верю, — Ан отмахнулась. Всё равно ей не переспорить. — Только тебе неземная благодать не помогла. Что у вас случилось? Вы уже должны были бы оказаться на том берегу.

Маркий опустил голову и снова потёр пустую глазницу.

— Презренные дикари напали на нас внезапно. Брат Марис возвал к Прародителю, но его убили. Я и мой брат Имет сумели сбежать от них, но они догнали нас... А дальше... дальше...

— Понятно, не продолжай. Почему вы не пошли мимо бетонных домов-башен? Дальше от дома Прародителя вдоль старых каналов?

— А что там?

— Там самый короткий путь от Трёх Холмов до Моста, и почти нет людей. А вы пошли через центр, как все путники.

— Но что в этом плохого?

— Где много путников, будут и эти... бандиты, короче.

Она замолчала. С утра Ан уже сказала гораздо больше, чем за весь предыдущий месяц. Даже язык устал от непосильной работы. Кел, почувствовав её раздражение, оскалил клыки

и направился к святоше. Тот вздрогнул и попятился. Ан жестом отпратила Кела вперёд, проверить путь до Цистерны.

— А куда ты всё-таки идёшь? — долго молчать Меркий не смог. Ан представила, как разбивает ему голову, и стало немного легче. Как никогда она была рада своей маске. Обычно пустая личина скрывала её слабости: растерянность, усталость, любопытство. Личина к тому же устрашала. Всегда страшнее видеть плоский кусок железа вместо живого человеческого лица. В разговорах с людьми в поселениях, Ана снимала внешний щиток и оставляла маску-респиратор. Так было легче: респиратор оставлял иллюзию защищённости и дистанции от окружающих, а люди, видя её человеческие глаза, не подозревали в ней серую тварь или кого похуже. Ан так свыклась с железной личиной, что мысль показать кому-то своё изрезанное шрамами лицо казалась немислимой. Это даже хуже, чем снять доспехи и пройти мимо врагов голой.

Она усмехнулась. Ныне маска скрывала то, как её шрамированные щёки кривились от раздражения. Меркий был ей ещё нужен. Ну, не зря же она тратила на него огонь-камень! И терять возможность перейти через Мост не хотелось. Это сократит путь на несколько недель или избавит её от необходимости лезть в воду. Доспехи требовали ремонта, и Ан не была уверена, что они выдержат испытание речным илом.

— На тот берег, — коротко ответила она.

— Можно мне с тобой? — оживился Меркий. Ан поморщилась: долго же он подводил к этому вопросу.

— Нет, — Ан не выдержала и спустила часть раздражения. На лице Меркия отразился неподдельный ужас. Она улыбнулась. Что ж, шансы заморыша дойти до Моста резко возросли.

— Но... но я...

— Ты со мной уже полдня, ешь мою еду и приседаешь на мои уши. Если бы я не хотела, чтобы ты со мной шёл, я бы бросила тебе болтаться в петле.

Меркий с шумом выдохнул.

— Я... я... — он снова попробовал запахнуть рваную рясу. Ан эта суета начала раздражать. Кого он тут стесняется? Её? Эта мысль едва не заставила её хохотать. Как будто у него под тряпками есть что-то, чего она не видела.

— Не помри до Моста и всё. Это единственное, что от тебя требуется, — Ан оглянулась. Не нравилась ей эта тишина. Город со дня смерти Прародителя был необитаем. Те, кто пережил катастрофу, покинули его в ту же ночь, а те, кто остались — умерли вскоре после трагедии, во время зачистки города. Теперь в руинах обитали только изгои, преступники, сумасшедшие, выродки, банды... Ну, ещё серые твари. Они довольно эффективно регулировали численность здешних двуногих, не давая им снова закрепиться в руинах и подъедая одиночек, слабых и невнимательных.

В такой дождь серые твари наверняка выползли из своих нор на поверхность. Они любят дождь. Так что когда их маленький отряд наткнётся на серую тварь — вопрос времени.

Ан оглянулась на Меркия. Будь она одна, дошла бы до Моста ещё сегодня. Кел сыт и полон сил. Можно было бы сесть на него и сократить часть пути. Но с обузой в виде простого человека, который вряд ли сможет резво скакать по завалам, будет хорошо, если они уложатся в два дня. И совсем отлично будет, если висельник не обойдётся ей слишком дорого. Не надо было сразу тратить на него огонь-камень. Подумаешь, что он скоро погас

бы...

А, чего жалеть. Что сделано, то сделано.

Меркий несколько мгновений таращился на неё с неприкрытым ужасом. Перспектива снова умереть привела чернорясого в ужас.

— На нас нападут?! Опять?!

— Ага, — кивнула Ан и покосилась на серое небо. Дождь почти иссяк, серые облака истончились, а положение солнца можно было узнать по светлому пятну на хмари. Дорога стала хорошо видна, Ан даже смогла заметить впереди круглую серую крышу Цистерны.

— Кто? Когда?! — Меркий начал нервно оглядываться и постарался встать поближе к ней.

— Понятия не имею. В любой момент.

— Люди?

— И они тоже, — Ан замедлила шаг. Они подходили к старому перекрёстку. На столбах ещё висели чёрные фонари с разноцветными колпачками. Здесь заканчивались дома-ульи, и начинались руины городских заводов. Кел поджидал их впереди на осыпавшейся кирпичной стене. Поняв невысказанную просьбу хозяйки, зверь бесшумно спустился на дорогу и скрылся в руинах.

— Что случилось? — немедленно зашумел Меркий. Он нервно озирался, пока они пересекали перекрёсток. — Они? Нападут?!

— Заткнись, — Ан схватила его за шиворот и встряхнула. Меркий испуганно заскулили и, к её облегчению, наконец-то перестал ныть. — Будешь шуметь — брошу. Всё понял?

Святоша истоиво закивал. Ан разжала руки и отвернулась.

— Тогда идём.

К Цистерне они подобралась через руины старого заводского цеха. Всё, что тут было ценного, давно вынесли или сломали. Местами на толстых балках ещё оставались ржавые металлические листы, а на бетонном полу — проржавевший станки и пульта управления с выдавленными дисплеями. Над головами висели просевшие панели крыши, капала вода. Иногда раскачивались рваные концы кабелей и пучки шлейфов, не пригодившихся в новой жизни. Меркий плёлся рядом с ней, чуть ли не держался за плащ, шумел и путался под ногами.

Перед выходом к Цистерне Ан спряталась за остатками внутренней перегородки. Меркий, до смерти перепуганный, пристроился рядом.

Вернулся обогнавший их Кел. Зверь был спокоен, и значит, никого живого он не нашел.

— Что это? Это какой-то храм? — не выдержал молчания Мерекий. Он не понимал, что происходит, чего они ждут, и нервно перебирал пальцами. Ан внимательно оглядела пустое пространство впереди. Вроде бы и правда никого.

— Цистерна это, — пробурчала Ан.

— А она...

— Заткнись.

Цистерна была одним из немногих зданий в Городе, которое не развалили, не разворовали и всячески оберегали. Даже те, кто пришел после и убил всех, кто не сбежал из города сразу после конца. Во многом своей сохранностью Цистерна была обязана тем, что стояла на отшибе и от жилых кварталов, и в стороне от заводов. Сюда мало кто забредал, мало кто вообще знал, что такое Цистерна и чем она важна. А те, кто знал, помалкивали и соблюдали неписанные правила, которые Ан про себя называла “водяным перемирием”. Не ломай, не порть воду, не устраивай засад, не мешай другим.

Цистерна качала из-под земли воду, очищала и пускала течь по трубам водопровода. Сами трубы давно полопались, а те, что остались, без ухода заржавели, заросли и выпускали из себя вонючую жижу. Но около и внутри самой Цистерны можно было набрать почти чистой воды.

Никто не знал, почему Цистерна до сих пор работает. Никто не знал, сколько она ещё будет работать. Когда она сломается, случится катастрофа: если кто-то и знал, что там внутри, и как оно работает, он точно не придёт сюда и не будет чинить источник воды для бродяг и оборванцев.

Несколько минут Ан ждала. Меркий дышал ей в ухо и мешал. Кел начал нетерпеливо бить по земле хвостом. Ан не видела ничего подозрительного. Круглое серое здание стояло посреди площади в окружении ржавых остовов из стальных балок. В сумраке дождя они были похожи на сваленные в кучу кости неведомых чудовищ.

Никакого движения. Только иногда нагибалась под легким ветерком зелёная трава, выросшая около проржавевших ворот, под стенами, в трещинах асфальта и на всяком скопившемся за годы соре.

Ну и что, что трава. Сколько тут бывает людей? Сколько из них готовы тратить время и силы, чтобы привести площадь в порядок?

Ан решила, что нет смысла ждать.

— Идём, — она поднялась. Кел чувствовал её беспокойство, и шёл, низко опустив

голову. Меркий нервно прятался у Ан за спиной и шумно дышал.

Они без проблем пересекли пространство перед выбитыми воротами Цистерны. Заходить внутрь или нет? Ворота-то одни. Ан скосила взгляд на Кела. Тот был спокоен. Потом посмотрела на траву. Не примята.

Придержав Меркия, Ан заглянула внутрь. Никого.

— Ты что-нибудь видишь? — испуганно прошипел Меркел. Точно, для него же внутри царит полная темнота.

— Нет, — отмахнулась Ан и зашла внутрь.

В Цистерне она настороженно огляделась. Ан была готова мгновенно отреагировать на любое движение, левая рука крепко сжимала пистолет. Но внутри никого не было. По крайней мере, Ан не видела и не чувствовала никаких запахов, что могли издать живые существа. Меркий, не способный видеть в темноте, нервно держал её за локоть и дёргался от каждого звука.

Света в Цистерне всегда было мало. Лампы под потолком и около агрегатов выломали и разбили. Да и толку-то от них, электричества в Городе давно нет. Насосы находились где-то под землёй, и сюда доносился их тихий гул. Ан иногда сама задавалась вопросом, почему они до сих пор работают и что их питает.

Одна из отходящих труб треснула прямо посреди широкого внутреннего зала. Вода из неё промыла узкое русло прямо в бетоне пола вестибюля. Получившийся ручеёк уходил под дальнюю стену, где вытекал наружу через промоину.

— Оно работает? — выдохнул Меркий. Ан ничего не ответила и молча опустила клевец. Её не покидало ощущение неправильности. Цистерна была заповедным местом. Конечно, если тебя вздумали убить или сожрать, она не поможет. Убьют и сожрут. Но... она была особым местом. Тут не было принято устраивать засады. Напился — всё, иди дальше... Ан никак не могла описать свои ощущения словами. Что-то здесь было не так. Что-то шло не так.

— Работает, — она опустила пистолет. но убирать его не стала. Ан привыкла доверять своим ощущениям. Чем бы она не чувствовала приближающиеся проблемы, этот орган её ещё никогда не подводил.

— Это чудо!

— Наука, — автоматически поправила Ан. Это — наука. Достижение навсегда ушедшего мира. На мгновение ей стало грустно. Потом она привычно отбросила глупые мысли и вернулась в реальный мир.

— Можно пить? — хрипло спросил Меркий.

— Да. Осторожней, она холодная, — Ан передала ему свои фляги. Монашек облизнулся, но послушно наполнил их первыми и повесил обратно на Кела. До Моста им хватит.

Ан убедилась, что крышки закручены плотно, и отошла, оставив святошу морщиться, крякать и пытаться напиться из струи ледяной воды. Она перехватила клевец поудобнее и медленно обошла остатки машины управления. Все надписи и таблички давно пропали и Ан не знала, на самом ли деле этот агрегат предназначался для управления механизмами. Оно всегда тут стояло, время от времени в нём что-то щёлкало. Наверное, оно нужно для работы цистерны.

Меркий сгорбился над разрывом в трубе и с шумом пил. Потом набрал в ладони воды и принялся умываться. Ан повернулась к нему спиной. Кел тихо обошёл чернорясого и принялся ворошить гору мусора.

Ан прошла вокруг пульта. Ну, не просто же так у неё волосы дыбом под шлемом встали! Что-то не так. Или она просто не выпалась?

Она оглянулась на Меркия. Тот скрючился над промытой в бетонном полу лужицей и пытался отмыть ноги. Кел смотрел на него из темноты горящими глазами. Ан опустила клевец и ещё раз оглянулась.

Всё в порядке.

Она разозлилась, сняла маску и глубоко вздохнула. Пахнет водой, немного пылью, влажным бетоном и чем-то сладким. Воздух был удивительно сухим для такого места и сезона. И эта сладостью. Она провела языком по нёбу, покатала слюну по языку, сглотнула и прислушалась к ощущениям. Сладко.

Почему пахнет сладким?

Ан оглянулась в поисках источника запаха и подошла к тому, что сначала приняла за наваленный около внутренней стены мусор. Она растормошила эту кучу концом клевца.

То, что она приняла за гнилые мешки и мусор, оказалось телом в тряпках. Человек лежал на животе, раскинув тощие ноги в обвисшей сырой одежде. Несомненно, этот человек мёртв и давно.

Ан присела около трупа. Это был мужчина, в старом стальном панцире, покрытом облупившейся зеленоватой краской, и в пыльной одежде. Пожелтевшие, словно восковые, пальцы сжимали дробовик. Дробовик Ан понравился. Хороший, аккуратно покрашенный и очищенный от ржавчины. Да и огнестрел в последние годы стал попадаться ей всё реже и реже. В новом мире мало кто знал, как делать такое оружие, особенно стволы. У неё самой осталось всего пять патронов в магазине пистолета. Ан подняла оружие покойника и покрутила его в руках. Хорошее. Взять с собой? Без патронов от дробовика пользы не больше, чем от дубинки. Можно, конечно, продать на том берегу, но до туда ещё надо дойти. Возможно, у покойника что-нибудь осталось. Это было бы неплохо. С ней бесполезный груз, а защищаться будет проще.

Отложив дробовик, Ан обшарила труп. В сумке нашлось ещё два десятка зарядов в старых пластиковых гильзах и дюжина в бумажных скрутках. Порох почти не отсырел, что здорово подняло ей настроение. Ан сняла с покойника его сумку и запихнула в неё содержимое его. Вряд ли ему ещё когда-либо понадобятся спички в пластиковой коробке и два ножа.

Потом её внимание вернулось к дробовику. Ан взяла его в руки. Тяжелый. Она отодвинула цевьё и нахмурилась. Один заряд в патроннике. Непорядок. И гильз на полу нет. Ан перезарядила оружие. Ещё раз. Ещё, пока на бетонный пол перед ней не выпал шестой патрон. Дробовик был полностью заряжен. Шесть зарядов в пластиковых гильзах. Покойник не защищался перед смертью. Непорядок.

Минутку, а почему он вообще умер?

Она собрала патроны, присела перед телом и присмотрелась к нему внимательней. Теперь оно полностью захватило её внимание, и Ан с трудом верилось, что какое-то ружьё смогло отвлечь её внимание от такого трупа.

Мертвец выглядел свежим. По крайней мере, не вонял. Она приподняла маску. Да, почти не пахнет. Но несмотря на первое впечатление свежести, труп пролежал здесь уже изрядное количество времени. Он не портился, а желтел и усыхал, хотя Цистерну не назвать сухим местом. Ан перевернула покойника концом клевца. Одежда цела, панцирь тоже. От чего он умер? Отравился водой? Он бы так хорошо не сохранился. Сам умер? Да нет, вроде

молодой ещё, вон во рту сколько много зубов. Отчего же он тогда тут сдох? Почему те, с кем он пришел, не забрали оружие и сумку? Если он пришел один, зачем он это сделал? Ан не выдержала и зажгла фонарь. Кел, почувствовав её беспокойство, оставил Меркия и подошел к трупу.

— Всё в полном порядке, малыш... Всё в порядке, — Ан ещё раз осмотрела тело. Только теперь в ярком свете она заметила на его желтой коже круглые отметины, и поняла, что всё совсем не в порядке.

Она выругалась, схватила сумку с патронами покойника и вскочила на ноги.

— Монах, иди сюда! — Ан выскочила из-за агрегатов. Меркий по-прежнему плескался в луже под трубой. При звуках её голоса он поспешно одёрнул подол рясы и прикрыл свой голый зад. Ан подбежала к нему и резко оттащила от лужи.

— Ты чего?!

— Всё, пошли, — она перекинула ему сумки и осторожно подошла к луже. Нимфа должна быть где-то здесь. Размеры водоёма для них не важны, им следа от ботинка хватит, проклятым тварям, главное, чтобы вода текла, а не стояла.

— Что случилось? — прохрипел Меркий.

— Ничего. Иди к воротам, быстро, — Ан встала около промоины. Вроде никаких признаков нимфы. Возможно, она ещё сыта. Но как тварь пробралась сюда? Это же Цистерна! Ан не в первый раз пересекает Город, и ещё не раз не видела здесь серых тварей...

А впрочем, почему бы и нет? Место как место. Даже удивительно, что порча пробралась сюда так поздно.

На дне лужи что-то мелькнуло. Ан напряглась и перехватила клевец. Раздался тихий звон от переминающихся на железной решётке пола лап Кела. Обострившийся слух Ан уловил под ними плеск воды. Под полом тоже вода.

— Уходим, немедленно, — она снова заметила тень и сделала шаг назад. Сегодня альтруизмом она заниматься не будет. Разве что напишет на стене, что внутри нимфа. Главное, унести ноги с монашеком. Если чернорясый сдохнет, то она зря потратила огонь-камень и своё драгоценное время.

— Что-то случилось? — продолжил отвлекать её Меркий. Он попрежнему топтался на месте и не желал делать, как ему приказано.

— Пока — ничего, — она, не оборачиваясь, отступила от лужи. — Тут серая тварь. Не смотри на воду.

— Тварь Разрушителей?! — завопил Меркий.

— Да! Заткнись! — Ан на мгновение оглянулась на него и толкнула рукой в плечо. — Не шуми!

Нимфе хватило этого мгновения.

Взгляд Ан снова скользнул по вытекающей из трубы воде. На поверхности воды появилось лицо — и притянуло её взгляд. Против воли она присмотрелась к текущей воде, чтобы проверить, не показалось ли. Взгляды нимфы и Ан встретились, и она поняла, что попала в ловушку.

Какая же она дура! Так легко попалась!

Через мгновение все мысли пропали из головы. Нимфа улыбалась. Сердце отозвалось теплом. Нимфа стремительно обретала плоть. Нежные, ласковые голубые с искорками глаза светились на милом круглом лице, а мягкие тёплые пальцы погладили Ан по лицу и обняли за шею. Ан остатками своей свободной воли почувствовала скрип ногтей о латный

воротник..

Нимфа была ей рада. Нимфа хотела помочь ей. Нимфа даст отдых и радость. Если позволить ей поцеловать себя, то Ан испытает невероятное счастье. Это конец её долгого пути. Конец всех забот и лишений. Это — счастье.

В глубине души шевельнулся маленький червячок ярости.

Ан положила ладони на руки нимфы и позволила ей опрокинуть себя в воду.

Как только Ан выросла настолько, чтобы её воспринимали всерьёз, она стала договариваться о ночлеге и попутках сама. Отец разговаривал слишком резко и слишком много злился, из-за чего часто приходилось идти пешком, что злило его ещё больше. Ан, конечно, нравилось сидеть за плечами отца и смотреть вокруг и слушать маленький радиоприёмник или отцовские байки, но так делали только дети. А она точно уже не ребёнок.

Сколько Ан себя помнила, они путешествовали, изредка приезжая домой. Дом — это в Городе. Дом был большим и стеклянным. Говорили, что он красивый, но рядом стояли и более красивые и большие. Один раз она спросила, почему они не живут в самом большом доме, но Рем велела ей не говорить об этом, особенно при старших.

Дома они с отцом жили редко. Дед постоянно отсылал отца с каким-нибудь поручением. Иногда очень далеко, чуть ли не на край света. Один раз они летали на самолёте, но это было давно. Отец сказал, что Ан тогда страшно испугалась, и он решил больше не летать. “Так даже лучше”, сказал отец. “Черт их знает, как эти штуки летают!” Ан сказала, что поверила. Потом попыталась рассказать, как на самом деле летают машины, чтобы он перестал бояться, но отец не захотел даже слушать. Пришлось смириться, хотя попробовать полетать ещё раз очень хотелось.

И с парашютом прыгнуть очень хотелось. Дома Кел хвастался, что уже прыгал в одиночку. Ан ему не поверила. Кел, конечно, был здоровяком, но всё-таки недостаточно тяжёлым, чтобы прыгать одному. О чем она ему и сообщила. Кел в ответ разбил ей нос и назвал дурой. Они подрались, и она уже почти ему наваляла, но прибежал дядя и слишком быстро их растащил.

Ан очень хотелось взять реванш, но не получилось. Кел уехал в школу, а они с отцом уехали по поручению деда. Её нос остался неотмщённым, купленная Рем красивая форма — не надетой, а банты, которые они хотели повязать ей на короткие волосы, лежать у Рем до следующего года.

...Иногда Ан страшно надоедало путешествовать.

В этот раз им повезло: владелец маленького пикапа согласился за несколько купюр подбросить их в кузове до городка на том берегу реки. После можно было переночевать и утром прийти на старый мраморный карьер. Отец обещал, что утром он ещё красивее, чем на закате.

Погода была хорошая, дорога ровная, и Ан, прислонившись к боку отца, достала книжку. Её ей дала Рем, когда они последний раз приезжали домой. Рем же поставила ей на планшет все программы, которые были нужны для задачек из книжки. Ан давно все их перерешала, даже не смотря на то, что планшет оказался не так удобен, как большой компьютер, и сейчас повторяла особо понравившиеся или особо трудные. Решать те, что у неё хорошо получались, снова и снова было одним удовольствием, но Рем говорила, что по-настоящему умный и сильный человек прежде всего делает то, что ему не очень нравится. Ан считала себя очень умной и очень сильно, и пыталась делать, как говорила Рем.

Отец, когда Ан доставала книжку, всегда молчал и не мешал. Сейчас он тоже полулежал и слушал радио. Ан иногда поглядывала на него, но отец выглядел спящим. Оно и к лучшему. Вдруг он проспит весь путь до города?

Ан никогда не спрашивала, что именно дед поручает им сделать, когда они покидают Дом. Она подозревала, что все эти задания были несложными и никому даром не нужными. Точно недостаточно важными, чтобы гонять с ними члена семьи. Хотя ей и говорили, что она глупая и ничего не понимает, Ан видела, что отца не любили. Хуже того, его тоже считали глупым, и он это знал и понимал. Ан видела его ярость каждый раз, когда дядья начинали с неприятными улыбками снисходили для объяснений или когда дед отмахивался от него со словами "ты всё равно ничего не поймёшь". Гордость не позволяла отцу показывать им свою обиду, и Ан делала вид, что ничего не видит и ничего не спрашивала. Отец, как ей казалось, был благодарен за это.

Будь воля Ан, домой она бы не возвращалась и нашла другой дом, потому что городов со школами, куда можно носить банты и форму, было много. Зачем возвращаться туда, где тебе не рады? Ей было бы жалко расставаться разве что с Рем. Рем была хорошей, не задирала нос, как остальные, и, скорее всего, навещала бы их.

Мост над переправой был пустым, и они легко его проехали. Ан приподнялась над бортами кузова и посмотрела на реку, мелькающую между железными подвесами, держащими полотно. День был жарким, а от воды ещё тянуло остатками весенней прохлады.

— Что, уже? — отец приподнялся следом за ней и снял наушники. Ан кивнула и посмотрела вперёд. Вон уже кирпичное здание. Мотель. Они останавливались тут пару раз, и их уже знают. Отец потянулся и зевнул. Потом опустил взгляд на её руки.

— Чего читаешь? — отец потянул книгу на себя и посмотрел на название. — Методы инд... инд... Тьфу! Зачем это тебе?

— Интересно, — пожала плечами Ан. Она сжала планшет между коленями и полезла в сумку за кошельком.

— Понимаешь, что там написано?

— Угу.

— Много понимаешь?

— Ну... — Ан задумалась, не зная, что отвечать. — Пока всё вроде.

Отец кивнул.

— Откуда она у тебя?

— Рем дала, — ответила Ан, прежде, чем сообразила, что именно говорит. Отец ненавидел Рем и её отца. Он не разговаривал с ними, не разрешал Ан подходить к ним, если она спрашивала разрешения, и уже не раз злился, когда находил у Ан вещи Рем. Или не злился, понять, когда именно имя сестрёнки вызовет у отца вспышку ярости, Ан не могла. Поэтому обычно она никогда не говорила отцу, кто на самом деле дал ей новую книгу или игрушку, иначе подарком могло случиться всё, что угодно.

— Эта дрянь?! — лицо отца исказилось от ярости.

— Я сама её попросила! — выдохнула Ан и сжала книгу. Будь проклят её длинный язык! Отец грубо вырвал книгу из её пальцев и, размахнувшись, зашвырнул в придорожный ивняк. Ан увидела, как в лучах солнца блеснул глянцевый корешок, и книга скрылась в листьях. Колесо автомобиля подскочило на ухабе, и кусты слились унылую зелёную стену. Ан даже не заметила никаких примет, чтобы ночью отыскать место, где осталась книга. Ей стало так обидно, что она сама пришла в ярость.

— Это моя книга была! Её мне дали, а не тебе!

— Угу, — буркнул отец.

— Свои вещи выкидывай! — Ан сунула планшет в сумку, пока отец не разозлился и на

него и отвернулась в другую сторону. Глаза у неё были сухими, но внутри всё горело от несправедливости. Книга и правда была её, пока она не вернула её Рем! Она представила, как ночью вернётся за книгой, но понимала, что ничего она не найдёт даже при свете дня.

Они молча доехали до мотеля. Отец успокоился и смотрел в небо, а Ан думала, как рассказать Рем о случившемся. Кузина, наверное, расстроится. Ещё ей было ужасно жалко книгу, которая теперь валяется где-то в грязи и там бесславно погибнет вместе с другим мусором.

Автомобиль мягко остановился. Отец вылез из кузова первым, потом снял Ан.

— Иди внутрь, я сейчас приду, — он хмуро огляделся. Около кирпичного здания практически никого не было. Ан это обрадовало. Время от времени в дороге к ней приставали, особенно, когда отца рядом не было. Иногда он бил пристающих, иногда она справлялась сама: мало кто пока воспринимал её всерьёз и сразу видел, что она может дать достойный отпор. Ан даже понимала их немного. Хотя ей все говорили, что она выше сверстников, она не считала себя сильной, да и не выглядела таковой. Вот отец — другое дело. У него одна рука была толщиной с её талию. Ан вообще была какой-то маленькой, нескладной, тонкой. Ей часто приходилось драться, и со сверстниками, и со взрослыми. Но драться Ан не любила. Это больно, очень страшно и нервно. К тому же после драк, если их ловила полиция, дома дед ругался на них, и отец снова злился.

— А ты куда? — Ан послушно подняла сумку с отцовскими вещами. Сумка была очень неудобной и болталась на плече так, что Ан тоже мотало из стороны в сторону. Раньше у отца был рюкзак, но уже месяц он никак не мог найти в магазинах такой же, а на другие смотреть он отказывался категорически.

— Да так, надо... И пож... поесть возьми что-нибудь. Я скоро вернусь, — он поднял воротник куртки и направился в сторону, откуда они приехали. Ан это не понравилось. Она сложила ладони воронкой и проорала в них:

— Не смей ни с кем драться, слышишь?!

Отец отмахнулся от неё.

— Ну и дурак!

Ан договорилась о комнате на ночь. Регистратор, хмурый опрятный мужчина, поинтересовался, где её отец, с которым она намеревается ночевать, но всё-таки принял у неё деньги и дал ключ. Похоже, решил, что ему нет смысла вмешиваться. На отцовскую сумку, явно тяжелую, он посмотрел очень внимательно, но ничего не сказал. Ан купила у него ещё ужин, одну порцию себе и две отцу, а ещё пиво и курицу, тоже отцу.

— Хочешь сказать, что твой папаша всё это съест? — не выдержал регистратор.

— Ему ещё мало будет, — заверила Ан, подцепила пиво и направилась со своим грузом к их комнате. Тащить всё разом было неудобно, но она не хотела два раза ходить чтобы снова не разговаривать с регистратором.

В комнате она оставила приоткрытой дверь на общий балкон. Отец всегда без ошибок находил её. Но в этот раз он задерживался, и Ан, глядя на стремительно синеющие сумерки, начала беспокоиться. Не мог ли он всё-таки ввязаться в драку? Многие пытались задирать такого огромного и страшного на вид мужчину. Отец очень силен и очень хорошо дерётся, но вдруг их будет много? Или у них будет оружие? Она снова разозлилась на отца. У него был телефон, но он никогда не брал его с собой, засовывая трубку куда-то в глубь вещей. Он называл его поводком деда, и Ан ужасно злилась, потому что дед был далеко, а она, которая порой теряла отца и долго его искала — рядом.

Когда за окном стемнело, а Ан уже собиралась отправляться на поиски, снаружи раздались знакомые тяжелые шаги. Отец, пригнувшись, вошел в комнату и неторопливо снял куртку. Он выглядел целым, только вытряхнул из-за шивороты несколько сломанных веточек и листьев. Ан выдохнула. Хорошо, что он ни с кем не дрался.

Отец молча посмотрел на неё, потом достал из кармана куртки её книгу с задачками и подошел к столу.

— Извини, — буркнул он и бросил книгу Ан на колени. Она несколько секунд пялилась на неё. Книжка помялась и запачкалась, несколько страниц торчали из неё больше положенного, а корешок промок. Рем наверняка расстроится, но ничего ей не скажет. А Ан будет очень стыдно. Рем всегда была очень добра к ней. Наверное, она единственный член семьи, не считая отца, разумеется, кто обращался с Ан хорошо. Жалко будет её огорчать. Но уже ничего не поделать. Ан поправила порвавшиеся страницы и убрала книгу в сумку.

— Спасибо, — она передала отцу ужин и свёрток с курицей. — Я решила, что ты проголодаешься.

Отец молча кивнул и сел рядом. Стул под его весом затрещал. Ан подвинула ему кувшин с соком и подобрала ноги. Отец развернул бумагу, пальцами раздавил грудь птицы и, не поворачиваясь, сказал:

— Я тут подумал... и решил. Осенью мы останемся дома.

— Почему? — удивилась Ан. — Что-то случилось?

— Ну, вроде того... Тебе одиннадцать будет. Пора перестать мотаться со мной.

Ан пожала плечами, потом поняла, что именно он сказал.

— Постой, перестать? — Ан уставилась на отца. Остаться дома, когда она как раз выросла достаточно, чтобы помогать ему?! — Почему?!

— Тебе надо учиться.

— Я учусь! Сам видел!

— Не так. По-настоящему. Каждый день. Ну, в этой, школе. А сейчас ты баловством занимаешься.

— Я там не останусь!

— Останешься, — пробурчал отец. — Ты умная.

— Фигня.

— А книжки читаешь.

— Мало ли, кто читать умеет!

— Это не обсуждается, — разозлился отец. — Я сказал останешься — значит останешься. Если надо будет, переломая тебе руки-ноги, чтобы не уползла!

Ан сжала губы. Потом с трудом спросила:

— Ты давно это решил?

Отец кивнул и снова уставился на курицу.

— Это дед велел меня оставить?

Он отрицательно покачал головой.

— А тебе-то я что сделала?

— Это не наказание, — отец в сердцах оторвал одну куриную лапку и принялся её обсасывать, всем видом показывая, что разговор окончен. Но надолго его не хватило. — Это не наказание, тыква.

— А что это?

— Твоё будущее. Я не хочу, чтобы ты была такой, как я, — отец явно с трудом подбирал

слова. Ан его не торопила.

— А ты чем плох?

— Я — дурак.

— Фигня. Ты не дурак, когда ты не упрямишься, то всё по...

— Не перебивай! — рыкнул отец. — Да, я дурак. Может что-то я и понимаю, но сути это не меняет. А вот ты — нет. Так что... я хочу, чтобы у тебя был выбор. И чтобы ты не жила, как я. Всё, хватит, набегались.

— А если я выбираю не возвращаться?

— Это не выбор.

— Выбор.

— Подрастёшь — будешь выбирать!

— Ага, опять я слишком мелкая!

— Я не то имел ввиду! Ты должна посмотреть, как живут другие люди, — Ан хотела было возразить, но отец показал ей кулак. — Не перебивай, тыквоголовая! Ты должна посмотреть, как живут другие. Попробовать. Узнать, как это. А потом уже выбрать. Мной стать не трудно.

— Ты знаешь, что я выберу.

— Хера с два ты это выберешь! Думаешь, я сам выбрал мотаться, как нищий?! Поди туда, принеси то, отвези это! Лишь бы перед глазами тебя не было! — отец отшвырнул куриную ножку и обхватил лицо Ан ладонями. От неожиданности она уронила свою вилку. — Я нихера не выбирал эту жизнь, поняла? Это выбрал твой чертов дед. Он решил, что мне ничего не нужно... — отец крепко зажмурился. Ан почти слышала его мысли, как он мучительно подбирает слова и как он мучительно не хочет повторять за сестрёнкой Рем. “Мир слишком сложный, чтобы можно было жить так. У неё светлая голова, она может добиться многого”. Рем приходила к отцу, когда они были дома и когда сестрёнка была уверена, что Ан рядом нет, зато где-то рядом есть Строитель. — Ты не думала, что я тоже хочу тёплый дом, мастерить всякие штуки, чтобы меня за это хвалили и говорили, какой я умный? Думаешь, очень приятно, когда твой ребёнок тебя же поучает?!

Ан испуганно помотала головой. Она вообще не понимала о чём он, и боялась, что это какая-то новая злость, с которой она ещё не знала, что делать.

— Нихера я это не выбирал, тыква, — отец вздохнул и отпустил её.

— Ты же тоже учился? Учился же? — Ан ухватила за первую попавшуюся мысль. В голове от шока у неё творился полный бардак. Отец хочет оставить её дома! Отец хочет жить, как его братья?..

— Нет. Или да. Там... нехорошая история вышла. Я тебе её как-нибудь потом расскажу. Нихера, короче, не вышло по-любому. Говорю же, я дурак.

— Совсем ничего?

— А стал бы я так... — отец в ярости сжал кулаки и ударил по столу. Зазвенела посуда. Он глубоко вздохнул и выплюнул. — Не хочу, чтобы ты всю жизнь перед ними унижалась. У тебя есть шанс, им от тебя ничего пока не нужно, значит, этим шансом надо воспользоваться.

— Поэтому я всё равно должна буду унижаться перед ним, — Ан не понравилась идея остаться дома одной, наедине с кузенами и другой роднёй. Она терпеть не могла кузенов, потому что они были надменными козлами и считали её ниже себя. Неужели у неё не получится учиться в другом месте? А как отец? Без неё он точно попадёт.

— Лучше несколько лет, чем всю жизнь, — отец потрепал её по волосам и криво улыбнулся. — Уж поверь мне. Отучишься, и пойдёшь на все четыре стороны.

— Не хочу.

— Это не обсуждается. Знаешь, почему я не плюнул на всё и не свалил от... них ещё лет десять назад?

— Ну и почему?

— Потому что ты. У тебя голова пусть и рыжая, как тыква, но варит она хорошо. Если я тебя заберу от них, то эта голова пропадёт попусту. Будешь жить, как я, пока не помрём оба. Да и ты сама не сможешь так жить. Вон, я уже нихрена не понимаю, что ты там делаешь. А дома полно умников и таких книг.

— Пап, я не хочу оставаться дома одна.

— Не будешь. Я поговорю с этой, как её, Рем, чтобы она за тобой приглядывала. Ну, и её папаша тоже говорил, что... ну... — отец наконец-то показал эмоции и поморщился. Потом справился с эмоциями и криво ухмыльнулся. — Тебе же нравится Рем?

Ан хотела закричать на него, кинуть чем-нибудь тяжелым, но тело не слушалось. Сердце бешено забилося, перед глазами всё поплыло.

— Ты чего, тыква?

— Ты меня... остав... — Ан всё-таки не выдержала. Слезы брызнули из глаз, а голос сорвался на жалкий сип.

— Глупая тыква, — отец положил руку ей на плечо. — Ты чего?

Ан замотала головой и вытерла слёзы рукавом.

— Хочешь сказать, что я от тебя отказываюсь?

Она кивнула.

— Никогда в жизни, тыква, слышишь? — отец встряхнул её. Ан всхлипнула и обняла его руку. Отец подтащил её к себе и усадил на колени. Табурет отчаянно затрещал под их весом. Ан прижалась лбом к груди отца и тихо прошептала.

— Ты всё равно лучший. Лучше их всех.

Отец хохотнул и крепко сжал её.

— Ещё бы. Ну, всё, нечего реветь. Иди спать. Завтра будем на месте.

— На карьере? — Ан вытерла слёзы и попыталась улыбнуться.

— Ага. Ещё водопады тебе покажу.

Ан кивнула, сглотнула комок и тихо прошептала:

— Хорошо, пап. Уверена, мне там понравится.

Мир перевернулся, свет пропал. Вода хлынула зашумела в фильтре шлема. Доспехи и нимфа потянули Ан на дно. Мелькнула мысль о сумках. Или они не с ней?.. А, демоны с ними. Она по своей глупости снова усложнила себе жизнь.

...подумаешь, как будто в первый раз...

Нимфа обвила её десятком хвостов и прижала к своему скользкому телу. Ан не видела тварь, но чувствовала прикосновения длинных гибких ладоней к своим доспехам. Тонкие пальцы шарили по личине брони и пытались её снять. Ан из последних сил оттолкнула тварь. Фильтр давно уже не исправен. Ей не хватит кислорода из систем для дыхания, и маска не пропустит воду. Впереди мучительная смерть от удушья. Глупый финал длинной бессмысленной жизни, равнодушно подумала Ан. Голос нимфы в её голове тихо вторил мыслям. Ан затрясла головой, но шепот не умолкал. Ан попыталась закричать, прогнать чёртов голос, но... голос, слишком знакомый голос, назвал её по имени и спросил, где она была. Ан замерла. Хвосты нимфы вились вокруг неё, мягко отвели руки в сторону. Ей стало на всё наплевать. Она слышала голос и пыталась вспомнить его. Чуть хриплый голос ворчал, рычал и злился, почему она молчит. Ан ошарашенно попыталась оправдаться, потом мигнула. Наваждение на мгновение пропало, и голос раздвоился. Тихий нежный мягко попенял её: «Не сопротивляйся. Мы все пришли из воды и все уйдём в воду. Ничего не бойся».

... «Все боятся, — возразил ей хриплый голос. — Даже те, кто бояться не может... Страх — страшная сила, тыква. Он лишает воли и свободы лучше, чем любые оковы. Вот я хожу и хожу, как собачка на привязи, потому что есть страхи, которые меня держат. Да, я тоже боюсь. Ты однажды подрастёшь и всё поймёшь»...

Ан на мгновение, как будто бы не тонула в объятиях серой твари, увидела широкоплечую сгорбленную фигуру. Отец сидел и чертил концом длинной палки какие-то узоры на земле, время от времени поглядывая на неё, пока она плескалась в реке. Его слова и внезапное признание что, он, такой большой и сильный, тоже может чего-то бояться, резко контрастировали с тихим солнечным днём, от чего и врезались в память.

Это воспоминание обожгло старой, почти забытой болью, смывая наваждение и желание покоя. Мир снова обрёл чёткость. Она в чёрное воде в объятиях монстра, утянута на дно и задыхается.

А ещё она снова одна, она идёт на тот берег, и ей надо успеть до первых морозов, чтобы вернуться на море.

Ан схватила ближайший хвост нимфы и сжала пальцы. Тварь дёрнулась прочь, волоча за хвостом и жертву. Ан ударилась ногами о что-то вроде ступеньки и упёрлась в неё коленями. Нимфа вырвала из её когтей хвост и на мгновение пропала. На пальцах осталось ощущение налипшей каши.

Ан рухнула на дно, оказавшееся бетонной лестницей и едва успела перевернуться на спину и поднять руки. Хвост нимфы сжался вокруг перчаток и немедленно разжался, напоровшись на острые края наручей. Ан пригнулась, и несколько хвостов схлестнулись над её головой. Один задел её плечо и опрокинул движением воды.

Несколько секунд Ан бессмысленно барахталась в движущихся потоках. Мир сократился до темноты, нескольких ступеней под коленями и появляющимися из ниоткуда

ударами хвостов нимфы. Ан снова ухватила за один из них и попыталась притянуть нимфу к себе. Серая тварь забила и заколотила её хвостами. Следом за вырывающейся нимфой Ан мотало из стороны в сторону. Воздух уже закончился, и Ан было нужно убить тварь немедленно. Только тогда она сможет снять шлем и заполнить лёгкие водой. Минуту она будет задыхаться, хрипеть и умирать, прежде, чем тело сумеет вспомнить, на что оно способно и сумеет начать дышать водой. Всё это время она будет совершенно беспомощна и лишена защиты. Чтобы не думал создатель её тела, вода не была стихией людей.

Ан перехватила хвост нимфы обеими руками и, упираясь в дно, потянула тварь к себе. Нимфа попыталась вырваться, не смогла и внезапно метнулась к Ан. Она успела чуть развернуться, и удар тонких рук пришел вскользь. Ан выпустила хвост, и попыталась схватить нимфу за шею. Пальцы скользнули по чему-то, и снова раздался тихий голос в голове.

“Зачем ты это делаешь?”

Ну вот. Ан затрясла головой, прогоняя наваждение, и пропустила удар. Нимфа повалила её на спину. Пока Ан цеплялась за ступени и пыталась подняться, пришло ещё два удара. Нимфа, уже не пытаясь вторгнуться в мысли Ан, просто вцепилась в её доспехи тонкими пальцами и мотала из стороны в сторону, колотя отростками. С каждым движением удары становились сильнее. Или силы Ан уже закончились?

Какой же это будет глупый конец. Хорошо, что никто не видит.

Из последних сил Ан пнула нимфу в тощую грудь и схватила её за шею. По ощущениям она словно пыталась поймать голыми руками скользкого угря. Нимфа истерично забила. Ан замотало и потащило по ступеням. Нимфа вырвалась и... всё остановилось.

Ан с трудом поднялась на четвереньки и попыталась выпрямиться. Сопротивление воды внезапно пропало, а в фильтре зашумел свежий воздух. Она вздохнула, и только теперь осознала, что задыхалась. Холодный воздух резанул лёгкие, как сотня бритв. Ан упала на колени, шумно вдыхая и выдыхая. Несколько очень долгих секунд понадобилось, чтобы снова взять тело под контроль и подняться на ноги.

Она стояла на узкой бетонной площадке в просторном помещении с решетками вместо потолка. Возможно, когда-то это была технологический зал с подъёмом вдоль стены или технологическая шахта. Впереди в разрыве перил под воду спускалась бетонная лестница. Свет попадал через узкие прорезы решеток верхнего зала. Ан мигнула и включила ночное видение. Шлем словно неохотно прояснил картинку. Так и есть, она под полом сумрачного зала первого этажа. Она услышала цокот железных лап Кела и крики монашека. Её звали. Зачем?

Ан потрясла головой. Мысли прояснились. Чёрт с ним, мозгом, голова у неё чугунная, и не такое переживала. Но если она не сможет унести ноги от нимфы, то голова ей больше и не пригодится.

Вдоль стен вниз спускались полторы дюжины потемневших от времени труб самых разных диаметров. Почти все они выглядели целыми, пусть и потемневшими от времени. Вода под бетонным козырьком мерно двигалась. Ан попыталась включить тепловизор, но шлем не отозвался ни на движение глаз, ни даже на столько раз помогавшее постукивание щитка около темени.

Плохо.

Несколько раз вдохнув и выдохнув, Ан решила считать, что нимфа оставила её в покое, потому что ранена. Что будет делать раненая серая тварь? Либо спрячется, чтобы залечить

раны, либо попытается сожрать добычу попроще. Ан прислушалась к воплям монашека. А вот и добыча попроще. Кричать перепуганному телу без мозгов, как себя вести, чтобы не стать пищей для твари, было бесполезно.

Она должна немедленно выбираться наверх, под водой делать нечего.

Ан понятия не имел, сколько под Цистерной помещений, сколько из них заняла нимфа, есть ли вообще выход наверх. Значит, ей надо его проделать.

Ан спустилась в воду на несколько ступеней и покачала трубы. Раздался металлический звон.

— Ан! Ан, это ты! — на решетке появилась тень. Монашек крутился около выхода труб.

— Не мешай! — проорала она. Рядом с чернорясым появилась вторая тень. Ан почувствовала присутствие Кела. Она услышала его убогие псевдомысли и желание кого-нибудь убить. Зверь рыл носом решетку и злился, что она не поддаётся его попыткам проделать в ней дыру. Она отдала ему команду следить за нимфой и защищать монашека. Бесконечное повторение её имени сменилось воплем ужаса, когда Кел бросил своё занятие и попытался оттолкнуть чернорясого от решеток.

Хрен с ним. Или нет. Ладно, выберется — и разберётся. Ан взялась за трубу шириной с её бедро, ещё раз немного её пошатала и поползла вверх. Старый желтоватый металл отчаянно заскрипел и заходил ходуном под её руками и коленями. Путь наверх занял меньше минуты. Ан вслушивалась в скрип и стук металла, жалея, что ей некому помолиться о удаче и прочности чёртовых труб. Ей придётся довольствоваться тем, что они вообще ещё целы, после стольких лет без ухода.

Совсем рядом с потолком труба треснула. Ан несколько долгих секунд ждала, что же будет, но труба выдержала её вес и не собиралась падать. Переведя дух, Ан осторожно упёрлась рукой и плечом в решетку. Тяжелая панель поддалась и приподнялась. Ан выдохнула от облегчения. Она попыталась откинуть решетку в сторону, и труба, сжатая её ногами, вздрогнула. Ан замерла, вцепившись пальцами в решетку, готовая рухнуть обратно в воду. Сердце ёкнуло, дыхание на мгновение сбилось, но труба выдержала. Ан заставила себя сосредоточиться на цели. Вот она, решетка. Какой-то кусок железа отделяет её от свободы и жизни. Нужно просто быть аккуратней. Она ведь когда-то могла быть очень-очень аккуратной.

Ан выдохнула и приложила к решетке ещё раз, прислушиваясь к своим мышцам и движениям своей шаткой опоры. Сегмент со скрипом поддался. Она приподняла его, отодвинула в сторону — и едва успела убрать пальцы. Что-то тяжелое встало на решетку и застучало металлическими когтями. Ан дёрнулась, и труба под её ногами начала оседать. Она едва успела просунуть пальцы в открывшуюся щель и сжать их. Труба рухнула в воду, а она повисла на одной руке под решёткой и Келом, который, тупое животное, тыкался мордой её в пальцы. Заскрипели доспехи. Искусственные мышцы приняли часть нагрузки, но и её собственное тело застонало.

“Уйди!” мысленно рявкнула она, и Кел шарахнулся в сторону. Ан подтянулась и ухватилась за щель второй рукой. Стало немного легче. Из разорванной трубы лилась вода, и раскачивающиеся ноги Ан попадали в поток. Кел сделал круг, вренулся к щели и снова ткнулся в её пальцы носом, не понимая, почему она злится.

С равнодушной обречённостью Ан поняла, что сейчас сорвётся в воду.

А дальше будет конец. Возможно, есть выход. Но он под водой, в затопленных и заполненных обломками стен и железа коридорах, и там обитает нимфа. Один раз она её

очаровала, очарует и во второй. Без шансов.

— Ан, ты там?! — чернорясый монашек принялся оттаскивать решетку в сторону. На много сил ходячего пол-трупа не хватило, но щель стала чуть-чуть шире. Совсем немного, но достаточно, чтобы можно было перехватить соскальзывающие пальцы и успокоиться.

— Ан, она тяжелая, я не могу! — заныл монашек.

— Просто отойди!

Кел, повинувшись команде, хозяйки, отпихнул замешкавшегося монашека в сторону и упёрся мордой в край панели. Заскрипел металл, и щель начала увеличиваться. Ан ещё раз перехватила край решетки. Металлические полосы прогибались под её весом, но пока держались.

— Оно лезет! — Закричал чернорясый. Ан не обратила на него внимания. Пальцы уставали, и это было самой главной проблемой. Она подтянулась и выкинула вперёд руку. Пальцы скользнули по решетке. Следующим рывком удалось зацепиться чуть надёжнее. Она выдохнула и нащупала ногами целую трубу. Скрипнул металл о металл. Маленький успех, можно похвалить себя. И снова вперёд, останавливаться нельзя. Доспехи немилосердно тянули вниз. С оглушительным, как ей показалось, грохотом, начали рваться искусственные мышцы. Те, что ещё оставались.

Кел откинул решетку в сторону и отошел от дыры. Ан посмотрела на маленький прямоугольник света, выдохнула и подтянула себя вверх. Вылезти по грудь удалось почти сразу. Кел, тупая скотина, полез помогать и едва не спихнул Ан обратно. Она вцепилась в решетку и прорычала приказ отвалить. Зверь обиженно присел и отполз, волоча зад по полу. Ан выдохнула и позволила себе на мгновение оглянуться. Около промоины в стене бурлила вода. Мелькнула серая блестящая плоть и шевелящиеся на маленькой голове жвала.

— Оно лезет! — снова проклацал зубами монашек.

— Ляг и смотри в пол! — велела Ан, вытягивая своё тело на решетку. Нимфа потрепала её сильнее, чем показалось внизу, как будто пролезая через дыру она нажал. Колени болели, левое плечо и затылок глухо ныли.

Монашек и не подумал послушаться и продолжал в ужасе пялиться на бурлящую воду. Ан в ярости пообещала себе скормить его твари.

Нимфа словно поняла, что надо спешить, и вскинула над водой несколько тонких хвостов. Переливающиеся на концах плавники, как хвосты сказочных рыб, расправились под своим весом и заблестели. Монашек уставился на них выпученными от ужаса глазами. А потом хвосты пришли в движение. Они медленно покачивались, выписывали в воздухе восьмёрки и круги. Плавники поблескивали в падающем снаружи свете. Чернорясый перестал визжать и пучить глаза. Его лицо успокоилось, а тело расслабилось. Он вытер нос, поднялся с пола и смущённо расправил подол своей рваной рясы.

— Простите, что я в таком виде, я не ожидал, я... — он словно опомнился и рухнул на колени. — Госпожа, вы... вы меня спасли! Вы пришли за мной!

Из воды показалось тело нимфы. При должном воображении в показавшейся части можно было увидеть подобие человека: длинные руки с почти человеческими кистями и пальцами с шестью суставами. Тощие широкие плечи обтягивала серая блестящая, как у лягушки тонкая кожа. На длинной шее покачивалась небольшая голова с подобием лица. Вместо глаз были два пустых углубления на ровной коже, а то, что можно было назвать ртом, скрывалось за парой плотно сжатых жвал и беспокойно шевелящихся отростков с присосками и чувствительными кисточками.

Нимфа беспокойно вертела головой. Кисточки метались из стороны в сторону, пытаюсь учуять еду.

Ан выругалась и быстро вытащила из дыры ноги. Зазвенел металл о металл. Кел молча подбежал к ней и присел, как готовящийся прыгнуть кот. Она нащупала в сумке на его боку пистолет, порадовавшись своей глупости и жадности, из-за которых она не взяла его перед входом в цистерну.

— Госпожа, умоляю, заберите меня отсюда! — надрывался чернорысый. Он рыдал и то пытался ползти к нимфе, то падал на четвереньки и заходился в истерике.

Нимфа вылезла на пол. Ниже груди сходство с человеком заканчивалось, и начиналась отвратительная на вид путаница из десятков самых разных хвостов, перепонки и плавников. На воздухе они опали, слиплись и воняли мерзкой сладостью. Присоски на морде серой твари были обращены, как десятки антен, в сторону рыдающего монашека. Нимфа поползла вперёд, подтягивая тушу руками.

— Госпожа, они все убиты, все ваши верные слуги!

— Да заткнись уже, — Ан выстрелила. Пуля попала в плечо нимфы. Тварь дёрнулась и пригнулась к полу. Хвосты вздрогнули, а присоски развернулись в сторону Ан.

“Ты уже давно не знаешь покоя”...

— Заткнись я сказала! — Ан выстрелила ещё раз. Пуля попала в жвало, и разворотила половину головы нимфы. Руки твари подломились, она рухнула на пол и забилась. Меркий, освободившись от наваждения, с испуганным воплем плюхнулся на задницу и попытался отползти назад. Серая тварь последний раз вздрогнула, и под весом своих хвостов соскользнула обратно в дыру.

Ан опустила пистолет и выдохнула. Вот и всё.

— Свет нерушимый хранит меня, душа моя чиста и не поддастся мраку, где порождения разрушения царствуют!... — бормотал Меркий, громко клацая зубами.

— Успокойся, она сдохла, — Ан убрала пистолет и ощупала свои доспехи. Потом помахала руками. В плече порвались два пучка мышц. Очень обидно, но не смертельно. Возможно, она даже сможет их починить. Когда-нибудь. А пока придётся воспринимать это как плату за невнимательность.

— Это была тварь Разрушителей! — Меркий наконец-то совладал с голосом и начал нормально кричать. — Тварь, что уничтожила мир! Та, что убила Прородителя!

— Нет, не она, — Ан испытала острое желание снять шлем и напиться. Что ж, хорошее желание. Вряд ли тут рядом есть ещё одна серая тварь, они терпеть не могут друг друга. Ан сняла шлем вместе с личиной и полумаской и подошла к промоине. Холодная вода была чистой и прозрачной, без сладкого привкуса, и Ан от души напилась. Потом надела шлем.

— Ты идти сможешь?

— Да, смогу! — Меркий уже перестал молиться и встал на трясущиеся ноги. Ан подняла выроненный клевец и подошла к дыре, где скрылась нимфа. Чернорысый, помявшись, встал рядом и по-птичьи вытянул шею, чтобы заглянуть вниз и не оказаться к дыре ближе, чем Ан.

Внизу, под полом, плескалась вода. То ли она затопила подвалы цистерны, то ли так задумывалось строителями, Ан не имела ни малейшего понятия. На поверхности воды плавала нимфа. В прямоугольнике падающего света поблёскивала серая спина химеры. Вокруг ореолом покачивались десятки тонких хвостов. Ан присвистнула. Тварь была большой, по-настоящему большой и хорошо откормленной. Часть её хвостов наверняка

проросла на глубину, и лишь из-за невозможности вытащить их, нимфа не сумела вылезти на поверхность быстро. Остатки разбитой головы нимфы плавали, связанные с шеей несколькими лоскутами плоти.

— Кто это? Это... это... это тварь... тварь Разрушителей! Что ты с ней сделала? — потрясённо спросил Меркий. Ан посмотрела на тушу. Какая она всё-таки здоровенная.

— Как видишь, убила.

— А как она?... А ты её...

Ан отмахнулась от него и присела у края люка.

— Но ведь это невозможно, — прошептал Меркий. — Её можно убить только благословенным оружием и только если оно в руках человека исключительной силы и веры!

Ан поморщилась.

— Но я её убила. Всё, пойдём отсюда. Тут больше нечего делать.

— На ней ошейник надет, — Меркий продолжал пялиться на тело твари. Его единственный глаз был круглым от ужаса.

— Какой ошейник? — не поняла Ан.

— На ней ошейник... ну... надет... был... Вон, блестит!

Ан достала из сумки на боку Кела фонарь и наклонилась над дырой в полу.

— Где? — луч света пробежался по телу твари.

— Там, где у неё шея... наверное, это шея, я не знаю...

— Помолчи.

Ан передала ему фонарь, легла на пол и, сунувшись в дыру, клевцом подтянула к себе тело. Нимфа заколыхалась, как студень. Ан перевернула её на спину. На остатках разорванной шеи действительно поблёскивала полоса металла. Теперь Ан ясно увидела, что то, что она сначала приняла за складку слизи, на самом деле чёрная полоска с блестящими металлическими пятнами. Ан поддела полосу клевцом и с трудом сняла её с твари. Голова отделилась от тела и повернулась остатками жвал вверх.

— Что это? — прошептал Меркий. Ан отползла от дыры, взяла ошейник в руки и поставила под свет фонаря. Полосу чёрной мокрой кожи покрывали желтоватые пластины металла с выбитыми на них знаками подчинения. Внутри — мелкие острые шипы. Ан провела по ним пальцем. Неприятно даже через латы, или у неё разыгралось воображение?

— Это... а зачем на ней ошейник?

— Не зачем, — Ан задумалась, что ей делать. Тварь не могла сама нацепить такое украшение. Кто-то надел его на неё, а на такое мало кто способен. По правде говоря, она не видела таких людей уже долгие годы, и была уверена, что секрет изготовления ошейников сгинул вместе с Детьми Благодетелей, неблагодетелями и прочей многоумной швалью. Может быть, она когда-то была хозяйской и сбежала? Да нет, она вон какая огромная. Надень кто ошейник на личинку, она бы его уже давно порвала или вращила в себя.

— Она же не сама его на себя надела, — повторил её мысли Меркий. Ан протянул руку, чтобы коснуться ошейника, но в последний момент одумался. Святоша беспокойно вытер руку о рясу, словно испачкался, и оглянулся. — У неё есть хозяин, да?

— Вроде того, — Ан выпрямилась, продолжая машинально крутить ошейник в пальцах. Знаки подчинения были выбиты на станке, а края кожаной полосы аккуратно прошиты и запаяны. Значит, ошейник не сделали на коленке, а произвели ещё тогда, до. Это обнадёживало. Возможно, какому-то дурачку просто попал в руки секрет приручения тварей — и ничего более.

— Тогда он должен быть где-то здесь, — Меркий нервно оглянулся.

— Тут никого больше нет, успокойся.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда. Идём. Нам ещё надо найти место для ночёвки.

Ан убрала ошейник под плащ и достала из сумок пустые фляги. Несколько минут ушло на их наполнение.

— Держи, — она убрала фляги, вытащила запасные штаны и перекинула их Меркию. Под доспехами они ей были не нужны, но отдавать их священнику она тоже не планировала. Всё-таки своё, чистое, и других у неё не было. Но если этот дурак будет так же плестись, пытаясь прикрыть голый зад рясой, то их найдут все серые твари города. Ан не собиралась встречаться с хозяином нимфы, если он всё ещё жив. Он не её проблема, пусть кто-нибудь другой сражается за очищение этого берега.

— А... — Меркиюхватило ума промолчать и молча натянуть штаны.

Напоследок Ан закрыла ворота Цистерны и маркером кое-как намалевала предупреждение о нимфе. Всё, с ней хватит благодетельности.

От Цистерны они ушли быстро и молча. Чернорясый быстро перебирал ногами и старался держаться поближе к ней, время от времени, как ребёнок, хватаясь за её плащ. Лишь когда руины цехов снова сменились домами-ульями, Меркий выдохнул и заговорил.

— ... я не могу поверить, что это правда была тварь Разрушителей! Она... все великие мира, я поддался этим тёмным чарам! Я почти поверил, что эта тварь на самом деле пресветлая Госпожа!

— Что за Госпожа? — буркнула Ан. Про эту “Госпожу”, новую правительницу того берега, она слышала уже не раз, и имела свои мысли на её счёт. Дама Расколотого Сердца, как было написано в бумажках Меркия. Ан подумала, что путь в обход всё же имел смысл.

— Ты разве не знаешь, кто такая госпожа?

— Нет, — она мельком посмотрела на него и вернулась к разглядыванию улицы впереди них. В этом квартале было пустынно и никаких признаков людей. Даже стёкла в окнах местами стояли целыми. Некогда чахлые скверики, разделяющие две стороны улицы разрослись и даже без листвы закрывали своими ветвями небо. Во дворах царил та же картина, и Ан не хотела остаться в них на ночь. Она сомневалась, что там есть что-то, что может причинить ей вред, но тёмные заросли будили в ней древние страхи и брезгливость.

Дождь снова усилился, и уже в сотне шагов впереди всё пропадало в стене воды. Отличная погода для серых тварей. В дождь их приближения ни учуять, ни увидеть.

Ан снова посмотрела на монашека. Его чёрная ряса давно промокла, а капюшон облепил голову. Как бы не заболел и не помер. Хотя, по её расчётам, проглоченный камень должен будет греть его нутро ещё несколько часов, кто знает, на сколько его хватит на самом деле. Она поморщилась. Забота о благополучии висельника начала раздражать даже её саму. Простым желанием перейти Мост без проблем всю эту чушь было уже не объяснить. Возможно, всё от её ответственности. Ан спасла висельника, не бросила сразу, значит, взяла на себя заботу о его жизни. Одного взгляда же на него понятно, что без её помощи он сдохнет там же, где она его оставит. Возможно, стоило вправду его там оставить. Он не хороший человек. Он был труслив, самонадеян и слаб. К тому же он верил во всех этих Благордеятелей и Разрушителей, а любой, кто верит в чушь, глуп и опасен. И всё же... Ан не раз спасала случайных попутчиков, и ни разу не бросала их, пока они не добивались до безопасного места. По крайней мере, пока это не угрожало её жизни или они сами не

покушались на неё.

— Я бы не стала спрашивать о том, что знаю, — Ан отогнала от себя лишние мысли и вернулась к разглядыванию хмари впереди. У них есть проблемы гораздо серьёзней. Например, серая тварь в ошейнике. Кто надел его на неё? Где этот человек теперь? Зачем он поселил химеру в Цистерне?

— Госпожа — правительница нашего берега реки и всех окрестностей около озёр, — пустился в объяснения Меркий. — Мудрая и справедливая правительница, благородная кровь! Неужели ты её не знаешь? О ней идёт молва по всем землям на земле, потому что она последняя из своей семьи!

Ан покачала головой. Благородная кровь. Возможно, простое совпадение или просто кто-то когда-то услышал, и теперь решил разыграть спектакль, чтобы сытно есть и тепло спать.

— Никогда не интересовало, кто этими местами правит.

— А зачем ты тогда идёшь на тот берег? — удивился Меркий.

— А почему нет?

Они немного помолчали.

— Ан, откуда это чудовище? Неужели... прости, просто все знают, что твари Разрушителей были созданы ими и подчиняются только Разрушителям. И... Ну... их могут убить только... великие герои.

— А я не великий герой?

Монашек замялся и уточнил:

— Великие герои с верой в душе.

— Это не так. Любой достаточно сильный человек может убить серую тварь. Но толпой будет вернее и безопасней.

— Но оно же... оно владело тёмной магией. Она одурманила мне голову, и я едва сам не пошел... бр... Моя вера... оказалась слаба. Увы мне, а ты, значит, не зря была другом мастеру Осану!

— Нет, разумеется, — Ан помолчала. — От веры ничего не зависит.

— Но в книгах записано!..

— Не хочу об этом говорить. Заткнись.

Монашку хватило догадливости хотя бы сменить тему.

— Куда мы идём теперь?

— К мосту, я же говорила.

— Да, помню, извини. Откуда ты так хорошо знаешь город?

— Я здесь бывала.

— С твоим отцом?

— С ним тоже.

— Ммм... а кем был твой отец?

— Хорошим человеком, — от воспоминаний об отце настроение Ан упало. Навалилась какая-то странная апатия, даже не захотелось ударить придурка.

— А где он сейчас? Он жив?

— Наверное. Я думаю, да, — Ан посмотрела на небо. Когда же этот проклятый дождь остановится? И город этот чёртов! Надо же было так разрастись. А когда-то она могла его пройти за несколько часов из конца в конец. Ладно, не несколько. Но точно этот путь не занял бы дни, как теперь.

— Ты не знаешь, где он? — Меркию надоело ждать ответа, и он подёргал её за руку. Наглец.

— Ты можешь заткнуться? — прорычала она. Меркий ойкнул и умолк. Ан мысленно пожелала ему больше не поднимать эту тему.

Кел бежал впереди них, время от времени возвращаясь к Ан. Её забавляло, как Меркий дёргался каждый раз, когда из стены дождя появлялось тёмное пятно, постепенно становящееся механическим зверем.

Нашел чего бояться. Серых тварей в дождь не видно, пока они не начнут рвать тебя на части.

Ан помнила карту города, а город всё ещё сохранял какие-то ориентиры из той, нормальной жизни, и она знала, куда идти. Они огибали дома-башни по узким и коротким улицам жилых кварталов, но чаще переползали через завалы и руины. До темноты они не сумеют дойти даже до набережных. Нужно будет останавливаться на ночлег. Приходить к Мосту в темноте бессмысленно: в темноте охрана сначала стреляет, а уже на рассвете смотрит, что пыталось прорваться в этот раз. На Мост нападали не раз, как серые твари, так и дикари из бетонных руин.

Для ночёвки Ан выбрала старый театр, зажатый между домами-ульями. Меркий предложил зайти в один из жилых домов, но Ан не любила брошенные квартиры. В них ей было неуютно: слишком низко, слишком не по размеру и слишком неприятно думать, что тут когда-то жили люди, потом сбегать, если целы перекрытия, трудно.

Фасад зажатого между домами-ульями и брошенным парком театра давно осыпался. Но колонны и карнизы под тяжелым фронтоном позволяли ему даже в разрушении выглядеть величественно. Впечатление не портила даже проступившая под отвалившимися штукатуркой и помпезной лепниной грубая кирпичная кладка.

— Это чей-то дворец? — Меркий запрокинул голову, пытаясь разглядеть портик театра в сгущающихся сумерках. Огонь-камень в нём наконец-то угас, и теперь парень мелко дрожал от холода. Ан отдала ему свой плащ, которым прикрывала доспехи, но рваный кусок ткани не очень помогал. Им обоим были нужны тепло, огонь и еда.

— Нет, — Ан первой зашла внутрь. Судя по запаху, тут уже давно никого не было. Кел тоже не волновался. Она сдвинула с лица респиратор и ещё раз принялась. Пахло старостью, пылью и сопревшими листьями.

— Идём, — Ан достала фонарь и осветила им путь через просторный вестибюль здания. Луч света выхватывал из темноты то пыльную люстру, то роспись на стене, то остатки портьер. Унылое великолепие привело святошу в восторг.

— Это что такое? — Меркий запрокинул голову, сиюсь разглядеть высокий потолок. — Это какое-то важное место?

Ан пожала плечами.

— Не знаю.

Когда-то вестибюль театра разделяли и украшали огромные стеклянные стены и витражи. Большая их часть осыпалась и теперь хрустела под ногами. Ан решила здесь не задерживаться и поднялась по боковой лестнице на второй этаж, где были двери в зрительный зал. Последний дневной свет падал через провалившуюся крышу в большой амфитеатр с рядами кресел. Луч фонаря пробежался по сцене с остатками декораций.

— Это же... аудитория? Тут выступали? С проповедями, наверное! Это древних храм Прародителя?

— Нет, — Ан прошла дальше. Снаружи она заметила несколько целых окон на третьем этаже. Они поднялись ещё на этаж по задней спиральной лестнице. В образованном ею колодце висела чудом сохранившаяся хрустальная люстра на латунном основании. Длинные подвески потускнели от грязи. Меркий зачем-то потянулся и коснулся их. Мягкий звон в тишине прозвучал, как сирена, и резанул Ан по ушам.

— Руку оторву, если ещё раз что-нибудь облапаешь, — она взяла его за плечо и грубо оттащила от перил. Чернорысый немедленно сник и закивал.

Последний пролёт упирался в небольшую лестничную площадку, за которой, как Ан и предполагала, начинался служебный коридор и офисы. Стены закрывали расстрескавшиеся деревянные панели, недалеко от лестницы было что-то вроде зимнего сада под стеклянным квадратом в крыше. Здесь на металлических поддонах стояли самые разные горшки с остатками растений, большой грязный стол и несколько кресел.

— Тут жили люди? — удивился Меркий. — Тут жили жрецы Прародителя? Или какой-то городской правитель? Это был дом знати?

— Нет, — Ан прошла до конца коридора, увидела за покосившимися дверями такую же винтовую лестницу, как та, по которой они поднялись, только поскромнее, и решила, что дальше искать лучшее место бесполезно. Да и некогда уже искать что-то другое. Снаружи стремительно темнело и холодало.

— Мы останемся тут?

— Да.

— А...

— Заткнись.

Ан развела огонь в одном из поддонов. На растопку пошли остатки стульев и вздыбившийся от времени паркет. Дым потянуло в разбитую раму у них над головой. Меркий стянул с себя мокрый плащ и рясу, оставшись в сырых штанах и рубашке. Ан закатила глаза.

— У тебя на теле есть что-то, чего я ещё не видела?

— Правила приличия требуют...

— Я не умею лечить пневмонию, — она равнодушно пожалала плечами, сняла шлем и расправила сырые волосы. Голове немедленно стало холодно. Ничего, зато высохнут.

Меркий помялся и неловко стянул с себя рубашку. Потом, жмурясь и отворачивая лицо, штаны. Одежду он развесил на оставшихся стульях, сдвинув их к огню. Ан порылась в сумке, достала своё старое одеяло и перекинула его святоше. Ишь какой скромный. Чернорысый немедленно закутался в одеяло и подсел почти вплотную к огню.

— А ты... — он спохватился и посмотрел на Ан. — Ты в доспехах... ну... не замёрзнешь?

— Нет, — она повесила над огнём котелок с водой. Потом протянула висельнику фляжку с самогонкой. — Сделай один глоток.

Меркий послушно отхлебнул и едва не выплюнул питьё.

— А почему ты не снимешь маску? — монашек несколько раз вздохнул и выдохнул через рот, потом кое-как закрыл крышку и положил фляжку рядом с собой.

— Не хочу.

— М... я...

— Чего тебе?

— Я не видел твоего лица.

— Нахрена оно тебе?

— Ну... — святоша замялся и отвёл взгляд. — Мне... немного страшно... Нет, я не хочу тебя оскорбить, но просто... Это невежливо. Ты-то меня видела. Даже... — он окончательно смутился, явно подразумевая свою наготу.

Ан потрогала респиратор. Она сняла личину. Глаза видны. Что этому идиоту ещё надо от неё?

— Но если ты не хочешь, я ни в коей мере не настаиваю!

— Не хочу, — Ан убрала руку и перекинула ему несколько полосок мяса.

— Ты ждёшь нападения, да? — Меркий собрал ужин на коленях, погрыз полоску и принялся её, неуклюже повторяя за Ан, мять. Ан лениво вертела в руках свою долю. Есть ей не хотелось.

— Размочи в воде, — вместо ответа посоветовала она и кивнула на котелок. Меркий недовольно уставился прямо ей в глаза. Кел тихо лежал у неё за спиной и не двигался. Хорошо это или плохо? Вроде он недавно поел, теперь должно надолго хватить... Чернорясый вздрогнул и отвёл взгляд.

— Ан, можно задать тебе вопрос?

— Ну, валяй.

— Днём, в Цистерне.... Я уже задавал, извини, если ещё раз. Ошейник, помнишь?

— Ну, да.

— Разве возможно подчинить себе тварь Разрушителей, не будучи Разрушителем? Я никак не могу... в общем, ты ведь знаешь ответ, да? Тут в городе... живёт Разрушитель?

Ан ответила не сразу.

— Может быть и да. А может и нет. Тварями может управлять любой, кому хватит знаний и наглости.

— Ты ведь уже сталкивалась с таким, верно?

Она медленно кивнула.

— Ты сможешь его убить?

— Кого?

— Хозяина тварей? А вдруг... вдруг это всё-таки Разрушитель? — священник немедленно смутился своих же слов. — Я имел ввиду, кто-то из их прислужников! Ведь все Разрушители мертвы, но если кто-то из их детей жив? Ты справишься с ним?

— Возможно, — Ан задумчиво перевела взгляд на потолок. Вряд ли в город пришел кто-то, кто помнил ещё тот мир. Скорее какой-нибудь охотник за редкостями сумел завладеть ошейниками... Нет, не складывается. Как же он сумел надеть ошейники на тварей? Это даже не бешенную собаку ловить голыми руками. Хотя, если ему достались личинки... опять же нет. Тогда бы ошейник врос в плоть, либо тварь как-то нашла способ от него избавиться. Нет, ошейник кто-то надел на взрослую нимфу.

— Если это кто-то из проклятых отступников... Если он...

— Сперва ты встретишься с его тварями.

— А если та была одна?

— Тогда он к нам не сунется.

— Почему?

— А ты попрёшь на тех, кто может убить серую тварь?

Меркий замотал головой.

— Вот и заткнись, — Ан вывернула ногу, разглядывая пластину доспехов под коленом.

Вроде бы проклятая нимфа ничего не сломала. — И ложись спать. Утром нам надо дойти до моста.

Меркий кивнул и принялся грызть мясо.

Спать он улёгся на старый стол, напялив подсохшие штаны и сапоги и завернувшись в одеяло. Ан осталась сидеть и смотреть в огонь. Ошейник на серой твари. Давно она такого не видела. Придёт ли к ним тот, кто ошейник надел? Ан на его месте точно бы пришла посмотреть.... А что, если это Благородная кровь?

Ей невольно стало не по себе. Она не сталкивалась с настоящей Благородной кровью ещё дольше, чем с укрощёнными серыми тварями. Шансы есть, но днём нимфа поймала её врасплох, и лишь чудо и доспехи спасли Ан от неминуемой гибели. Каковы же её шансы в схватке с человеком, а не с его безмозглой игрушкой?

Ан откинулась спиной на железный бок Кела и положила на колени клевец.

Ан проснулась и открыла глаза.

Было по-прежнему темно и тихо. Огонь в поддоне давно погас, только светились красные угли. Священник лежал на столе, подтянув к груди колени, и едва слышно дышал. Ан как можно тише встала и оглянулась. Пахло сыростью и какой-то гнилью.

Всё было в порядке — кроме того, что спать она не собиралась. Ан помнила, как она возится и заряжает сначала пистолет, а потом найденный в цистерне дробовик, потом сидит, пересчитывая валяющиеся паркетные плашки — и провал. Она, разумеется, устала, но не настолько, чтобы заснуть против своей воли.

Кел лежал около входа в их закуток. Когда она повернула голову, в темноте зажглись яркие глаза. Зверь тихонько скрёб лапой по паркету, а его хвост время от времени вздрагивал и бился о пол. Значит, её разбудил именно он. Ан указала зверю на дальнюю лестницу. Кел послушно отправился проверять, что там. Глаза потухли, и теперь его присутствие выдавал только едва слышимый скрип вздувшегося паркета под металлическими когтями.

Ан подошла к окнам. Грязи на мелких стёклах накопилось столько, что вряд ли даже в ясный день солнечные лучи пробиваются через них. В разбитой раме торчали осколки стекла. Ан заглянула в дыру, но ничего снаружи не увидела. Дождевые облака рассеялись, и сквозь просветы мелькали редкие звёзды. Она принюхалась. Воздух был влажным, тяжелым, сладким. Чернорясый монах крепко спал, и не очнулся, даже когда она его потрясла и перекатила на спину.

Ан оставила парня в покое и опустила маску респиратора. Запах сладости стал невыносим. Около углей он был слабым, но около окон воняло просто невыносимо. Ан вернула маку на место и надела шлем. Святоша всхрапнул. Она отвернулась от огня, достала пистолет и вышла к лестнице с хрустальной люстрой.

Запах сырости стал ещё сильнее. Ан оглянулась, заметила тень в конце коридора и тихо цокнула языком. В ответ во тьме вспыхнул жёлтый глаз Кела. Она повернулась к лестнице.

Сырость. Какой мерзкий запах! Как будто дождь не прекращался тут годами, и внезапно театр прогнил насквозь. Вроде бы ничего особенного, но до чего же неприятно. И даже сквозь респиратор пробирает тошнотворный сладкий запах.

Тварь.

Ещё одна.

Сомнений в причине её беспокойства не было. Тварь уже где-то рядом. В голове пронёсся вихрь мыслей: есть ли на твари ошейник? Где её хозяин? Кто он? Как она могла быть такой беспечной, что уснула?

А ведь у неё осталось так мало патронов! Всего три в пистолете. Нужно было взять дробовик, но Ан не была уверена, что он будет хорошо работать.

Часть систем её доспехов сломались годы назад, но ночное видение работало, проявляя мир в отвратительном сизо-зелёном цвете. Она осторожно заглянула вниз. Лестница была по-прежнему пуста. Повисла звенящая тишина. Ничего не происходило. Ан втягивала в себя воздух и до рези в глазах всматривалась через линзы шлема вниз, вдоль лестницы. Ничего. Запах говорил, что тварь рядом, но она не видела даже тени движения. Сидит в засаде?

Видов тварей было не так уж много. Их создатели не любили разнообразие и скромно считали, что природу человеку не переплюнуть. Ан мысленно перебирала всё, что знала о

тварях, пытаясь представить, кто будет её противником. Нимфа? Может очаровать, но тут нет воды. Жнец? Не пролезет в узкие окна и двери, а сил разломать бетонные стены ему не хватит. Древоточец? Нет, он слишком шумный и неуклюжий, да и он не усыпляет, а подкрадывается к спящему и протыкает голову. Шептунья? Может усыпить, значит, подходит. Но в одиночку шептуньи не охотятся. Для серых тварей они слишком хлипкие, и эффективней было использовать стаю, усыпляющую жертв.

Запах сырости и сладости стал совсем невыносимым. Мелькнуло движение. Ан ещё раз посмотрела вниз и увидела клочья тумана, вползающие на лестницу через окна.

Старая люстра шевельнулась. Тихо зазвенели подвески и раздались в стороны от распирающего конструкцию тумана. Люстра словно сделала вдох — и опала в выдохе. Ан резко повернулась влево и выстрелила в появившийся на лестнице тёмный силуэт. Пуля попала шептунье в голову, и тварь завалилась на перила лестницы. Долю секунды она балансировала, потом перевалилась через них и исчезла внизу.

Вторая подобралась с туманом по люстре. Ан едва успела повернуться и сделать шаг в сторону. Прыгнувшая тварь пролетела мимо, вскользь задев наплечник. Ан выстрелила в серую тварь, и тут появилась третья. Это была маленькая шептунья, почти личинка, ростом ей по плечо, с едва поднявшейся от плеч головой. Личинка с тихим сипом запрыгнула ей на спину и вцепилась в наплечник. Рука Ан дрогнула, и выстрел ушел в темноту. Взрослая шептунья ударила ещё раз. Ан отпрянула назад, увернулась и оттолкнула тварь от себя, потом пытаясь скинуть со спины личинку. Та засипела и засунула острые пальцы под пластину над лопаткой. Взрослая, щёлкнув пастью, попыталась схватить Ан за горло. Она снова сумела увернуться, приложив личинку о стену и вскинула руки. За спиной хрустнуло, и личинка пронзительно взвизгнула и отвалилась со сломанными пальцами. Взрослая тварь застрекотала в такт мелочи и вцепилась длинными пальцами в горжет. Ан пошатнулась и чуть не упала на пол.

— Да сдохни, — Ан ударила шептунью ногой в то, что было коленом серой твари и рванула назад. Шептунья покатила по лестнице. Ан выдохнула и повернулась к личинке. Так и есть, совсем мелкая, корявая и безголовая. Она попыталась поднять руки со сломанными пальцами. Ан сломала ей локоть и свернула то, что у личинки было вместо шеи.

Последний патрон ушел взрослой шептунье в грудь. Ано была готова поклясться, что попала прямо в точку сердца, а силы патрона хватило бы, чтобы пробить рыхлую грудную пластину шептуньи. Но тварь покачнулась, но не упала и вцепилась в нагрудник. Ан ударила тварь в морду. Они закружились на месте, пытаясь ударить друг друга. Ан потеряла ориентацию и едва не оступилась на оказавшейся под ногами ступеньке. Шептунья со свистом впила широкой пастью в горжет. Ан попыталась скинуть с себя тварь и почувствовала, как упёрлась ягодицами в перила.

Сцепившиеся тела не успели остановиться. Пол пропал из-под ног, и они полетели вниз. Ан почувствовала, как её тело потеряло вес, а по доспехам бьют подвески люстры. Внезапно что-то дёрнуло её за плечо и остановило полёт. Шептунья с воем сжала пальцы, но не удержалась и упала вниз. Прежде, чем Ан поняла, что случилось, она рухнула следом — вместе с люстрой, за которую она зацепилась.

Несколько мгновений весь мир состоял из ударов, боли и звона.

Ан лежала животе и пыталась вздохнуть. Только когда шептунья под ней зашевелилась, она заставила себя сесть.

— Сдохни, — Ан нащупала горло твари и ударила её кулаком по голове. Кулак вошел во что-то мягкое. Шептунья вздрогнула и потянулась к ней своими корявыми руками. Ан ударила ещё — и тварь наконец-то обмякла. Неужели всё? Она отряхнула перепачканные ладони, потом принялась ощупывать ошметки серой плоти. Так и есть. Ан подняла перед собой руки и ощупала находку. Ошейник с металлическими бляхами. Ан отшвырнула его в сторону и медленно поднялась на ноги.

Она стояла внизу, под лестницей. Люстра валялась здесь же. Плечо начало болеть. Ан потянулась и проверила пластину на лопатке. Не пробита, комбинезон под железом тоже цел. Отлично.

— Ан! Ан, ты где?!

Кто это орёт? Она подняла голову, прислушиваясь к крикам. А, точно, это её висельник. Проснулся от шума, что ли?

— Ан! Ан! Кел! — продолжал надрываться Меркий. — Помогите!

Подволакивая подвёрнутую при падении ногу, Ан поднялась по лестнице наверх. Только бы святоша не сдох, иначе она что, зря с ним возилась? Ан подняла оставшийся валяться около дверей в коридор пистолет, и заковывала на голос чернорясого. Сладкий запах тварей стал выветриваться. Отлично, можно будет доспать, а утром, когда твари начнут разлагаться и вонять, уйти.

— Ан! — продолжал надрываться священник. Он стоял в одних штанах около стола. Несмотря на страх, он умудрился снова разжечь огонь и включить её фонарь, и теперь крутился на месте. Подходи и убивай. Ещё и слепил её. Когда Ан подошла к их закутку, он даже не заметил, а заметив, попытался ударить фонарём. — Не подходи ко мне!

— Заткнись, — Ан поймала его руку и отобрала фонарь. Со стороны второй лестницы раздавались стук и лязг железа. — Жди тут.

Ждать этот дурак, разумеется, не стал. Схватил оставленный на столе фонарь и побежал следом.

— Что это было?!

— Серые твари, — огрызнулась Ан. Она тихо просвистела, подзывая Кела. В ответ на её призыв в темноте появились оранжевые глаза. Ан увидела сизый массив над лежащей тварью. Шептунья лишилась головы, а её огромные руки торчали в разные стороны, как ветки сухостоя. Кел, узнав хозяйку, подбежал к ней на трёх лапах. Ан упала перед ним на колени и быстро ощупала его голову и плечи. Зверь мешал ей, тыкаясь мордой в руки, а Меркий суетился и пытался светить фонарём. Зелёная кратинка перед глазами истерично бликовала и мигала.

— Прекрати, — она отпихнула святошу и ощупала бока Кела. Обнаруженное ей не понравилось. Шептунья сумела поддеть несколько пластин и влезть в нутро железного зверя. Разбить алмазиевый сердечник ей было, разумеется, не под силу, но несколько мышц она умудрилась порвать.

Кел лёг около её ног и перевернулся, подставляя хозяйке пострадавший бок.

— Что случилось?! — просипел Меркий. Он осветил тварь и, похоже, увиденное зрелище его всё-таки шокировало.

— Заткнись.

— Что это было?! — закричал Меркий. Ан встала и отвесила ему затрещину. Не сильную, но священник отшатнулся.

— Не шуми! Хочешь, чтобы за тобой ещё кто-нибудь пришел?! — Она взяла его за плечо

и отвела обратно к потухающему костру. Кел проковылял следом.

— Ещё?! — икнул Меркий. Ан разжала пальцы. Он рухнул на пол и пополз под стол. Ан зло оглянулась на чернорясого и ничего не ответила. Она молча забрала у него фонарь, потом отцепила от пояса нож и перекинула его чернорясому. Вдруг пригодится?

— Сиди на месте и не лезь мне под руку, — она заставила Кела лечь и посветила ему в бок. Так и есть, три пучка порваны. Левая передняя лапа почти обездвижена. Она могла бы заменить порванные мышцы и выправить отогнутую шептуньей пластину, но на это нужно время, а вот его у них не было.

— Потерпи, мой дорогой, — она достала из сумки моток ленты, нарезанные куски тросов. Запах сладости практически прошёл. Сколько бы не было тварей, от первой атаки они отбились. Шептуньи охотились стаями по три-четыре штуки, и даже если какая-то тварь ещё до них не добралась, в одиночку она не рискнёт сунуться.

Больше Ан волновала мелкая личинка и ошейники. Шептуньи потомство на охоту по своей воле не брали. Личинки глупы, неповоротливы. Ан знала случаи, когда их убивали простые люди каким-нибудь кольём. Значит, их хозяин не очень понимает, что делает, велев всей стае выходить на охоту... Возможно, он не Благородная Кровь или кто-то вроде неё.

— Что ты делаешь? Он ранен?

— Да, — Ан сложила пострадавшую лапу и примотала её к туловищу Кела, чтобы не болталась. Днём, если они доживут, при свете дня она займётся ремонтом на первом же достаточно ровном куске бетона. Пока же придётся довольствоваться лишь этим.

— Как... Эта тварь... Это... — висельник принялся стучать зубами. Ан захотелось ударить его.

— Ты мешаешь.

Она убрала остатки ленты в сумку. Теперь осталось решить, что делать дальше. Она поднялась на ноги, чтобы вернуться к убитой Келом твари, хотя и так знала, что найдёт на ней ошейник.

— Ан, там! — внезапно взвыл Меркий. Ан оглянулась и потянулась к пистолету. Потом вспомнила, что он не заряжен и выругалась. За рамами рядом с местом их ночёвки светилося нечто округлое. Свет висел прямо перед грязным стеклом, от чего казался расплывчатым нечто.

— Ан, что это?! — чернорясый упал и заполз под стол. То ли безнадёжный трус, то ли наконец-то понял, что только мешается.

— Заткнись, — Ан подняла дробовик. Оставалось надеяться, что она не забыла, как им пользоваться по назначению.

Светлое пятно не двигалось. Потом медленно просочилось сквозь окно. Ан выстрелила. Брызнули осколки стекла и дерева, но пятно осталось невредимым. Круглое облачко света изменилось и приняло форму небольшой человеческой фигуры.

— Ты убила моих зверей, — мягкий, искажённый, словно пришедший издалека голос звучал ровно. Понять по нему, кому он принадлежит, мужчина или женщине, было невозможно. — Зачем?

Ан послала его и опустила оружие. У обманки нет своего тела, это иллюзия, поддерживаемая разумом чёртового колдуна. Можно хоть обстреляться, толку не будет.

— Чего тебе надо?

— Я хочу поговорить. Ты не узнала меня?

Ан промолчала. Меркий стоял у неё за спиной и клацал зубами. Кел зарычал. В свете

нарастающего сияния обманки он стал похож на чёрного демона

— Меркий, быстро ляг под стол и зажми уши! — Ан поняла, что сейчас будет.

— Ты не одна? Познакомь меня со своим другом. Где он? Я его не вижу.

Ан послала его в третий раз. Меркий после пинка выполнил её указание.

— Ты очень грубая. Тебе же хуже!

Ан не стала дожидаться, чем именно будет хуже, и протянула к облаку руку. Когда железные пальцы сжали проекцию, она вспыхнула и взорвалась. На мгновение стало очень ярко и горячо. Потом всё прошло. Ан отключила фильтр. Стало очень темно и тихо.

— Это было колдовство разрушителей? — выглянул из-под стола Меркий? Судя по голосу, парень не пострадал ещё сильнее.

— Нет.

— А что же тогда? Это Разрушитель? Кто ещё может отдавать приказы этим тварям?!

— Заткнись, — Ан подошла к окну так, чтобы её не было заметно снаружи. Приближалось утро, и хмарь на востоке стала светлеть. Окно выходило на площадку перед служебным входом в театр. На небольшой дворик смотрели пустые окна домов-ульев. На заасфальтированной площадке до сих пор стояли остовы машин, брошенных хозяевами, когда город погиб.

Внизу никого не было.

— Сиди тут, жди. Понял? — Ан вернулась к священнику. — Я сама справлюсь. А то умрёшь.

Он кивнул.

— Я за тобой сама приду. Если кто-то появится... А, хрен с тобой. Никто не появится. Слезы под стол, закрой глаза и уши, молчи и не уходи никуда.

Ан свистнула Келу и бесшумно двинулась к служебной лестнице.

“Ракушки получила?”

— Ага, — Ан валялась на диване и держала телефон на вытянутой руке. Лицо отца тогда едва в нем помещалось, то временами пропадало или становилось едва различимым. За год он так и не нашел для себя удобного положения для видеозвонков.

Ракушек в посылке было больше дюжины. Почти все — самые простые, маленькие и плоские, как ноготь, но одна была очень красивой: размером с ее кулак, нежно розовая с белыми пятнами и длинными-предлинными наростами-усиками. Ан подозревала, что именно из-за неё отец и решился на пересылку. Но в коробке часть усиков сломалась не смотря на несколько слоев пузырячатой пленки. Она сначала расстроилась, но потом собрала усики обратно с помощью клея и лака для ногтей Рем. Получилось неплохо, если не приглядываться специально. Отец, когда она прислала ему фотографию ракушки на полке, вроде ничего не заметил.

“Хорошо. Пересылка тут дохрена просто стоит, но я решил, что тебе она понравится”.

— Спасибо, пап. Как там теплые моря?

“Ничего так. Жарко, ярко, душно. Не знаю, зачем здесь существуют номера без кондиционеров. Растения тут всякие, море синее, а не как у нас. Тебе бы понравилось. Если захочешь, привезу тебя на каникулы”.

— Тогда тебе придется лететь на самолёте, — Ан подложила под голову подушку. Был уже поздний вечер, и ей хотелось спать. Но Ан хотела сначала дождаться Рем, а потом уже ложиться. Без сестрёнки было как-то беспокойно и непривычно.

“Потерплю как-нибудь”, поморщился отец. “Тебе здесь понравится. Хотя людишки тут странные. Ростом мне по грудь и нихрена на человеческом языке не понимают.

— У них свой язык есть, зачем им знать наши?

“Да мне пофигу, что у них есть”, вздохнул отец. “Как твоя учеба, тыковка?”

— Всего неделю как началась. Пока ничего интересного. Форму всё-таки новую пришлось купить, я выросла.

“А я же говорил!”

— В юбке можно было и доходить.

“Ага, доходить. Видел я эту юбку, у меня ремень шире. Брюки в школу купила?”

— Дааа, — протянула Ан. — Пап, я же говорила, там со мной ничего не случится.

“Угу, конечно же”.

— Па-ап! — Ан с трудом удержалась от “не опаснее, чем с тобой”. Почему-то идиоты всегда считали, что здоровенный мужик с ребенком куда менее опасен, чем просто здоровенный мужик. Она нахмурилась:

— Ты ни с кем не дрался?

“Я что, теперь отчитываться еще должен?”

— Папа!

“Нет. Как из дома вышел, так паинька. Просто охрененно беспроблемен”, выплюнул отец. “Довольна?”

— Ага.

“Тебя дед обо мне спрашивал?”

— Меня никто не спрашивал. Я сама по себе за тебя волнуюсь.

“А... Ну ладно. Я в порядке. Хотя какие-то шибзики на меня время от времени лезут.”

— Ты же сказал!

“Я шлю их нах... В задницу. Я же обещал”.

Раздался крик. Ан нахмурилась и прислушалась. Ей показалось, что кто-то упал и вскрикнул.

“Что случилось, тыква?”

— Показалось, ты продолжай.

“Как там твоя подружка? Я ей сказал, чтобы...”

Ещё один вскрик. Ан показалось, что кричала Рем. Может быть, она упала и не может встать? Она всё-таки простой человек и очень хрупкая.

“Что случилось? Ты меня не слушаешь”.

— Извини, па, мне показалось, кто-то звал...

Крик повторился. На этот раз уши Ан уловили чёткое “Помогите” и длинный, пронзительный визг, резко оборвавшийся, как если бы в лёгких кричавшего внезапно пропал весь воздух. Как будто на кого-то напали, но кто и на кого мог напасть в доме?

— Пап, я ещё позвоню!

“Что случилось?!”

Ан спешно оборвала связь. Отец побеситься, но она перезвонит ему через час, и всё будет в порядке. Ан швырнула трубку на диван и убежала из комнаты.

Дом стоял на около реки. Он не был самым высоким среди своих братьев. В нём было всего тридцать этажей, и, в отличие от соседних домов, один из фасадов был не глухо застеклен, а покрыт летними балконами. Снаружи к бетонному ограждению крепились широкие панели из металла и пластика. Говорили, что издали при определенном освещении на этой стороне дома можно было разглядеть человеческое лицо. Кто-то говорил, что это лицо Деда, кто-то видел автопортрет архитектора, его подруги, высокой горбоносой южанки со смешным акцентом. Нижние этажи выступали, образуя изгиб, и говорили, что у этого лица огромный уродливый подбородок. Ан никакого лица, как ни старалась, не видела, но один раз углядела в волнистых белых полосах череп. Рем ее успокоила, что это лишь игра воображения. Но все равно этот фасад ей не нравился. Кто в здравом уме сделает балкон на тридцатом этаже?!

Балконы были общими, лишь местами разделенные перегородками. На некоторых летом отдыхали, на некоторых разбили сады, а некоторые, как тот, куда выскочила Ан, был просто еще одним коридором, только открытым и для тех, кому не хочется спускаться на прогулку вниз.

Сюда выходила одна из дверей квартиры Рем. Ан очень нравились комнаты сестры: в них было тихо, уютно, а главное, невысоко. Ан ненавидела высоту. Здесь они с сестренкой жили, и здесь Рем, к своему несчастью, встретила Бойца.

Старший кузен был здоровенным, почти как отец Ан, и любил помахать кулаками ничуть не меньше. Но если отец ждал первого удара, и лишь потом ломал противнику лицо и все, до чего успевал дотянуться, пока Ан с визгом не повисала у него на руках, Боец мог ударить первым и слабого. Ан его тепреть не могла и старалась не связываться. Ни Боец, ни его мать Жадина её не нравились. Жадина всё время была чем-то недовольна и всё время считала, что все покушаются на её, и Боец, бывшая рядом с матерью очень тихим и вежливым, резко менялся, стоило ей отойти.

Ан не знала, когда брат вернулся домой и зачем он поднимался именно по этой

лестнице и оказался именно на этом балконе.

Боец держал Рем за волосы и тащил по полу. Девушка вяло сопротивлялась. Ан в неярком свете увидела, что лицо у Рем разбито, а вся грудь залита кровью. Боец что-то говорил, но она уже не слушала.

Ан не задумываясь, метнулась вперёд. Она была маленькой и тощей, но отец всегда говорил, что если не хватает силы, то надо использовать голову, к тому же Ан с головой повезло, и она у неё крепкая.

— Отпусти ее! — Ан с воплем запрыгнула на плечи кузену и, прежде, чем он опомнился, вцепилась тонкими пальцами в его лицо, целясь в глаза. Судя по воплю, попала. Боец выпустил Рем из рук, и закрутился на месте, пытаясь достать нового противника. Ан в ярости тыкала ногтями ему в глаз. Боец выл и тряс головой, потом внезапно метнулся к стене и приложился об нее спиной. Ан выдохнула, но удержалась. Тогда Боец перестал пытаться поймать ее руки и за ногу стащил ее со спины. Ан попыталась удержаться, но кузен был сильнее. Она вцепилась ногтями в его шею и воротник футболки, но он был сильнее. Боец поднял ее, ударил коленом в лицо и грязно выругался. На него с кулаками и криком “Отпусти ее!” кинулась Рем. Боец отвлекся, и Ан, согнувшись, подтянулась к его руке и снова вцепилась в лицо кузена.

Боец взвыл и ударил Ан по голове. Рем повисла у него на руке, и удар вышел смазанным. Перед глазами Ан заплескали цветные пятна. Из мира словно выпал кусок. Вот Ан разжимает пальцы от слабости. Вот она слышит вопль Рем. Вот тело стало невесомым, а внутри все закрутилось и помутнело. Вот мелькнуло ограждение балкона. Вот Рем и Боец стали неожиданно маленькими и далёкими. Вот внизу под ней несколько десятков метров пустоты. Вот небо, вот снова земля.

Она падала вдоль мелькающих балконов. До встречи с асфальтом или перегородкой одного из балконов она не успеет даже закричать.

Полет прервала острая боль. Ан завопила, когда что-то схватило ее за ногу и дёрнуло вверх, словно хотело ногу оставить себе, а остальное тело стряхнуть. Ей стало плохо, страшно и больно.

— Ага, — довольно крикнул низкий голос, и чьи-то руки перевернули Ан так, что небо снова стало небом, а она оказалась на руках у Первенца. Она даже не удивилась неожиданному появлению дяди. Тот, словно всё было в полном порядке, поднял голову, словно что-то хотел разглядеть на подъёме дома.

— Рем, я ее поймал, — гулко прокричал дядя. Сверху донёлся слабый голос сестрёнки. Боль немного успокоилась, и Ан с облегчением разрыдалась. Глазам сразу стало горячо, а нос забился.

— Все уже, поздно бояться, — дядя переложил ее поудобнее на руках. Нога, за которую он ее поймал, отозвалась болью и почти привычным жаром от заживающих повреждений.

Первенец был почти таким же высоким и здоровенными, как отец. Они, как говорили, были генетическими копиями, чему Ан, разумеется, не верила. Красивый и даже лощеный дядя был похож на домашнюю собаку, а папа — на дворового пса. Да, лица у них похожи, но все члены их семьи на одно лицо. Но дядя был особенным. Он был первым среди всех её дядьей и тетей, и считался самым главным после Дедушки. Иногда Ан казалось страшно несправедливым, что отец не может быть таким же, как дядя или иметь такой же вес в семье. Отец был хорошим человеком, куда лучше многих, но все относились к нему, как к чему-то постыдному и постоянно наговаривали.

— Я не боюсь, — пробормотала она и с шумом втянула влагу в носу. Стало полегче. — Это отходняк.

— Ааа, отходняк, значит, — дядя отошёл от края балкона. Он наклонил голову и пошевелил плечом руки, которой поймал ее. Ан подумала, что надо было бы слезть, дяде ведь тоже больно. Вдруг что-то неправильно срастется из-за того, что он напрягся и держит её. — Ты цела?

Ан потрогала ногу. Вроде не оторвалась. Потом она вспомнила Бойца.

— Рем! Там!... — она замахала руками и попыталась объяснить, что сестрёнка Рем в опасности.

— Уже нет, он сбежал, — внизу мелькнула белёсая макушка. Свет, падающий из дверей и отраженный от города и других домов, окрашивал серые волосы самыми разными цветами. Но спутать этот голос и дурацкую стрижку с чем либо было невозможно. Ан притихла. Дедушка. По крайней мере, она его так называла, а он вроде не злился в ответ.

Дедушка. Человек, которому принадлежал дом и они сами. Она пока не очень понимала причину такого положения дел, но твердо знала, что дедушку лучше не злить. А то мало ли. Отец деда не любил, но и не сильно боялся, а вот дома всё было по-другому. Говорили, что ее отец в свое время дедушку разозлил, и отсюда все его злоключения. Ан уже знала, что у отца не было школы, и тем более никаких университетов, как у большинства его братьев и сестер. Но не из-за деда, а по гораздо более весомым причинам, вроде эксперимента. И этот эксперимент был как-то связан с тем, что дед был опекуном даже своих взрослых детей. Рем, ещё когда она была маленькая, попыталась объяснить “с юридической точки зрения”, почему так вышло, но Ан мало что поняла. Кел сказал, что это потому что у нее чугунная голова, а Рем, что с возрастом поймет.

Ан покивала, но решила, что это наверняка загадка вроде того, кто всё-таки Дедушка на самом деле, дедушка или бабушка.

— Полагаю, наш бесстрашный укротитель чужих дочерей испугался того, что с тобой сделал, и сбежал, — пояснил дядя. Ан непонимающе уставилась на него, и Первенец пояснил, — Испугался мести твоего отца. Хотя месть Строителя будет ничем не лучше.

— Мести? — спросила Ан, чтобы хоть что-то спросить.

— Мести. Твой отец его убьет, когда узнает, что случилось.

Отец! Ан встрепенулась.

— Мне надо папе позвонить, — она попыталась спрыгнуть из рук дяди на пол. — А то я не договорила!

— Чего?

Ан, сбиваясь, попыталась ещё раз объяснить, что ей нужно позвонить отцу. Если кто-нибудь успеет ему сказать, что она упала с балкона, он сейчас всё бросит и поедет домой.

— Полагаю, все, кто уже узнал о случившемся, будут звонить твоему отцу в последнюю очередь.

— Мне надо ему позвонить, я обещала!

— Ладно, позвонишь. Эх, что же теперь делать с этим дураком.

Ан притихла.

— Что там случилось? — тихо спросил дедушка, открывая балконную дверь к себе в комнаты.

— Не знаю, — честно ответила Ан. — Я просто увидела, как он Рем бьёт.

— И побежала ещё защищать?

— Ага. А вы тоже слышали шум?

— Вроде того, — кивнул дядя и хохотнул. — Хорошо, что не побежал разнимать.

— Это почему?

— А кто бы тебя ловил?

Ан попыталась улыбнуться.

— Интересно, где сейчас этот говнюк, — они зашли в комнаты дедушки. Ан вытянула шею, стараясь не выдавать своего любопытства. Но разглядеть получилось мало что. Свет падал снаружи и от большого морского аквариума на дальней стене. Ан могла разглядеть только силуэты мебели и блестящую поверхность стеклянного стола посередине.

— Полагаю, он убежал к матери и попытается покинуть дом. Для начала неплохо. Вряд ли он поднимет шум.

— Но с ним придётся что-то делать.

— Он напал на гражданина, — тихо сказал дядя.

— Самое худшее не произошло, а Рем большой член нашей семьи, чем иные дети по крови. Она будет благоразумна и не подведёт семью.

— Братья так просто это не оставят. С её отцом я поговорю, — дядя кивнул на Ан, которая всё ещё была на его руках. — А вот Строитель. Он не простит... Рем цела?

— Да, идёт сюда. А ты займёшься своим племянником, — велел дед. — Спрячь его куда-нибудь на пару дней. Я узнаю, где твои братья и задержу их.

— Хорошо.

— Рем проверь, она что-то долго идёт.

— А, ну, сейчас, — дядя ссадил Ан в глубокое кресло и ушел, на ходу разминая пострадавшую руку. Она растерянно раскрыла рот, глядя ему в спину.

— Сними рубашку, — тихо велел появившийся рядом дед.

— Что? — не поняла Ан.

— Тебя надо осмотреть.

Ан пожалала плечами и стянула через голову сначала рубашку, потом футболку. Дед ощупал её плечо и бок, потом велел показать колено ноги, за которую дядя ее поймал, что-то пробормотал под нос и велел одеваться.

— Я в порядке?

— Полном. Рука двигается? А спина? Тут неудобно? — дед сунул руку ей под уже надетую футболку и надавил под рёбра. Ан вскрикнула от вспышки боли, и чуть было не оттолкнула деда. Но боль быстро прошла, а препятствие между рёбер, мешавшее наклоняться влево, пропало.

— Тебе не темно? — дед включил настольную лампу. Ан жадно оглянулась. В неярком свете стал виден большой стеклянный столик с раскиданными на нём журналами и бумагами, книжные шкафы вдоль стен и большой, почти на всю огромную комнату, светлый ковёр. Ан бывала здесь всего один раз с отцом, много лет назад, и мало что запомнила, кроме страха не понравиться Дедушке.

— Нет, всё в порядке, — Ан откинулась на спинку своего сиденья, потом не удержалась и погладила обивку. Шершавая, блестящая, но не из кожи, как диваны в некоторых коридорах. И не наполнитель не такой мягкий. Видимо, дед тоже не любил мягких подушек, когда проваливаешься назад и не достаёшь ногами до пола.

— Хорошо, — Дедушка отошел к двери. Он был одет, как обычно, в простые серые штаны и мешковатую светлую футболку. Ещё Дедушка носил очки на пол лица для работы с

компьютерами и не снимал их даже когда надо было надеть костюм и выйти на публику. Выглядел он самым обычным немолодым человеком, но почему-то некоторые обитатели дома вроде Кела считали, что он может быть и не мужчиной. Или только стал им, потому что захотел, а когда-то был вообще чем-то иным, или является этим иным сейчас. Что об этом думает сам Дедушка, Ан не знала, а папа посоветовал не заморачиваться, и Ан находила его слова разумными. Их создатель в жизни своих детей появлялся редко, и Ан в основном считала его большим кошельком для их с отцом путешествий. Против такой роли Дедушки в жизни она совершенно не возражала, и была готова изобразить тихоню, чтобы всё оставалось по-прежнему.

Дядя вернулся через несколько минут, неся Рем. Дедушка включил часть верхнего освещения. Ан, выбежавшая сестрѐнке навстречу, ахнула. Половины волос у Рем не было. Лоб пересекал длинный разрез, превративший лицо в уродливую маску. Когда Рем заметила её и улыбнулась, Ан с ужасом поняла, что передних зубов у сестрѐнки нет, а один глаз не открывается.

— Глухая смелая блоха, зачем же ты полезла? — едва слышно прошептала сестрѐнка и расплакалась. Ан хотела ее утешить, но не рискнула дотронуться до залитой кровью головы сестры.

— Будет больно, — тихо сказал Дедушка, отодвинув Ан в сторону. Она отбежала к креслу и влезла на него обратно, подобрав ноги.

— Что случилось?

— Я не знаю, — тихо сказала Рем, пока дед ощупывал её тело. Судя по тому, как она вздрагивала, кузен бил её не только по лицу. — Я просто попыталась пройти мимо. Похоже, он был не в духе.

— Даже если так, это не повод кого-то колотить.

— Думаю, для дорогого кузена повод был достаточный, — Рем едва слышно вздохнула, когда Дед принялся осматривать её лицо.

Дядя покачал головой и подошел к Ан. Он достал свой телефон и протянул его Ан.

— Ты хотела позвонить отцу.

Девочка кивнула.

— Отнеси её на третий этаж, — велел Дедушка, закончив осмотр Рем. — Ничего серьёзного, но тебе придётся неделю полежать.

— Да хоть месяц. Вы папу главное найдите, а то он натворит бед.

— Постарайтесь, — дядя погладил Ан по голове и подошел к Рем. Он аккуратно поднял девушку на руки и вынес из комнаты. Дедушка вышел в другую дверь, и Ан услышала шум воды в раковине. Она поспешно отодвинулась к спинке кресла и набрала номер отца. Он ответил почти сразу.

“Ты, сраный гандон!..”

— Пап, это я!

“Тыква, что случилось?!”

— Всё в порядке, па. Боец снова с кем-то подрался, я бегала посмотреть, что случилось, — ложь слетела с языка совершенно непринуждённо. — Я в порядке, па. Я у дедушки сижу, а дядя дал мне свой телефон позвонить.

“Ты точно в порядке?”

— Пап, клянусь, всё на месте, я даже не испугалась.

“Ну ты мне рассказывай. Лицо покажи”.

Ан повозилась с настройками и отправила отцу свою фотографию. Высветленное лицо вспышкой лицо вышло не очень здоровым, но отца это изображение, похоже, всё-таки удовлетворило.

“Приеду — прибью этого кретина”, пробормотал отец.

Ан сразу же передумала рассказывать ему про то, что Рем пострадала. Как-нибудь неделю без сестрёнки она проживёт, а папу незачем беспокоить ещё сильнее.

Дедушка очень тихо подошел к ней, вытирая руки простым белым полотенцем.

— Дай мне трубку, пожалуйста, — попросил он.

— Деда хочет поговорить, — шепнула отцу Ан и отдала трубку.

— Иди покорми рыбок.

— Но...

— Просто нажми на кнопку на кормушке. Один раз, иначе перекормить.

Ан постаралась не показать раздражения и послушно отошла к аквариуму и нажала кнопку.

Аквариум Дедушки был просто огромным, выше Ан. В нем жили, наверное, больше сотни цветных южных рыбок. Они кружились среди живых растений и казалось, занимались полной бессмыслицей. Когда сработала кормушка, рыбы немедленно это почувствовали и собрались около медленно оседающих гранул. Они вились, пихались, хватали корм и выплёвывали слишком крупные куски. Ан оглянулась на деда. Тот вышел на балкон и закрыл за собой дверь.

Ан снова посмотрела на аквариум. Потом повернулась к нему спиной и села на пол. Дедушка разговаривал с отцом недолго, но ей показалось, что прошла целая вечность, что она сидит на полу, не шевелится и следит за тощей фигурой за стеклом..

— Спасибо, — дед вернулся к ней и посмотрел сверху вниз. В очках отражался свет аквариума, и глаза дедушки были совершенно не видны. Лучше бы он их снял.

— Пойдём, я отведу тебя домой.

Ан не стала возражать. Уже на пороге их с Рем квартиры дед тихо окликнул её:

— Никому пока не рассказывай о том, что случилось. Боец получит своё наказание. Но... в своё время.

Ан кивнула и пообещала никому ничего не говорить. Дедушка потрепал её по голове и ушел. Ан заперлась в комнате и ещё час ждала, пока Рем не позвонит ей и не скажет, что у неё всё в порядке. Лишь после этого она смогла зарыть глаза и наконец-то выплакать всё пережитое.

Ан сдержала своё слово и никому ничего не сказала, даже Келу. Рем тоже клялась, что молчала и даже не выходила из комнаты. Ан ей верила. Рем очень любила своего отца и не хотела для него неприятностей.

Но Строитель всё равно как-то узнал, что случилось и кто обидел его дочь.

Первенец тоже ничего не смог сделать. Когда Строителя наконец-то заметили, было слишком поздно. Опоздала охрана, возглавляемая Первенцем. Опоздала Ан. Она бросилась набирать номер Рем, но не успела. Опоздала Красавица, пронзительно закричавшая, когда по ней скользнула затмевающая солнце чёрная тень. Опоздал Боец, оглянувшийся на крик кухни.

Строитель, враз ставший огромным и пугающим, ударил его в лицо. Ан была готова поклясться, что брат выглядел куда менее опасным, чем дядя — и что голова брата раскололась ещё от этого удара модифицированного человека первого поколения.

Дядя перехватил падающее тело племянника и швырнул его на пол. После уселся сверху и принялся бить.

Красавица, маленькая медленно взрослеющая и хрупкая девочка-женщина, всхлипнула и разрыдалась. Ан, в свои двенадцать уже переросшая её, бездумно обняла сестру и погладила по светлым локонам. Сама она ничего не чувствовала. Только смотрела, как под кулаками дяди исчезает голова Бойца. Всего минуту назад брат стоял вдали от них, и Ан, слушая глупую болтовню Красавицы, внимательно следила, чтобы он не подходил к ним. А сейчас его не было. Только искалеченное тело.

Раздался вопль. На Строителя налетела рыдающая Жадина. Тётя вцепилась ему в лицо, но гигант отшвырнул её в стену. Женщина сползла на пол и, всхлипывая подползла к телу сына. Строитель выпрямился, молча посмотрел на неё и ушел прочь. Бойца же больше не было. Ан судорожно вздохнула. До этого она видела смерть один раз, давно в детстве, когда они с отцом стали свидетелями дорожной аварии, а потом десятки раз в фильмах. Боец умер совсем не так, как в них. Не было музыки, не было замедленного времени, не было крупных планов и перепуганных лиц. Боец умер скучно, как проходной злодей. Раз — нет. Остался только запах крови, острый, соленый, и привкус железа на языке.

— Диплом я получу в конце весны, после защиты, — Ан закрыла глаза и представила отца. Судя по ужасному звуку и помехам, он воспользовался каким-то архаичным телефонным автоматом. Неужели они ещё где-то остались? Ан так и видела это место: старые дома, старые машины, грязь, ощущение безысходности. Посреди всего этого уныния стоит ржавый столб, на котором висит ржавый телефонный автомат с огромной неудобной трубкой. Возможно, он старый настолько, что в нём даже есть приёмник для монет. И отец. Здоровенный, в старой поношенной куртке с кучей карманов, высокий настолько, что ему приходится нагибаться под козырек, чтобы приложить трубку автомата к уху.

Нет, Ан не была удивлена, что отца занесло в такую дыру. Она просто радовалась, что он наконец-то позвонил.

"А чего так рано?"

— Я защищаюсь досрочно.

"Так можно?"

— Ага, если сумел сдать все экзамены и написать выпускную работу вовремя.

"Здорово", Ан послышалась нотка грусти в голосе отца. "Ты молодец".

— Ага. Ты обещал в этом году взять меня с собой, помнишь?

"Не помню".

— Пап, я соскучилась, я хочу на море, а ты мне его обещал.

"Съезди с Рем. Или этим, Келом".

— Я хочу с тобой. Я уже всё решила и спланировала.

"Если твой дед согласится с этими планами», отец продолжал

отнекиваться, хотя Ан слышала, как изменился его голос. Ее старик любил, когда она его уговаривает. Как подозревала Ан, этим он утешал себя, что все еще нужен ей. "На мои ему уже давно покласть".

— Уже согласился.

"Что, так просто?"

— Ну... да. Какое ему вообще до меня дело? Сказал только... — Ан прикусила язык. Дед охотно одобрил ее план, пока она настаивала ему в кабинете новую систему освещения, и без вопросов выделил деньги. Только потребовал всю поездку следить за отцом, чтобы он не встречал в неприятности. Это было унижительное требование, и отцу незачем знать о нём. — Чтобы я не устраивала ему неприятностей.

"Старый урод!"

— Пап!

"Это от него одни неприятности!"

— Па-ап! Прекрати кричать!

"Да я спокоен, как... спокоен, короче. Значит, хочешь со мной поездить?" Ан улыбнулась в трубку. "Хорошо, выбирай, куда. Я приеду к вам... домой числа тридцатого".

— Хорошо, пап, буду ждать. Не теряй больше связь, хорошо? Я волнуюсь.

Отец фыркнул в трубку.

"Постараюсь. Новую трубку сегодня куплю, обещаю. Бывай, тыква. А то у меня нал

закончится сейчас".

— Пока, пап.

Ан отключила связь и положила трубку в стол. Неделю назад отец потерял свой телефон. По крайней мере, так она решила потому, что за семь дней никто не попытался его вскрыть, перепрощить и продать. Ан уже была готова сорваться на поиски, но, как незадолго до того дня выяснилось, метка на отцовской куртке тоже оказалась потеряна. Как он сказал, вместе с курткой, и неделю Ан провела в полном раздрае, готовая в любой момент сорваться на поиски. Она бы и сорвалась, если бы Кел не придерживал её на поворотах. Отец, в конце концов, не маленький мальчик, и иногда пропадал на большее время, чем она привыкла.

Отцу хотелось сказать многое, и о его ребячестве, и о его легкомыслии, но Ан сдержалась. Ещё успеет.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела в окно. После отъезда Строителя и Рем, Ан не разрешили остаться в квартире сестрѐнки. Её переселили сначала в самый низ башни, где обычно жил обслуживающий персонал, потом в свободную квартиру на самый верх. Как оказалось, на последнюю положила глаз тѐтушка Счетовод, а напротив была дверь в покои Жадины. Пусть главной виновницей смерти сына тѐтушка считала именно Рем, Ан она тоже не терпела. После нескольких скандалов Ан поселили в другую квартиру не в самой лучшей части дома. Весто изгиба реки, как другие жильцы, она разглядывала дома-ульи, градирни теплостанции и бок соседней башни. Унылое зрелище, быстро надоедает. Как сказала Рем, заехав к ней на пару дней, зато ничего не отвлекает от работы. И не высоко, всего на десятом этаже. Она улыбнулась.

Первый месяцы, когда отец оставил её здесь одну, Ан не отходила от старшей сестрѐнки ни на шаг. Потом привыкла, хотя отъезд Рем и стал нелѐгким испытанием.

Со стены пискнул таймер.

Полдень.

Ан вздохнула и посмотрела на разложенные на столе обрезки кожи, привод велосипеда и какие-то метизы вперемешку с деталями от дрона. Она обещала Умнику починить его ещё неделю назад, но из-за волнения за отца, не могла ни на чём сосредоточиться.

Пришло время возвращаться к делам.

Ан решила начать с уборки.

Когда дверь с тихим шорохом отъехала в сторону, Ан как раз закончила сортировать детали от дрона. Теперь они неровной горкой возвышались посреди её рабочего стола прямо под настольной лампой. Рядом лежали нож в почти готовых ножнах и обрезки кожи. Ан отобрала те, что ещё могли пригодиться. Сам нож она собиралась подарить отцу, когда он приедет. Если бы отец жил с ними, было бы гораздо проще с подарком. Но он не жил, и подарить ему она могла только то, что ему пригодится в путешествиях.

Полтора года назад она подарила ему хороший телефон, специально, чтобы отец чаще звонил. Телефон прожил два месяца, после чего отец его то ли потерял, то ли сломал. Та же судьба постигла электронную книгу. Ан чуть не расплакалась, когда отец виновато показал ей разбитый аппарат. Ей показалось, что его пробили чем-то тяжелым, но отец клялся, что никого агрегатом не был.

В этот раз она решила подарить отцу нож. Ан сделала его сама, и

была довольна работой. Широким лезвием с острым концом можно было как обороняться, так и что-нибудь им нарезать, освежевать или открыть. Хотя некоторые родственники, узнав о подарке, немедленно закатывали глаза и начинали рассуждать, что

дарить оружие такому человеку, как её отец, слишком опасно. Их она слала к чёрту, если могла. Они отца видели раза два в жизни, а уже имели какое-то о нём мнение. О себе бы лучше беспокоились.

Дверь за её спиной пришла в движение, и Ан вздрогнула от неожиданности.

В комнату вошла Красавица.

— Привет, — сестра улыбнулась. Она осмотрелась и с искренней сияющей улыбкой прошла к столу. Ан захотелось прогнать девушку. Красавица была из тех, кто считал, что двери придумали ради красоты. Её манера входить без звонка и стука раздражала. Несколько недель назад сестра ворвалась в квартиру Ан, когда они с Келом только-только расположились на диване. Ан, конечно, была сама виновата, что не заперла дверь и не увела Кела в спальню. Но почему все в этом доме могут набрать пару символов на электронном домофоне перед чужой дверью, а дочь Совершенного — нет?!

После того случая Красавица долго не смотрела на них и краснела в присутствии Ан или Кела. Ан понадеялась, что сестра научится стучаться, но, увы. Красавица быстро пришла в себя. Впрочем, будь отцом Ан Совершенный и заставь её взрослеть почти три десятка лет, она бы тоже была такой же странной.

— Что-то случилось? — Ан на всякий случай сгребла свою работу в ящик стола.

— Случилось? Нет! Разве должно что-то случиться, чтобы я решила навестить свою сестру? — Красавица по-детски наклонила голову. Ан в который раз подумала, что решение заставить сестрицу взрослеть дольше остальных, было, самое меньшее, странным. Красавица была старше Ан, но по-прежнему выглядела девочкой подростком. И всё бы ничего, если бы порой сестрица не пыталась вести себя, как ребёнок.

— Нет, — не то, чтобы они были близки. Совершенный настолько увлёкся попыткой вырастить из дочери идеального человека, что общаться с людьми сестрица не умела. Вон даже стучаться в двери не научилась. Многие кузены предпочитали вообще не общаться ни с Красавицей, ни с её отцом. Ан дядю тоже не сильно любила, но его дочь ей было немного жаль, и она позволяла сестре приходить и смотреть на свою работу или жаловаться на отца. Она часто горько рыдала после его оскорблений и придурок.

... впрочем, это никогда не мешало сестре вытереть слёзы и уйти обратно помогать отцу с его работой.

— Отец сказал, что наш... твой отец, мой дядя, нашелся.

— Да, это правда.

— Надеюсь, он в порядке? — Красавица изобразила на лице беспокойство. Вышло фальшиво, но Ан уже привыкла к этой неискренности в манерах отца и дочери. Совершенный вести себя по-другому не желал, а Красавица не умела, как не учи.

— Да, в полном. Уже купил новый телефон, — отец до сих пор не позвонил ей, хотя обещал. Сколько можно покупать трубку? Древние кнопочные аппараты стоили, как пара обедов. Как всегда, отец не думал о том, что кто-то может о нём беспокоиться.

... или не беспокоился сам. Ан отогнала от себя эти мысли. Разумеется, отец волнуется за неё!

— Здорово! Надеюсь, он больше не потеряется! — Красавица улыбнулась и повернулась к столу Ан.

— Это кому? — сестра немедленно запустила руку в не до конца задвинутый ящик стола и извлекла нож для отца. Ан почувствовала глухое раздражение. Подарок не был

доделан, и предназначался не Красавице. Зачем его трогать? — Келу?

— Нет, — Ан убрала нож в стол. — Не ему.

— А кому?

Вот настырная же!

— Отцу.

— И ему достаточно?

Этот вопрос поставил Ан в тупик. Достаточно?

— Думаю, да, — кивнула Ан. Она редко задумывалась о том, может ли подарок, сделанный от всего сердца, быть достаточным. Они с отцом никогда не оценивали свои отношения в деньгах. Куда важнее было, что после убийства Бойца отец купил первый же билет на самолёт до дома и пришел за ней прямо в школу, и не уезжал почти месяц, пока всё не утихло.

— Тебе повезло, — Красавица вздохнула. — Он у тебя глупый и любит тебя просто так.

— Не глупее других. И да, он меня любит, — Ан забрала у неё нож и вернула его в стол.

Красавица виновато улыбнулась, и положила руку ей на плечо.

— А как твоя работа? — Ан закрыла ящик на ключ и пересела на диван, давая понять, что разговор о своей работе поддерживать не будет. Красавица, против обыкновения, развивать тему подарка её отцу не стала. Вместо этого девушка нахмурилась и достала из кармана летнего платья свёрток из замши.

— Посмотри, — сестра подошла и протянула ей свёрток. Ан помедлила и взяла его. Красавица снова велела ей посмотреть.

Внутри замшевого свёртка лежала брошь в виде розы. Круглые лепестки и зелёные листья были усыпаны мелкими камнями. Ан повернула брошь, и камни заиграли на свету.

— Мне нравится, — Ан вещица не тронула. Брошь на её взгляд была... никакой. Во-первых, где-то она уже видела что-то похожее. Возможно, в учебнике, возможно, их в школе куда-то возили, возможно, что-то подобное уже делал Ювелир. Во-вторых, роза вышла некрасивой и... неправильным. Простой карандашный рисунок, который сестра показывала ей осенью, выглядел живее. Вот он ей почти понравился. А красавица зачем-то выпрямила стебель, развернула бутон вверх и сделала симметричные листья. Снаружи шесть осей, внутри восемь. Сложно, но некрасиво. В третьих, Ан не любила стразы, даже такие качественные, как те, что использовала Красавица и Ювелир.

Впрочем, будь вместо них настоящие алмазы, Ан бы цветок тоже не понравился.

— Не знала, что ты её уже доделала. До выставки ещё три месяца, — Ан тотчас же прикусила язык. Что и какая выставка, на которую собрались кузены, она представляла слабо, и слушала обоих лишь из вежливости. Виноватой себя в этом она не чувствовала, у неё весь месяц выдался сумасшедшим. Да и кузены тоже её делами интересовались лишь потому что сразу отказаться слушать было невежливо. В конце концов, они уже не дети с тайным обществом и личными гербами, как играли в детстве. Все они выросли и стали разными. По слухам, в ближайшие два года наконец-то решится вопрос с их паспортами. Ан знала, что она сделает, как только получит на руки свой паспорт, подтверждающий, что она не какой-то там модификат, а настоящий полноправный гражданин. Тогда она заберёт отца и уедет к Рем. Или заберёт Рем и увезёт их двоих куда-нибудь на край света, где от них наконец-то отстанут всякие родственники и где их никто не знает. Что делать со Строителем Ан ещё не придумала, но была уверена, что этот вопрос как-нибудь решится.

— Да, времени ещё много, — согласилась Красавица. Её стал неожиданно тихим, из

него исчезло всё кокетство. Ан положила брошь на колени.

— Ты уже показывала её отцу?

Красавица опустила голову и враз как-то посерела и осунулась.

Перед Ан теперь сидела не весёлая кокетка, а её старшая сестра, не очень счастливая и уставшая девушка.

— Ему не понравилось. Он сказал, что я не выдержала симметрию, и что я... Он сказал, что я сделала не по... не по эскизу, — Красавица медленно достала из сумочки аккуратно свернутый лист бумаги и протянула Ан. — Сама смотри.

Ан развернула. На листе твёрдой дядиной рукой была изображена точно такая же брошь, что лежала на столе перед ней. Только вычерченная с безупречной четкостью и красотой. Дядя явно старался изобразить "естественный" цветок, только в его понимании эта естественность всё равно выходила математически холодной и абсолютно симметричной. Говорили, что однажды он сравнил половины своего лица и нашел себя невероятным уродом. Ан не знала, верить этому, или нет. Дядя был странным, но, как ей казалось, не дураком. Возможно, она ошибалась.

— А где твой эскиз?

Красавица пожала плечами.

— Папа сказал, что он не очень хорош.

— Не знаю, твой был лучше. Это вообще ни о чём, — Ан покрутила лист. — Точо такую же можно тремя командами нарисовать, растянуть по осям и отдавать в цех на штамповку.

— Но папе не понравилось.

— Может быть, у него было плохое настроение.

— Настроение не может быть плохим всё время.

— И что он тебе сказал? — Ан сложила рисунок.

— Чтобы я переделывала. Всё переделывала.

Ан нахмурилась и кинула рисунок в мусорную корзину.

— Забудь и ничего не исправляй. Ты будешь выставляться от своего имени, а не его, — она встала, положила руку на плечо сестры и встряхнула девушку. Кудрявая голова Красавицы мотнулась, как у цыплёнка.

— Я не могу, — она зажмурилась.

— Можешь, разумеется. Он придирается к тебе!

— Он справедлив.

— Он сам не знает, чего хочет, — Ан завернула брошь обратно в замшу и убрала её в карман сестры. — Будешь его слушать, будешь до конца жизни подстраиваться под его придирки.

— Он мой отец.

— И что? Родители бывают разные.

— Но не в нашей семье.

— Не знаю. Уж прости, но твой такой один. У Ювелира отец нормальный, у Лаборантки тоже, мой вообще... доволен всем, что я делаю. Может быть, проблема всё-таки не в тебе?

Красавица как-то странно посмотрела на неё, и Ан смутилась. Она поспешно оглянулась в поисках телефона и ключей.

— Я иду обедать, извини. Сегодня не завтракала.

Красавица несколько мгновений смотрела на Ан, потом слабо

улыбнулась.

— Она тебе понравилась?

— Да, — ещё раз соврала Ан.

— Тогда возьми её, — Красавица достала брошь из кармана.

— Я... — Ан замаялась. Мало того, что вещица ей совершенно не нравилась, брошь наверняка была дорогой. Ан не знала, сколько стоят эти блёстки, но на руках у неё лежала не дешёвая поделка маленького ребёнка, которому достаточно для счастья дешёвых камушков из пластика. Подарок выходил непростым, а когда ей дарили что-то дорогое, Ан начинала чувствовать себя обязанной дарителем. Быть кому-либо обязанной она ненавидела. Хватит уже Дедушки в её жизни.

— Бери, я дарю её тебе. А отцу сделаю другую, — Красавица решительно вложила брошь в руку Ан, сжала пальцы и выбежала из комнаты прежде, чем та успела подобрать хоть какие-то слова для отказа. Брошь осталась в руке. Ан ещё раз посмотрела на неё. Брошь, как брошь. Много блестящих камней, да и только. Она вряд ли такое наденет. Возможно, пару раз, пока сестра не забудет об этом подарке. Ан убрала брошь в пустой ящик для мелких деталей, и её внимание вернулось к разобранному дрону. Было бы неплохо собрать его побыстрее, пока Умник не разнылся, что она забыла.

Против волшебника с тварями Ан могла выставить только себя, найденный дробовик и Кела. В себе она не сомневалась, а вот в оружии, если оно не заклинит, быстро закончатся патроны. У верного Кела сломана лапа и он не так быстр, как мог бы быть. К тому же Ан понятия не имела, насколько силен волшебник, как далеко продвинулся в своих знаниях, не был ли он сумасшедшим.

...Больше всего её волновало, кто он такой.

Со времён падения Благодетелей, она не встречала людей, которые могли бы подчинить себе серую тварь. Ан долгие годы была уверена, что последний умелец погиб в тысячах километров отсюда, в другой жизни и на берегу иных морей. Возможно, слухи о смерти некоторых мастеров были преувеличены. Возможно, кто-то из них оставил приемников. Возможно, кто-то украл секреты... хотя это маловероятно. Серые твари создавались в другое время и были баловством, дурной фантазией, воплощённой в жизнь. Никто не предполагал, что мир рухнет, эти твари окажутся без присмотра и примутся всерьёз досаждать людям.

...мог ли хозяин тварей искать именно её? Ан не очень хотелось думать об этой вероятности.

На лестнице, где остались лежать убитые Ан твари, уже начало пованивать гнилью. Ан сняла щиток маски и принялась. Прохладный воздух пах сладостью твари и первыми нотками её разлагающейся крови. К утру тут будет стоять страшная вонь.

Она оглянулась на коридор. Окно, через которое напал чёртов колдун, выходило на задний двор театра. Чтобы сделать обманку, он должен был либо видеть их окно, либо быть достаточно близко, чтобы представлять, куда именно отправлять послания. Она быстро спустилась вниз, мимо тел двух шептуний, к маленькой железной двери во двор, спрятанной под лестнице. Как Ан и ожидала, старая дверь из листа железа была отогнута наружу ровно настолько, чтобы в неё протиснулась серая тварь. Ан осторожно выглянула в проём. Двор позади театра был самым простым, одним из тысяч однообразных дворов этого города. С трёх сторон его окружали дома-ульи с рядами пустых окон. На растрескавшихся камнях и асфальте кое-где стояли остовы автомобилей. Мародёры ещё не забредали сюда в поисках наживы, и они выглядели почти целыми. Даже в окнах кое-где целые стёкла. Мародёры не добрались сюда? Отвадили твари?..

Откуда мастеру зверей было удобней всего управлять своими питомцами, а потом угрожать им? Ан бы расположилась в пустой квартире дома-улья, но вид домов внушал ей опасения. Если она правильно узнала мощные пропорции и высокие вертикальные окна, в этих старых домах все перекрытия деревянные. Без ухода они давно сгнили и рухнули. Ан прикинула расстояние до стен. Нет, всё-таки слишком далеко. Значит, её противник где-то на земле. Если бы она была колдуном, то спряталась бы за одним из остовов автомобилей рядом со старой трансформаторной будкой посреди двора. Отсюда не потерять связь с тварями и в случае беды можно бежать.

На мгновение её пробил холодный пот: а если у колдуна есть возможность видеть её? Окуляр, радар, доспехи наподобие её. Что, если он сейчас смотрит на неё?

Чушь. Прошло слишком много лет, чтобы работала старая техника, а новую делать ещё не научились. Её собственные доспехи сделала она сама, и то они требовали ремонта и

запчастей. Последний раз она их ремонтировала семь лет назад, когда добыла и разобрала доспех одного очень гордого, но не очень умного охотника за головами. Попадётся ли ей ещё один такой богач?

...Возможно, прямо сейчас он смотрит на неё сквозь разбитое стекло.

Ан сжала зубы. Она раскисла, обленилась и стала слишком мягкотелой. Да хоть сотня серых тварей, её это не волнует... Нет, всё же волнует. От сотни даже ей придётся убегать, бросив чернорясого. Она не глупый благородный воитель, побеждающий арми Трижды Проклятого.

...Так где же может прятаться волшебник?

Она оглядела двор. Её системы ночного видения были далеки от совершенства. Без луны она едва видела дома вокруг площади. Автомобили, трансформаторная будка, чуть в стороне опрокинутый торговый ларёк, на углу театра бетонный разгрузочный помост и мусорные баки.

У ног заворчал Кел. У зверя не было голоса, и своё недовольство или нетерпение он обозначал прижатыми к голове ушами или мерным скрежетом металлических зубов.

"Проголодался? Ты же недавно ел..."

Внизу блеснуло.

Ан сменила фильтр и пригляделась к месту вспышки. Ничего особенного. Только показалось, что на проросшей сквозь асфальт серой траве неясное движение. Показалось, или их приятель снова решил поколдовать?

"Идём", Ан запомнила место движения и направилась вниз по служебной лестнице. Кел семенил за ней на трёх лапах. Стук его когтей по бетонным ступеням раздражал и нервировал.

"Смотри внимательно. Он где-то здесь".

Кел подобрал когти и медленно отошел от неё и присел между двумя автомобилями. Ан обошла его стороной, стараясь не шуметь и не высовываться.

"Ищи человека".

Кел не отозвался. Она отправила ему образ человека и обещание еды. Она почувствовала отклик.

"Проглот. На тебя не напасёшься".

Кел двинулся вперёд, Ан чуть в стороне следом. Колдуны не всеильны. Хозяин серых тварей должен был видеть окно и быть рядом. У колдунов тоже есть тела и плоть. Кел его учует и покажет ей. А уж на неё их фокусы не действуют и никогда не действовали.

Они прошли два десятка метров, и Кел неожиданно остановился.

"Кого-то видишь?"

Зверь клацнул зубами, но с места не сдвинулся.

— Давай поговорим!

Ан замерла, подняв дробовик.

Перед входом в театр, где мгновение назад никого и ничего не было, появилась сияющая фигура. Пятно света слепило. Ан перебрала несколько фильтров, но пятно осталось на месте.

— Давай поговорим! — ореол света стоял спиной к ней. Ан принялась. Пахло сыростью, землёй и старой ржавчиной, но не человеком. Обман. Что ж, она тоже выходить не будет.

— Ты видишь меня? — фигура сделала шаг вперёд и подняла руки. Навстречу ей из

театра вышел человек. Он попытался светить себе фонарём, но выключил его и молча уставился на обманку.

Ан даже не стала ругаться на священника. Если он сейчас умрёт, это будет исключительно его вина. Она отключила ночное видение. Мир мгновенно почернел, а обманка сложилась в привлекательного молодого человека в длинной мантии. Он стоял к ней спиной, и Ан видела только светловолосый затылок, мешковатые штаны и футболку с глупым принтом на спине. То, как он стоял, подняв руку, показалось ей знакомым. Ан внезапно поняла, что он держит в руках кружку с кофе. Знала ли она этого человека? Возможно. Она многих знала.

Ан оглянулась и попыталась снова найти то место, где она видела вспышку, когда разглядывала двор через дверь. Волшебник должен быть где-то здесь.

— Привет. Я вижу тебя.

— Эмет, это ты? — Меркий с открытым ртом пялился на обманку. — Ты же погиб! Они тебя убили, я сам видел!

— Да, это я, — тотчас же отозвалась обманка. Ан почувствовала сладкий запах и тихо выругалась. Кел по её приказу поднялся с земли и двинулся вперёд, к появившемуся сгустку тумана.

— Как ты выжил?! Я же видел... они тебя отрезали голову! — голос Меркия был неуверенным. Оно и понятно. Даже такой дурак должен сообразить, что убитый приятель никак не может явиться к тебе в облаке света посреди ночи после того, как тебя чуть снова не убили.

— Прародитель тебя послал ко мне, Эмет? — чернорясый упал на колени и путанно зарыдал, восхваляя своего бога.

Ан услышала шорох и оглянулась, сменив фильтр. За ближайшими мусорными баками мелькнул приземистый силуэт и тотчас же скрылся в серебристом мареве. Следом за силуэтом в мареве скрылся и сам опрокинутый бак. Даже сквозь шум Ан услышала треск обветшавшего за годы пластика.

"Кел, тварь здесь".

Зверь услышал её молчаливый приказ и прополз в проход между автомобилями. Шептунья его не заметила и бежала прямо на молящегося Меркия. Ан подождала, пока тварь не приблизится, и выстрелила, лишь когда приближающегося туманного марева осталось меньше десятка метров. Шептунья с криком боли повалилась вперёд. Маревое развеялось, и Ан ясно увидела её корявую изломанную фигуру с длинными, до земли руками и маленькой грубой головой. Шептунья поднялась на короткие ноги и взмахнула руками. Ан выпрямилась и выстрелила в неё ещё раз. Кел тяжело подбежал к твари и прыгнул, целясь в горло. Шептунья отмахнулась от него, и закружилась на месте. Зверь откатился в сторону, ударился в ржавый остов, но быстро вскочил на лапы и снова побежал к шептунье. В темноте его глаза загорелись желтым огнём. Ан выстрелила в тварь третий раз. Тварь пошатнулась и запрыгнувший на неё зверь придавил тварь к земле.

Ан подбежала к твари. Шептунья металась по земле, пытаясь скинуть с шеи Кела. Ан прицелилась и выстрелила в её живот. Кел по команде Ан сдвинулся в сторону, и она выстрелила серой твари в голову. Шептунья с едва слышным стоном раскинула руки и замерла.

— Ан! — до неё, как из тумана, донёсся панический вопль Меркия. Святоша по-прежнему стоял на коленях и теперь плакал, как ребёнок, и звал её. Обманка медленно

повернулась к Ан.

"Ищи человека. Он тут. Еда!"

— Ан, это ты? — невысокий сероватый человечек неопределённого пола и возраста сделал шаг вперёд. Он был невзрачный и очень странный, и держал свою кружку с кофе так, словно не знал, зачем она ему вообще нужна. Ан отвернулась от него и побежала следом за почуявшим след Келом.

Как Ан и предполагала, колдун прятался на земле, около трансформаторной будки. Он оказался долговязым и тощим мужчиной в каких-то грязных обносках. Она бы даже не узнала бы в этой тени человека, если бы напуганный стуком лап Кела колдун не кинулся бежать. Он ловко перепрыгнул через валяющийся на земле бетонный блок и попытался скрыться среди ржавых автомобилей.

Но Кел, даже на трёх лапах, был быстрее.

Зверь настиг беглеца в три прыжка и опрокинул на землю. Когда к нему подбежала Ан, колдун был уже мёртв.

— Ну, молодец. И что теперь с ним делать?! — она раздражённо толкнула морду зверя. Кел, уже нацелившийся на впалую грудь трупа, обиженно отвернулся и поклацал зубами. Его хвост ударил её по ногам. Ан погладила бок зверя и присела рядом с телом. Кел сломал колдуну шею и спину. Шансов у человечка не было. Теперь покойник уже точно не заговорит. А спросить было что: кто он такой, откуда у него ошейники и знания, как подчинять себе Серых тварей? И один ли он, или таких умников много?

— Ан!

Она оглянулась на Меркия. Чернорясый топтался около двери и звал её. Ан почувствовала раздражение от его воплей и нелепых движений, но вспомнила, что в отличие от неё, он в ночи ни зги не видит.

— Фонарь подбери, придурок! — крикнула она.

Меркий замер, потом, после нескольких нелепых телодвижений поднял выроненный фонарь, уныло освещавший днище автомобильного остова.

— Сюда иди, мне нужен свет, — велела она. Монашек, спотыкаясь на ямах и ударяясь о мусор, подковылял к ней. Пятно света фонаря нервно металось по земле.

— Ан, я сломал ногу!

— Где ты умудрился?!.. Если бы сломал, не смог бы встать, — не хватало ещё, чтобы святоша захромал. Ан хотела уже завтра днём добраться до Моста и идти дальше в одиночестве до следующего глупого приступа милосердия. С хромым чернорясым, если за несколько дней доползут. Завтра — или скорее уже сегодня — его ещё отпустит действие огня-камня, и он начнёт мёрзнуть и уставать. Даже если она потащит его на себе, за день не уложатся.

Меркий дрожащими руками осветил фигуру колдуна.

— Это он?!

— Дай сюда, — Ан отобрала у него фонарь и посветила на тело.

— Я его знал! — прохрипел Меркий. — Это брат Эмет, из нашей обители. Он шел сс мной к Госпоже, но мы... Я не видел, но значит, раз он жив, то он... никогда бы не подумал...

Ан оглядела жертву Кела. Колдун был грязным, тощим и больным. Синющую кожу покрывали следы от присосок нимфы и синяки. Ан убрала с лица покойника грязные волосы и тряпки. Морок пропал, и она увидела настоящий облик колдуна. Лицо у него было

маленьким, с тонкими, какими-то крысиными чертами. Ан никогда его не видела.

— Это не Эмет, — ошарашенно пробормотал Меркий. — Но... Я его... где-то видел!

Ан повернулась к нему.

— И кто это?

— Я не помню, — немедленно смутился чернорясый. — Но я его где-то видел!

— Где ты мог видеть мужика, который может напялить на серую тварь ошейник? — буркнула Ан. — Да успокойся уже, он умер, и это его настоящее лицо, а не морок.

— Я правда где-то его видел! Вот этого человека! Возможно, на том берегу.

"Или ты просто не хочешь сознаваться, что брякнул глупость". Настроение у Ан стало отвратительным. Она принялась осматривать карманы покойника. В карманах его тряпок, некогда бывших чем-то вроде рабочей одежды, нашлась целая куча мелкого барахла вроде колпачков, гвоздей и бумажек, пачку сухих галет и три очень интересные вещицы. Одна оказалась платиновым свистком с клеймом в виде распахнутой зубастой пасти, а вторая — длинным поводком из желтоватого металла. Меркий не понял, что это за вещи, а Ан не стала заострять на них внимание. Свисток и поводок. Первый — подзвать тварь, второй — смирить, прежде чем надеть на неё ошейник. Откуда у вшивого бродяги такое богатство?

Третьей интересной находкой оказался грубый лагунный брелок, отлитый в форме расколотого сердца с тремя розами. Ан молча повертела его в руках. Брелок можно было бы принять за простую безделушку, если бы не столько совпадений: он, расколотое сердце, и колдун, подчинивший тварей.

— Это символ Госпожи! — фонарь уже не дрожал в руках Меркия.

— Чего? — вынырнула из своих мыслей Ан.

— Символ Госпожи. Её герб.... очень похоже на её герб... — смутился под её вниманием святоша.

— Госпожа — это кто? — устало спросила Ан.

— Правительница нашего берега реки и всех окрестностей около озёр, — пустился в объяснения Меркий. — Мудрая и справедливая правительница, благородная кровь! Неужели ты её не знаешь?

Ан покачала головой.

— Никогда не интересовало, кто этими местами правит.

— А зачем ты тогда идёшь на тот берег? — удивился Меркий. — Разве не в её земли?

— Просто иду, — Ан ещё раз ощупала лохмотья бродяги. — Куда Кел ушел, не видел?

Меркий послушно отвернулся и принялся водить лучом фонаря по руинам вокруг. Ан косо посмотрела монаха и аккуратно повесила ошейник и свисток себе на пояс. Успел ли святоша понять, что попало ей в руки? Вряд ли, слишком напуган. Хотя, окажись на его месте более сообразительный и менее трусливый... Кто знает. Чернорясые, кроме тупых молитв, ещё собирали остатки знания. Разумеется, только того, что их скудные умишки считали важным. Попадись им в руки рабочие чертежи Цистерны с указаниями, как построить новую, они ими подотрутся. А вот какую-нибудь мистическую чушь будут беречь и охранять, даже если она не более, чем шутка или чья-то фантазия.

— Если он смог подчинить тех чудовищ? — Меркий обернулся к ней. — То он мог подчинить ещё тварей?

— Мог, — кивнула Ан.

— А что... что стало с ними теперь?

— Бродят где-нибудь.

Фонарик в руках чернорясого снова задрожал.

— Пошли обратно, — Ан подозвала Кела и выпрямилась. — Надо забрать вещи.

Ан про брошь забыла, а Красавица о подарке не спрашивала. На выставку она отвезла ещё одну брошь, в виде эмалевой цикады с изумрудными глазками, а потом подарила её Ювелиру, как автору идеи. Тот подарил ей в ответ большой кулон с расколотым сердцем, детским гербом кухни. Красавица обрадовалась ему, как ребёнок, и вроде бы даже её папаша успокоился, и история забылась. Но Ан всё равно время от времени чувствовала себя виноватой перед сестрой. Их отношения остались той же странной не то дружбой, не то приятным родством. Ан чаще всего чувствовала себя жилеткой для слёз сестры. Когда у Красавицы было всё хорошо, она могла неделями не обращать ни на кого внимания. Ан это немного раздражало. Каждый раз, когда сестрёнка проходила мимо, демонстративно задрав свой хорошенький носик и отведя взгляд в сторону, Ан давала себе слово больше не пускать её на порог. Но когда Красавица снова приходила, одного взгляда её розовых глаз хватало, чтобы Ан со вздохом подставляла ей плечо для утешения.

Каждый раз Ан было невероятно стыдно за свою слабохарактерность.

К счастью, у неё не было времени на бесполезные размышления. Приближались экзамены, и она твёрдо решила не дать отцу даже шанса оставить её дома. Иногда ей казалось, что он стыдится её, иногда казалось, что думает, что она стыдится его, иногда он просто упрямится, как осёл, и не хотел ничего слушать. Возможно, его злило, что она выросла и больше не была малышкой, для которой он всё на свете? Философский настрой сбивала новость о том, что отец опять что-то потерял или сломал.

Ан не хотелось гадать, и она с головой погрузилась в работу.

Кел её старания не оценил, и постоянно подначивал.

— У тебя синяки под глазами больше лица. Хочешь на море? Я тебя и так туда отвезу.

— Тебе-то какая разница? — у Ан не осталось сил, чтобы осадить его. Никаких поблажек с экзаменами ей, не смотря на происхождение, хорошую семью и спонсорскую помощь деда, не сделали. Бегай, собирай чёртовы бумажки сама. И это в век, когда даже дети знают, как получить электронную справку или как поставить электронную подпись.

Всё утро Ан чинила экспериментального дрона. На самом деле ничего нового в нём не было. Такие десятками летали над городом и доставляли разные мелкие грузы. Некоторые иногда падали на головы людям, от чего раз в полгода их пытались запретить. Но дроны по-прежнему летали, и нужда в них возрастала. С подачи Умника Ан собрала машину, которая в идеале должна была облетать людные улицы, пешеходные переходы и курсировать на строго одобренных в одной из предыдущих дипломных работ маршрутах. В идеале.

Во время первого же запуска дрон испугался самой Ан и панически метнулся в сторону, вылетел за пределы вертолётной площадки на крыше университета и потерял ориентацию. Итогом стало выбитое окно спортивного зала и вычет стоимости стекла из её стипендии. Останки дрона она собрала и притащила ремонтировать домой. Кел зашел ей помочь, но в итоге больше отвлекал, валяясь на диване. Он был высоким, как его отец, широкоплечим и, когда вставал, выглядел как настоящая стена. Диван под его весом жалобно поскрипывал. От отца Кел унаследовал светлые красивые глаза, и тяжелую челюсть. У её отца была такая же, но лицом Ан походила на него мало. Разве что носом. Вот носы у них двоих были одинаковые, прямые, с чуть заметной горбинкой на высокой переносице. У дяди Первенца тоже такая была, но у Кела был не такой красивый. В детстве Ан как-то принялась дразнить

Кела этим фактом, на что он обиделся и попытался разбить ей лицо, чтобы Ан тоже нечем было хвастаться.

— Поехали на море, — предложил он. — Или в горы. Сразу после твоих экзаменов.

— Я уже еду с отцом.

— А я, значит, побоку?

— С папой я договорилась раньше. Я его почти год не видела, а ты тут каждый день перед глазами.

— Ну так что он не может приехать к тебе и пожить тут месяц?

— Потому что, — Ан не имела ни малейшего желания ввязываться в разговор. Предлагать Келу потом съездить куда-нибудь с ним — тоже. Он так напрашивался на предложение, что осточертел. Ведёт себя как маленький ребёнок. Нет бы, сказал прямо! Кел замолк, и она наконец-то смогла сосредоточиться на работе. Впрочем, ненадолго.

— А это что такое? Красиво. Сама сделала? А чего не носишь?

Ан повернула голову и увидела в руках брата злосчастную брошь-розу.

— Это подарок.

— Чей это?

— Сделай лицо попроще. Красавицы. Её папаша забраковал поделку, и она подарила её мне. Всё.

— Ничего себе подарочек. Одних камушков тут... Я не знаю, на сколько.

— Успокойся. Это стекляшки.

— Хм. А похожи на настоящие.

— Очень хорошие стекляшки.

— И как тебе, понравилось?

— Ну, она вполне милая, — Ан поправила упавшую на лоб чёлку. Надо будет либо постричься, либо найти, куда она дела старый ободок. С возрастом её волосы из рыжеватых стали просто серыми. Пока дома жила Рем, она напоминала Ан подкрашивать их вовремя, но после отъезда сестрёнки Ан перестала подновлять цвет.

— И ты её носишь?

— Кел, вот что ты привязался? Нет, не ношу, это не моё.

— Тогда выкинь, — Ан не сразу поняла, что именно услышалась. Она оглянулась на брата. Тот стоял, пристроив на рабочий стол свою задницу и держал двумя пальцами брошку так, словно поймал таракана.

— Зачем?

— Раз не носишь. Зачем хранить ненужные вещи?

Ан покачала головой и улыбнулась.

— Ты серьёзно? Зачем выкидывать такую вещь?

— Ну продай её тогда.

— Кел, успокойся и положи её на место. И больше не ройся в моём столе.

— У тебя там какие-то секреты от меня?

— Да, переписка с десятком любовников и ещё дюжиной любовниц, а то мне с тобой скучно живётся, — Разозлилась Ан. — Положи её на место и больше не лезь, куда тебя не приглашали, хорошо?

Брат молча положил брошь на место и вышел. Ан не стала его останавливать. Обиделся — ну и чёрт с ним. Устроил сцену на ровном месте. Успокоится и придёт в себя.

Она не ошиблась. Уже к обеду Кел пришел в чувства и извинился за вспышку. Они

посмеялись над его глупыми требованиями, ведь тогда Ан пришлось бы избавляться и от части его подарков, например, от здорового плюшевого чудовища, подаренного ещё в школе на праздник влюблённых. Ан чудовище, призванное изображать то ли медведя, то ли обезьяну, терпеть не могла, но хранила его в шкафу. Каждый раз, когда она заглядывала внутрь, видела подарок и вспоминала бледное от напряжения лицо брата. Он подошел к ней, что-то пряча за спиной. Ан решила, что это какая-нибудь гадость вроде жабы, которыми он любил её пугать. Но это оказался уродливый медведь и приглашение сходить с ним в кино. Ан ему, разумеется, не поверила, и отказала, велев идти дурить голову кому-нибудь другому, а её оставить в покое. Кел ушел, побледнев ещё сильнее. Как потом узнала Ан, за поворотом коридора всё это время стоял дядя, пообещавший своему отпрыску, что медведь и вежливое приглашение точно-точно не вызовут у неё подозрений.

Рем, узнав о случившемся, долго смеялась. В кино в тот вечер они всё же попали, а медведь перекочевал в шкаф к Ан.

После обеда Ан кое-как доделала дрона и с помощью брата перевезла его в университет. Там она задержалась на кафедре, потом зачем-то пошла на тренировку, а после вездесущий Кел поймал её на выходе из раздевалки и, не слушая возражений, оттащил на встречу чайного клуба.

Их маленький чайный — хотя они никогда не пили во время встреч ни чая, ни чего-либо ещё — клуб собирался в нём по пятницам и состоял в основном из членов семьи и их друзей. Когда-то в школе они собирались дома и именовали эти встречи тайным обществом. У каждого члена был свой титул, свой герб и тайное имя. Они собирались на этажах тайно, так, чтобы взрослые не знали. Но как потом узнала Ан, родители и Дедушка прекрасно знали об их занятии и даже секретном языке. Они выросли, и теперь уже собирались не тайно. Чайный клуб перестал быть тайным от взрослых обществом, и стал просто встречами старых друзей, большая часть которых была членами одной семьи и, соответственно, отличалась наследственной любознательностью.

В эту пятницу докладывалась Мухолов со своими новыми схемами программирования лабораторных крыс. Тема была интересная, но сама кузина была занудой и совершенно не умела выступать перед публикой. Мухолов, не смотря на её явную гениальность, не умела даже ясно формулировать свои мысли. Её первые статьи из-за невнятности остались незамеченными, ещё одна оказалась нагло переписана и украдена, что испортило характер сестры. К невнятным формулировкам и шепелявому голосу добавилось ворачание о врагах, недоброжелателях и плагиатчиках.

Ан собиралась пропустить эту встречу, но Кел заставил её досидеть до конца. Ан дремала в полглаза, слушая шепотки Красавицы и Лаборантки об их экспериментах с новыми животными модификатами. В иной день Ан бы к ним присоединилась, но не когда у неё глаза закрываются от усталости. Она попыталась остаться ночевать в общежитии, но Кел почти силой потащил её домой.

— Я не упаду, — Ан чувствовала, что утром она встанет совершенно разбитой. Зря она пошла на тренировку. Надо было сбежать раньше, пока Кел не спохватился.

— Отдохнуть бы тебе.

— Ой, только не начинай, пожалуйста!

— Не могу смотреть, как ты себя загоняешь.

— Я в полном порядке.

— Ты едва держишься на ногах.

— Если бы ты отстал от меня, я бы была уже дома и спала.

— Ну да.

— Кел, ты достал уже. Иди молча, — Ан попыталась сосредоточить взгляд на спинах идущих впереди Ювелира, Красавицы и Умника. Ан не слышала, о чём они разговаривали, но судя по активным жестам Умника, о чём-то интересном.

— Я. В полном. Порядке, — Ан хотелось домой и в кровать.

— Правда, что ли? Твой отец мог бы быть к тебе повнимательней, раз ты так рвёшь ради него задницу. Хотел бы я посмотреть на моего отца, чтобы он год шлялся где-то, а потом потребовал меня к себе.

— Ещё раз поднимешь эту тему, я тебе врежу, — Ан наконец-то разозлилась. Да кто он вообще такой, чтобы требовать от неё что-то? И тем более выкатывать глупые претензии к её отцу? Как же её бесило такое поведение!

А ещё Кел был пьян. В какой момент между отгрузкой дрона и встречей клуба он успел выпить, Ан не знала, но лекцию он просидел, уткнувшись ей в ухо и шумно дыша. Пьяный Кел беспокоил Ан. Он хватал её за руки, обнимал, пытался поцеловать и не слушал никаких возражений. Кузен был на голову выше неё, в два раза шире — и в разы сильнее. Ан не считала себя слабой и умела драться, но Кел без проблем укладывал её на лопатки на ковре. С возрастом он оставил свои глупые шуточки и дразнилки, но иногда Ан всё равно хотелось ударить его по голове тяжелым. Как, например, сейчас.

— Говорят, твой папаша придет в конце недели, — Кел сжал ладонью её ягодицу. Ан толкнула его в бок. Он хмыкнул, но вернул руку обратно на талию.

— Угу, — Ан оглянулась, и её взгляд сразу же наткнулся на Красавицу. Сестра пристально смотрела на них с Келом. Ан вспомнила о броши, и смущенно отвела взгляд.

— Скромняга, — Кел наклонился к Ан и попытался поцеловать её в шею. Его щетина зашепотала кожу, а запах алкоголя стал невыносимым.

— Ты пьян, — Ан отступила от брата на шаг, но он обхватил её руками за талию и притянул к себе. — Кел, мне больно!

— Да что ты весь день такая?

— Какая?! Мне больно! Да отпусти уже!

— Чего ты всё выпендриваешься?!

— Что?! — кузены остановились и оглянулись на них. Ан попыталась вырваться из рук Кела, но тот удержал её на месте.

— Ты другого нашла, да?

— Что? Кел, что ты несёшь! — если она попытается его скрутить, ничего хорошего не выйдет. Несмотря на выпивку, Кел был слишком силен, а она слишком устала.

— Что тогда случилось?

— А что случилось? — Ан оглянулась в поисках помощи. К ним шел Ювелир, а Умник и Красавица мялись там, где остановились. Хорошая помощь, ничего не скажешь!

— Тогда... А чего тянуть!

— Что тянуть?

— Ан, выходи за меня! Мы всё равно уже лет пять... Шесть! Шесть лет блин вместе! — выпалил ей в лицо Кел и рухнул на колени. Ан обдало перегаром.

— Прекрати! — Ан покачнулась, когда брат сжал её талию.

— И всё время рядом с тобой... Ох, не то. Ан, соглашайся, пожалуйста! — Кел встряхнул её и прижался щекой к животу. Ан пришлось взмахнуть руками, чтобы не упасть

вместе с ним.

— Кел, отпусти меня!

Он не слушал и продолжал что-то мычать в её живот и раскачиваться. Ан мотало, как тростинку на ветру.

— Я сказала хватит! — Ан попыталась отцепить его руки от себя. Но Кел сжал её так, что спёрло дыхание. Через мгновение её саму захлестнуло яростью.

— Нет! — заорала Ан и вцепилась в руки Кела. Она с силой развела их и пинком опрокинула брата на спину. Перед глазами заплясали красные пятна, а страх и растерянность прошли. Осталась ярость. Она кипела, бурлила, словно была заперта в чайнике, и рвалась наружу. Если Ан будет сдерживать её дальше, то просто лопнет. Её раскидает по этому красивому парку и пыльной каменной дороге. Ан не дала Келу подняться на ноги, опрокинув его ударом в голову и для верности добавила пинок в бок.

— Да остановись ты! — Ювелир попытался оттащить её, но Ан замахнулась и на него. Брат испуганно отпрянул. Ан с трудом сдержала удар и с шумом выдохнула. Ярость отхлынула так же быстро, как пришла. Она словно вынырнула из под воды. На уши обрушились звуки: мат Кела, испуганное бормотание кузенов, шум автомобильной трассы за деревьями.

— Извини, — она протянула руку, чтобы похлопать Ювелира по плечу, но, когда тот вздрогнул, одёрнула.

— Сумасшедшая сука, — Кел с трудом поднялся на ноги. По его губе стекала кровь.

— Подойдёшь ко мне ещё раз — убью! — огрызнулась Ан.

— Правда, что ли? — Кел сделал шаг вперёд и попытался взять её за плечо.

— Надоел!

Ан хотела его ударить. Потом передумала. Потом снова захотела. Пока она металась, рука уже пришла в движение. Ладонь заныла от удара, но Кел даже головой не мотнул.

— Так, значит? — прохрипел он.

И тут Ан стало страшно. Перед ней стоял не отец, которого она знала, как успокоить. Это был Кел, которого она никогда в жизни не видела таким злым и которого она только что избивала.

Ан подавила желание убежать. Всё равно не сможет. Будь, что будет.

— Так, — кивнула она и на негнущихся ногах пошла прочь, в сторону всё ещё стоявших столбами Ювелира и Красавицы.

— Ну, и катись! — заорал Кел. Раздался звук ломающегося металла, и рядом с головой Ан пролетела уличная урна. Красавица и Умник испуганно закричали. Железный бак с грохотом ударился о дорогу и покатился, разбрасывая во все стороны банки из-под сока, стаканчики и другой мусор. Сердце Ан испуганно дёрнулось, но она не обернулась и быстро пошла домой.

Никто не стал её догонять.

Ночь Ан провела у себя в квартире, закрыв дверь на все замки и отключив домофон. Запоры были хлипкие и слабые, если Кел захочет, он их выломает без труда. Первый час Ан, не смотря на усталость, не могла уснуть и ждала пьяного брата. Но Кел не пришел ни ночью, ни утром, ни днём. В место него пришло сообщение от дяди с извинениями и вопросом, всё ли в порядке. Ан ответила, что всё просто замечательно.

И только вечером следующего дня раздался тихий стук.

— Проспался? — Ан после колебаний у домофона решила открыть дверь.

Теперь, на пороге её квартиры и при свете, Кел выглядел совсем не страшным. На лице у него было уже знакомая ей осторожность, которая появлялась, когда они ссорились. Злитесь ли на него Ан? Или всё-таки нет? Кел чуть опустил плечи и виновато улыбался.

— Привет, — виноватая улыбка стала чуть шире. — Я хочу извиниться... Ну, за вчерашнее, — от брата уже не пахло алкоголем, но его поведение Ан не нравилось. Ей расхотелось с ним говорить, но закрывать дверь было уже поздно.

— Ясно, — она кивнула.

— Я... я не хотел тебя обидеть. Я был неправ, когда... В общем, я это, немного расстроился, что ты уезжаешь на лето. Я хотел позвать тебя... ну, в общем, я расстроился.

Ан снова кивнула. Кел всё больше мялся и проглатывал слова. Она даже не могла ответить себе, зачем его слушает.

— Я хочу... чтобы ты меня простила. Этого больше не повторится, я вёл себя безобразно.

Она кивнула.

— Ты простишь меня?

Ан не знала, что ей делать и что ответить. Она никогда не видела Кела таким, как тогда, в парке. Он иногда выпивал, не часто, и никогда — до такого безобразного состояния. Брат напугал её этой внезапной вспышкой. Образ Кела, немного бестолкового, взбалмашного, хвастливого и уморительно смешного в своих попытках казаться значительней, чем он есть, рухнул. Новый Кел бы незнакомым и чужим человеком.

Ан, по-хорошему, вообще никогда не видела пьяных, разве что в далёком детстве, когда путешествовала с отцом. Он тоже никогда не напивался, и Ан даже не могла вообразить его напившимся до невменяемости.

Кел выбил её из колеи, и она не знала, как к нему теперь относиться. Хотя Ан и чувствовала себя выкинутой в ледяную воду, Кел был её другом и братом. Ей очень хотелось, чтобы кто-нибудь всемогущий взял и стёр из её памяти сегодняшний день. Или чтобы кто-нибудь сказал ей, что делать, а ей не приходилось самой мучительно соображать, что же ответить человеку перед её дверью.

— Ты меня простишь?

— Я не знаю, — Ан решила не врать. Ей действительно надо было подумать, как быть дальше. Кроме ревности Кела её напугала своя собственная вспышка. Она не помнила, как била брата и как кричала на него. Это пугало не меньше, чем внезапная вспышка ревности.

Ревности! И к кому — к её собственному отцу!

Кел медленно кивнул.

— Сколько тебе надо времени, чтобы подумать?

Этого Ан тоже не знала.

— До экзаменов, я думаю. Осталось немного.

Брат снова медленно кивнул.

— Хорошо.

Он осторожно наклонился вперёд. Ан на мгновение замешкалась, и подставила для поцелуя щёку. Экзамены ещё не скоро. Она успеет подумать.

На месте Ан осмотрела лапу Кела и ногу монашека. План уходить пришлось скорректировать. Ан снова развела огонь, наложила из тряпки компресс на ногу монашека, потом закрепила фонарь на одном из стульев и принялась менять порванные мышцы на лапе Кела. Священник прижался к огню и молча наблюдал, как она копается внутри зверя. Огонь-камень ещё горел в его нутре, и он по-прежнему не сильно мёрз. Может, камня хватит дойти до моста, а там Ан уже куда-нибудь парня сбagrит.

— Ан, откуда он у тебя? — наконец, тихо спросил Меркий.

— Кто?

— Этот зверь... Кел.

— Подарили, — Ан затянула ключом стяжки и вернула на место боковую пластину. Шептунья отогнула её край. Придётся искать кузнеца для настоящего ремонта. Или хотя бы нормальную мастерскую. И почистить все сочленения, руки теперь по локоть в смазке и грязи.

— Твой отец?

— Нет, — после паузы Ан добавила. — Брат.

— Он был, наверное, великим кудесником!

— Он был учёным.

— И он создал... такое? Своими руками? Простой смертный человек?

— Слушай, ты на что намекаешь?

Святоша смутился.

— Ни на что, просто... ты убила разрушителя!

— Чего? — Ан окончательно перестала понимать, что этот дурак несёт. Может быть, он от страха помешался?

— Ты убила колдуна! Он же знал чёрную магию разрушителей! — Меркий взволнованно взмахнул руками. — А кто может знать эти мерзкие секреты, если не настоящий разрушитель? Кто ещё мог приручить этих проклятых тварей, кто мог принять облик Эмета? Только разрушитель! Он мог испепелить тебя одним взглядом! Но не сумел!

— Испепелить одним взглядом? — уточнила Ан. — В пепел?

— Да! Он подчинил себе тварей разрушителей! Кем он может быть, если не одним из них? А ты... Ты убила его! Ты...

— Ведьма, что ли? — подсказала Ан и фыркнула. Меркий замотал головой.

— Нет, я не это хотел сказать!

— Брось. Я не ведьма, и стра-ашной магией разрушителей не занимаюсь, — Ан размотала лапу Кела и отпустила его. Зверь немедленно кинулся проверять починенную лапу и кружить между кадок и горшков с землёй.

— Тогда кто ты?

— То есть, кто? — Ан убрала инструменты и принялась разглядывать свой шлем. Шептунья и его помяла! — Я человек. Чего тебе ещё надо?

— Ты не обычный человек, — возразил Меркел. — Обычные люди не живут в таких местах, не убивают тварей одним ударом и не могут колдовать.

— Я здесь не живу, святоша. Я мимо иду.

— Колдовать обычные люди точно не умеют!

— Ты идиот? Когда я колдовала?

— Ты убила тварь разрушителей!

— Я не колдовала, — отрезала Ан.

— Мерзких тварей разрушителей можно убить лишь колдовством или верой в свет Прародителя! — не сдавался святоша. — Но ты не веришь в Его свет, значит, ты вед... умеешь колдовать!

— Не умею, — Ан хмуро посмотрела на Меркела. — И не верю. Эта ваша вера — чушь и бред.

— Это не бред! — взвился чернорясый. — Прародитель существовал! Он построил этот мир, этот Город и десятки других, он был Богом, который научил нас всему, что мы знаем!

Ан искренне рассмеялась.

— И чего же этот бог умер?

— Проклятые разрушители убили его и разрушили всё, что Он построил! — с жаром выпалил Меркий. — Они разрушили наш мир, они разрушили города и порядок! Из-за них умерли тысячи людей, а жизнь оставшихся превратилась в ад.

"Ну, вот", Ан вернулась к разглядыванию шлема. Остальные доспехи тоже пострадали. Левый наплечник теперь постукивал, и пальцы мёрзли. Шептунья всё-таки повредила систему обогрева? На сколько ещё хватит её костюма? Топливо для них стало не просто баснословно дорогим, им перестали торговать. Люди уже не знали, для чего оно нужно. Некоторые разбирали колбы с топливом и использовали его как магический ингредиент или вовсе — лекарство.

Лекарство получалось хорошее, правда, всего лишь от глупости и жизни.

— Это не шутки, это правда! Всё, о чём я говорю — это правда! — продолжал выкрикивать Меркий. — Это написано в священных книгах!

— Ты ещё скажи, что веришь, что он переродится.

— И он переродится! Тогда мир вернётся на круги своя, и такие, как ты, пожалеют, что сомневались в Нём.

— Так, уймись, — Ан протёрла линзы и отложила шлем. — Я всё это уже слышала, а ты не Осан.

— Это всё потому что ты своим умом не можешь понять божественных слов мудрости! — Меркия явно несло. Он носился вдоль огня туда-сюда и размахивал руками. То ли от страха, то ли от пережитого шока, но он не следил, что выкрикивал и не обращал внимания, что собеседница настроена уже далеко не мирно.

Ан подняла на него взгляд.

— Чем я не могу понять эту чушь?

— Своим умом, — Меркел наставил на неё указательный палец. — Ты невежественна, глупа и занимаешься неудобным делом. Поэтому ты не можешь понять всей красоты учения Прародителя и его детей!

— То есть, я спасла твою шкуру, но понять эти бредни не могу?

— Вот, ты опять называешь это бреднями, даже не пытаешься разобраться!

— Прекрати проповедовать.

— Это всё потому, что ты занята противоестественными для своего рода делами, вместо того, чтобы встать на удобный Ему путь труда и верности!

Ан повертела в руках дробовик и решила, что почистит его чуть позже.

— Это какой удобный ему путь?

— Ну... — Меркий наконец-то замолчал. Ан поднялась на ноги и потянулась. — Семья, мирная жизнь, труд на земле, рождение детей и смиренное служение Ему.

Ан в этот момент зевнула и подавилась смешком.

— Рождение детей, говоришь?

— А почему бы и нет, — от былой уверенности в голосе Меркия не осталось ни следа. — Всякий человек, особенно если он твоего... пола, обязан оставить после себя потомство. Это старый и непреложный закон человеческой природы.

— И где он записан?

— В священных книгах...

Ан закатила глаза.

— Это не смешно! В них собрана мудрость сотен поколений! Мудрость людей, которые жили здесь до! Которые построили вот этот город, понимаешь?

Ан всё-таки расхохоталась.

— Это не смешно! — закричал священник. Ан откашлялась и направилась к святоше.

— Это очень смешно, одноглазый. Мудрость поколений, говоришь? — Меркел испуганно поднял руки и попытался защититься от возможного удара.

Ан молча стояла перед ним, не очень понимая, чего ей хочется, запугать дурачка или посмеяться над ним. Она уже давно привыкла к глупым разговорам о Прародителе. Безумная вера появилась всего пару поколений назад, но считала себя невероятно древней. Даже её бедняга Осан искренне верил в эту чушь и утверждал, что видел древние книги с доказательствами своими глазами. В иной раз Ан посмеялась бы над глупой проповедью монашка, но сегодня она устала, она зла, она голодна, она убила трёх серых тварей. А кусок дерьма, чью жизнь она из мягкосердечности спасла, вздумал учить её жизни.

Ан сняла с лица респиратор и наклонилась вперёд. Меркий с ужасом уставился на её губы. Ан так и знала, что её улыбка и иссечённые шрамами щёки не оставят его нежную душонку равнодушными. Шрамы она наносила с совершенно другими целями, но иногда приходилось творчески подходить к использованию имеющихся ресурсов. Монашек смотрел на неё круглыми, как у птицы, глазами и шлёпал губами.

— Есть что сказать ещё?

Меркий замотал головой.

— А теперь тихо и вежливо скажи "спасибо госпожа Ан за то, что спасла мою никчёмную шкуру", и я успокоюсь и не буду тебя бить.

Меркий всхлипнул и пробормотал требуемое.

— Я не слышу.

Он повторил благодарности чуть громче.

— И в следующий раз, с другими людьми, монах, тоже будь вежлив. Я очень добрая... Да-да, я мягкая и добрая, а кто-то поступил бы с тобой не лучше, чем те ребята, что хотели тебя повесить. Задница не болит, а? — Ан покачала головой, поставила респиратор на место и вернулась к огню и Келу. Зверь молча лежал, положив голову на передние лапы, и смотрел в стену. Ан привалилась к его боку и достала из сумки полоску мяса.

Меркий очень медленно сел обратно. Всю его вдохновлённую смелость словно сняло рукой. Единственный глаз испуганно бегал. Ан улыбнулась: священник изо всех сил старался не смотреть на неё. Может быть понял, как ему сейчас повезло, что его бог послал ему в спасители именно Ан. Хотя, кого она обманывает. Счёл её диким зверем, которого лучше не провоцировать, пока он не окажется в толпе себе подобных.

Впрочем, это Ан тоже устраивало. Она не подпрыгивала исправлять этот мир. Пусть катится туда, куда катится.

Она порылась в сумке и перекинула чернорятому галеты и последнюю полоску мяса. Он снова не поймал и пополз подбирать. Молча собрал и, не поднимая глаз, вернулся на своё место.

— Сразу всё не ешь, — мирно посоветовала Ан. Ярость схлынула, и она чувствовала себя лучше, гораздо лучше. — Это тебе до Моста.

Меркий молча кивнул и убрал остатки галет в карман рясы

— Не потому, что я жадная, а потому что больше нет. Если будешь шевелить ногами, завтра... точнее, сегодня, дойдём до Моста.

— Он же далеко, — тихо пробормотал чернорясый. Обычный человек вовсе его не услышал бы, но Ан хватило.

— Где мы, по-твоему, находимся?

Меркий смутился и покачал головой. Взгляд снова уткнулся в землю. Какой же он всё-таки трус.

— Мы ушли к югу от Дома... это-то ты знаешь, что такое? — Меркий отрицательно покачал головой. Ан закатила глаза. И ещё что-то рассказывал ей о Прародителе. — Короче, центр города это. Башни до небес видел?.. А, точно, они же все рухнули... Руину, которую вы называете дворцом Прародителя, знаешь?.. Мы в двух милях от неё. К югу. Завтра мы выйдем на городское шоссе. Оно цело и не завалено, так что быстро дойдём до Моста на ту сторону.

По крайней мере, так ей говорили те, кого она встретила год назад у моря. Как оно на самом деле, и не придётся ли им лезть через завалы, Ан не знала. Но шоссе действительно когда-то было очень широким. Настолько широким, что его не смогли перегородить даже рухнувшие дома-башни. Трава там тоже не росла, и даже остался асфальт. Когда-то дорогу использовали для путешествий вниз, на юг, но Ан не знала, ходят ли ещё конвои и торговцы на этот берег.

— Так что тебе осталось совсем немного меня потерпеть, — она закрыла глаза. — Светло будет через два часа. Советую вздремнуть.

Меркий снова кивнул и полез на свой стол. Он поёрзал на нём и замер. Ан посмотрела на него и принялась чистить дробовик.

Ан позволила себе часок подремать — и проснулась от глухого удара. Она схватила дробовик, наставила его на источник шума, и только после открыла глаза. Ствол оказался нацеленным на упавшего со своего стола Меркия. Одноглазый священник ругался и пытался подняться на ноги. Ан с сожалением поняла, что накричать на него и доспать не получится: снаружи уже было светло, время для сна заканчивалось. Кел под её спиной лежал неподвижно. Ан отложила оружие, потянулась, размяла затёкшую шею и зевнула.

— Да воссияет утро и свет извечный, — объявил Меркий, отряхнув колени и зад. Его голос звучал почти дружелюбно.

"Ночной скандал вспоминать не будем? Ну и хорошо. Мне тоже лень ругаться".

— И тебе не хворать, — она поднялась на ноги и размяла плечи. Два сегмента за правым плечом с непривычным стуком упёрлись друг друга. Надо будет заменить... если ей хватит денег на новую. Ан не очень следила за своими деньгами. За все годы жизни без дома и отца она так и не привыкла к ним. Всегда было легче найти работу на месте или отобрать нужное у неудачников, принявших её за одинокую и беспомощную страницу.

— Мы идём? — Меркий выглядел излишне бодрым. Ан даже сказала бы, отвратительно

бодрым. Она чувствовала себя хорошо, но не отказалась бы послушать жалобы священника и ещё раз подумать, какой же он слабак. Ничего, до Моста ещё идти и идти. Она посмотрит, на сколько его хватит.

— Да, — Ан проверила, что все угли прогорели и задвинула железный лист обратно под стол. — Пошли.

— А поесть?

— На ходу. Ты к Мосту хочешь — или как?

— Хочу, — Меркий шарахнулся от потянувшегося, как кошка, Кела. Ан не очень представляла, зачем он это делает. Один её временный приятель, в своё время осматривавший зверя, предположил, что это специальная программа, которая проверяет подвижность всех механических суставов. Может быть, он был прав. А может там, в сердечнике, Кел дурачится и представляет себя котом.

— Тогда пошли.

Они спустились по лестнице к рабочему выходу из театра. Тела шептуний — третью она скинула вниз ночью, чтобы не воняла — уже разлагались. Серая плоть позеленела, осклизла и начала стекать с желтых костей. Воняло изрядно, даже Ан через маску пробило, а Меркий зажал нос руками и позеленел.

Наружу они почти выбежали, даже Ан почти не огляделась.

— Слушай, а та, что в Цистерне осталась... она же воду отравит! — заговорил Кел, когда они обошли валяющуюся недалеко от двери шептунью.

— Уже отравила, — отозвалась Ан. Она оглядела двор. Никого. Кел тоже молчал. Труп колдуна валялся там же, где она кинула его накануне. Он выглядел ещё более жалко, чем в темноте. Дома-ульи, окружавшие двор, тоже посерели, словно уменьшились в размерах и выглядели уныло, а не зловеще, как ночью.

— Но... её же надо было вытащить!

— Как?

— Ну... подцепить и вытащить...

— Понадобится тягач и дюжина рабочих. И вскрывать все полы. Ты видел только часть тела, под водой ещё пара десятков щупалец, хвостов и другой дряни.

— И... она там останется?

— Да.

— А вода?

Ан пожала плечами. Ей самой от яда нимфы ничего не будет. А люди...

— Тело разложится и вымоется за месяц, если там вода ещё течёт. Кости рассыплются через год. Думаю, тогда снова можно будет там пить.

Меркий молча кивнул. Видимо, его проснувшаяся совесть сочла этот ответ удовлетворительным. На разум в его голове Ан уже не надеялась.

Они вышли на широкую улицу. Дождь почти прекратился. Сверху падали мелкие капли, сквозь рваные серые облака просвечивало солнце. Иногда образовывались настоящие просветы, и до земли долетали солнечные лучи.

— Интересно, как тут жило столько людей? — бодро осведомился Меркий. Они шли быстро и без остановок. На этой улице практически не было брошенных машин и транспорта, асфальт почти цел. Даже дома стояли, как будто их оставили только на время. Разве что стёкла большей частью полопались.

— Как жили... жили, — Ан слепые окна домов только раздражали. Тут никто не жил,

сюда редко забирались мародёры. Теперь понятно, почему. Это она не слышит ни пения серых тварей, ни теряет волю, учуяв их запах. Обычный человек здесь погибнет. Интересно, сколько было тварей в подчинении у колдуна? Три? Или больше? Переловить бы их всех, пока они не размножились сверх меры.

...и откуда у него знак разбитого сердца? Это беспокоило Ан больше всего. Даже больше, чем откуда он взял ошейники и свисток. Если брелок значит то, что она подумала, то и источник знаний, как подчинить тварей, очевиден.

— Нет, я имею ввиду, откуда у них было столько еды? Как они не умирали тут от эпидемий? Как они жили друг у друга на головах? Где держали скот? — Меркий расценил её задумчивость по-своему и убавил в голосе жизнерадостности.

Ан пожала плечами.

— Как-то жили.

— Или, например, как они не убивали друг друга, когда их столько тут живёт. Сколько нужно полиции, чтобы за ними всеми следить?

— Как ты сказал — полиции? — слово из прошлой жизни показалось ей странным из уст чернорясого. Эти фанатики казались Ан чуть ли не символом всей той гадости, что происходила вокруг неё. И тут — полиция.

— Ну... да! Полиция. Это такие, которые охраняют общественный порядок! — явно заученно ответил Меркий. — Когда придём на тот берег, ты их увидишь.

— Ну-ну.

Они свернули в зажатый со всех сторон каменными стенами переулок, потом — в большой парк. Он давно одичал и зарос, хотя местами попадались следы человека: то мелкие руины садовых построек, то каменные дорожки и пруды. Окончательно забывший о ночных страхах Меркий осмелел и сунулся было в старый грот посмотреть на всё ещё стоящую внутри фигуру девушки. Ан, которой надоело постоянно останавливаться или замедлять шаг, предположила, что в гроте может жить нимфа.

Больше чернорясый от неё не отходил.

К полудню они вышли на обещанное шоссе. Ан несколько минут сидела на крыше одного из брошенных автомобилей и разглядывала окрестности. Никакого движения. Но в ней снова проснулась подозрительность. Странное безмолвие, даже птиц нет. Они уже далеко ушли от места встречи с колдуном. Неужели он выгуливал тварей так далеко от гнезда?

Наконец, она решила, что ждать — только терять время, и выпрямилась во весь рост. Ничего не случилось. Только вдаль виден силуэт Моста.

— Идём.

Она прокладывала путь между машинами. Меркий постоянно отставал, пытаясь заглянуть в их нутро. Люди тут бывали чаще, чем внутри кварталов, и многие машины лишились колёс, зеркал, дворников и внутренностей.

— Поверить не могу, что когда-то они все могли двигаться тут одновременно. Воистину, благословенные времена под светом Прародителя!

— Святоша, не начинай снова меня учить жизни! — пробурчала Ан. Меркий немедленно поднял перед собой руки.

— Не буду.

Но надолго его молчания не хватило.

— Почему тут нет собак?

— Ммм? — Ан подпрыгнула и заглянула в кузов остановившегося трамвая. Ничего и никого. Хотя бы так было до самого Моста! — Каких собак?

— Обычных. Которые везде живут.

— А, эти... Людей нет.

— Ммм... и как это связано?

— Собаки живут с людьми. Ушли люди, собаки передохли.

— Но...

— Ты много собак видел там, где нет людей?

На лице Меркия отразилось недоумение. Ан запоздало вспомнила, что этот человек вряд ли вообще когда-либо бывал там, где нет людей. Святоша явно подумал о том же и, помявшись, спросил.

— Ан, а ты сколько уже путешествуешь?

— Давно.

— Ммм... а сколько тебе лет?

— Много.

— Насколько много?

— Я со счёта сбилась.

— Хм. Тогда ты хорошо сохранилась.

Ан ничего не ответила. А что ему сказать? Обычно она вообще не распространялась о своём происхождении и жизни. Другим бродягам это было не интересно, а "приличные" люди не спрашивали, выдумывая сами себе убедительную и леденящую кровь историю, исходя только из её внешнего вида. Оба варианта её более, чем устраивали.

— Ан, а откуда ты хотя бы идёшь?

— Из Холмов.

— А туда откуда пришла?

— С юга.

— С юга?

— С моря.

— Говорят, оно большое.

Ан оглянулась на лениво текущую в гранитных тисках реку.

— Не маленькое.

— А говорят, есть океан! Это когда даже берегов нет.

— Да, бывает и так.

Меркий засмеялся.

— Я никогда не понимал, как это — нет берегов. С какой-то землёй он всё-таки соприкасается!

— Он омывает сушу со всех сторон.

— Красивый наверное.

Ан пожала плечами, показывая, что разговор окончен.

Мост был перекинут через реку ещё когда Город жил. С тех пор переправа сохранилась неизменной. Высокие железные пролёты и подвесы время от времени красили обитатели того берега и проверяли на прочность, хотя такого важного значения, как в годы сразу после, мост уже не имел. Ан подозревала, что ещё лет десять, и Мост будет взорван или частично перекрыт: на этом берегу уже не осталось практически ничего важного, а торговцы... Торговцы, если таковые ещё ходят этим путём, пойдут на север, к парому.

Сама Ан последний раз переходила Мост очень давно, и привлекала к себе внимание. Она этого очень не любила, но мост был самой удобной переправой на многие километры в обе стороны. В черте Города река была забрана в гранитные берега и текла очень быстро. Конечно, можно было бы, как все, пойти на север. Но паромом заведовали чернорясые монахи, и Ан не хотела с ними связываться до поры.

— Хорошо, что ты сохранила бумаги, — приближение к людям возвращала Меркию самоуверенность. Когда опоры поста показались над крышами домов, Ан захотелось прибить священника и скинуть в воду. Или просто скинуть, пусть поплавает. — Меня на том берегу хорошо знаю. Я, знаешь ли, вхож в дом самой милостивой Госпожи!

— Что за Госпожа? — равнодушно спросила Ан.

— Ты не знаешь? — искренне удивился Меркел. — Ты же к ней идёшь!

— Кто тебе сказал такую глупость? Я иду на тот берег, а не к кому-либо!

— Но она... она правит на том берегу! Она его хозяйка!

— Хм... — Ан попыталась вспомнить, кто был правителем берега, когда она бывала там последний раз, но не смогла. — Не знаю, никогда не интересовалась всей этой политикой.

— Так это не политика! — возразил Меркий. — Она — самая настоящая правительница. Ах, как же ты не понимаешь! Она от Благородной Крови, так яснее?

— О нет, только не начинай снова обращать меня в свою веру! — Ан скривилась под маской. Ну надо же, ещё одна самозванка. Сколько их было, называющих себя детьми Прародителя, потомками Благородной Крови? Тысячи. И ни один из них не был истинным, ибо Благородная Кровь никогда не смешивается с кровью людей.

— Нет, ты не понимаешь, — разозлился Меркий, не услышав от спутницы достаточно восторженной реакции. — Госпожа настоящая Благородная Кровь! Говорят, что она одна из Детей.

— Они же все погибли. Ты сам сказал, что их не осталось.

— Не все. Госпожа долго странствовала в поисках ушедших Отцов. Тех, что ушли ещё до гибели нашего великого Прародителя.

— И как, нашла? — Ан попыталась понять, что это за ушедшие Отцы, но не вспомнила никого подходящего под описание. А самозванка языкастая!

— Нет, — Меркий возбужденно замахал руками и встал перед Ан. — Она не нашла их. Но она вернулась на тот берег и стала нами править.

— И когда она пришла? — Ан опёрлась на клевец. Солнце жарило через облака, и ей было жарко. Неужели терморегуляция доспехов сдохла? Это будет очень плохо. Скоро мягкая осень закончится, а она вряд ли успеет найти мастера для починки. Или хотя бы безопасное место, где можно было бы попробовать решить проблему самой. Зимой она без тёплой одежды не переживёт.

— Давно, лет десять назад, а до этого она жила на востоке. Даже странно, что ты о ней никогда не слышала. И она настоящая Благородная Кровь, потому что она по-прежнему юна и красива.

— Ну-ну, сам видел, что ли? — Ан перевела взгляд со святоши на ушедшего вперёд Кела. Зверь сидел на крыше одной из машин и равнодушно бодался с ней, как огромный котёнок.

— Да! — Меркия, похоже, до глубины души оскорбило её недоверие. Священник снова вошел в раж. Ан перевела на него взгляд. Стукнуть его, что ли? — Я был представлен ей в

семь лет, и с тех пор она приглашала меня на обеда пять раз! Я тебя уверяю, её красота за эти годы ничуть не увяла!

— Ну-ну, — протянула Ан. Она отодвинула чернорясого в сторону и пошла к Келу.

...Этого ещё не хватало. Ан очень сомневалась, что на том берегу на самом деле поселился кто-то из Благородной Крови. Они перебили друг друга многие годы назад. Прошли десятилетия с тех пор, как она видела хотя бы одного. Скорее всего, это самозванка. Хитрая и очень осведомлённая самозванка. Надо будет с ней быть поосторожней.

— Раз она Благородная Кровь, дочь Отца, то у неё должен быть герб, — сказала Ан, когда Меркий наконец-то сообразил догнать её.

— Разумеется, у неё есть герб! Её герб — расколотое молнией пурпурное сердце в венке из алых роз... Хотя зачем я тебе это рассказываю, ты что, знаешь гербовые книги?

— Так, слышала кое-что, — после паузы ответила Ан. Она молча порадовалась, что не дала ему рассмотреть тот брелок. Надо будет его вообще выкинуть. В реку, что ли, скинуть? Будет гнить в иле. Отличное же решение: и ей легче, и никакой идиот больше не возомнит себя повелителем тварей. — Тебе-то что?

— И много ты знаешь гербов Благородной Крови?

— Немного, — по правде, никого, кроме настоящих детей Прародителя. Все, что были после, были самозванцами и значения для неё не имели.

— Так вот, я говорю тебе, что Госпожа — настоящая. Она удивительно красива, милосердна и умна. Но бывает и жесткой, как гранит. Она привела тот берег к процветанию, вот увидишь. Некоторые земли ниже по реке сами попросили принять власть над ними.

— И что, взяла?

— Ага.

— И никто не возразил?

— Нет, пока никто.

Ан хмыкнула в респиратор.

— Не смей над ней смеяться!

— А ты, видимо, в неё влюблён?

Меркий смущённо отвернулся, потом совладал с собой и гордо ответил:

— Её все любят. Я — не исключение!

Ан молча посмотрела на просвет в тучах. Кусочек неба синел прямо над опорами моста. Считать это хорошим знаком? Да какой хороший знак. Вот тебе и возвращение. Сколько же её здесь не было, если появилась и эта госпожа, и хозяин тварей, а уж про чёрнорясых и говорить нечего. Этот Меркел не похож на ребёнка с улицы, а раньше к этим сектантам никто не шел. Да и относились к ним, как к мусору. А этот, видишь ли, с Благородной кровью на короткой ноге.

Что же ей делать дальше? Ан не знала. Случайно подобранный полутруп оборачивался ворохом неожиданных проблем. Госпожа из Благородной Крови. Благородная кровь на том берегу. Ан пожевала губу. Что же ей делать? Если эта Госпожа настоящая Благородная кровь, то связываться с ней не стоит. Но если она настоящая? Вот совсем настоящая-настоящая?

Ан вспомнила про старый мраморный карьер. Стоит ли игра свеч?

Кел подошел к ней, мазнул боком о ноги, и снова убежал вперёд. Гнутые пластины едва слышно позванивали друг о друга.

Ан вздохнула и ускорила шаг. Чем быстрее они переправятся и расстанутся с

пареньком, тем лучше.

Для отпуска Ан выбрала самый чудесный уголок из когда-либо ею виденных. Зелёный спуск с нагорья к морю был усыпан, как рассыпавшимися косточками, домами для летнего отдыха. Круглые, с наклонными стенами и фигурными окнами, широкими террасами, изогнутыми и плоскими крышами, бассейнами и лестницами к морю. Они были ярко раскрашены, но при этом стояли достаточно далеко друг от друга, чтобы не мешать отдыхающим. Эти дома всего несколько лет назад построил дядя Строитель, когда они с Рем покинули город, а Строитель отбыл два года в изоляции за убийство племянника.

Ан помнила свои слёзы, когда узнала, что сестрёнка немедленно уезжает вместе с отцом. Для блага семьи чудовищный случай скрыли. Помогло то, что Боец не был гражданином, и принадлежал Дедушке. Кузен пропал из мира, словно его никогда не было. Если бы не его убитая горем мать, Ан бы была готова поклясться, что Бойца никогда не существовало.

Когда всё случилось, и дядя убил Бойца, отец вернулся домой через неделю. Не найдя её дома, он пришел к школе. Внутри его не пустили, он уселся на лавочку напротив его окон. Ан заметила его и да звонка сидела, как на иголках, не очень следя за происходящим вокруг. На перемене она выбралась в окно туалета на первом этаже и перелезла через забор по дереву. Отец поймал её и аккуратно составил на землю.

— Тебя не хватятся?

— Чёрт с ними. Скажу, что меня ты забрал.

Они сели на лавку в сквере рядом и долго молчали. Отец гладил её по голове, а Ан радовалась, что все синяки уже зажили. Дома даже без отъезда Рем всё было плохо. Хотя все делали вид, что ничего не случилось, взрослые страшно перепугались. Некоторые уехали, некоторые остались, большинство детей пропало, с родителями или без. Кел был выселен отцом в школу, и страшно злился, что не может вернуться.

— Ты точно цела? — тихо спросил отец. Он был бронзовый от южного солнца, и слишком легко одет для осени.

— Ага. Дедушка же тебе сказал.

— Да мало ли что он сказал, — отец крепко её обнял. Ан прижалась к боку и закрыла глаза.

— Ты выросла, — тихо сказал отец, глядя её голову и плечи.

— Ты меня меньше месяца не видел, куда я могла вырасти? — Ан оглянулась на окна школы. Интересно, кто их сейчас видит? Да и чёрт с ними. Пусть ищут и думают, что хотят.

— Когда свои дети будут, поймёшь. Вы растёте быстрее, чем успеваешь опомниться.

— Так останься дома, па. Не уезжай.

Отец не ответил. Они сидели долго, чуть ли не до обеда, и молчали. Ан знала, что папе лучше не оставаться дома.

Каждый год он несколько раз приезжал к ней, неделю жил на диване в гостиной. Ан бросала уёбу, все дела, брюзжащего Кела, и они проводили время вместе, навёрстывая то, что могли бы вместе делать отец и дочь. Например, ходили в зоопарк. Ан ловила себя на мысли, что на третьем десятке глупо заниматься такими детскими вещами, но ей было плевать. Отец зимой пошутил, что её теперь можно не называть тыковкой, и Ан немедленно собралась и начала подкрашивать волосы. Иногда она перебарщивала, и отец её дразнил

ржавчиной и апельсином. Ан делала вид, что обижалась.

А пока отец был в отъезде, она всё чаще думала, что после учёбы стоило бы выбраться из Дома, уехать далеко-далеко и поселиться где-нибудь у тёплого моря, подальше от семьи, глупых людей и шума. Ан накопила денег, научилась работать и уговорила отца согласиться на её план. Оставалось одно препятствие: они были модификатами, они не были гражданами и принадлежали Дедушке. А что думал по поводу её плана он, Ан не знала. Возможно потому, что никак не решалась спросить у него самого. Хотя все считали, что дед ей благоволит, раз регулярно зовёт помочь справиться с техникой в его кабинеет или лабораториях, Ан так не думала.

Перед отъездом Дедушка позвал её починить фильтр в его аквариуме. Ан не отказалась. В большой гостиной их создателя, несмотря на прошедшие с того несчастливого дня, когда Боец всё испортил, ничего не изменилось, только вместо стеклянного стола стоял простой деревянный из гладко отполированных досок.

Пока она разбирала на расстеленной плёнке на рядом с аквариумом фильтр, Дедушка сидел в кресле и читал. Планшет на столе неторопливо бубнил выпуск новостей. Ан слушала его вполуха. То, что происходило в мире, волновало её мало. Благодаря некоторым родственникам она знала, что цена всем этим новостями не выше, чем её старым домашним кедам.

Но одна новость заставила её вздрогнуть. Рассуждение о возможном уравнивании модификатов первых поколений в правах с людьми. Ан аккуратно положила отвёртку на пол так, чтобы плёнка не шуршала.

— Интересно?

Ан не услышала, как Дедушка подошел, но уже почти привычно не вздрогнула. Только очень глубоко внутри пообещала, в который раз, быть внимательней.

— Вроде того, — Ан не стала скрывать и сосредоточилась на фильтре, изредка поглядывая на белые мягкие ботинки на светлом ковре чуть в стороне от неё.

— Ты, если мне не изменяет память, хочешь куда-нибудь уехать отсюда. Твой дядя мне рассказал, а ему, полагаю, Кел.

— Я была бы не против, — осторожно согласилась Ан и мысленно пообещала утопить мерзавца-брата.

— Тебе так надоела наша семья?

— Нет, разумеется. Просто мне кажется, пора будет отправляться в свое плавание.

— Не хочешь остаться здесь, как твой брат Келиан?

— Я не против, но хочу попробовать жить сама. А там уже решу. Вернуться-то я всегда смогу?

Дедушка хмыкнул и присел на подлокотник ближайшего дивана. Ан приподняла взгляд. Дедушка, как всегда в своих простых штанах и футболке смотрел в окно и пил кофе из чашки с глупой кошачьей рожицей

— Поедешь к своей подруге Рем?

— Не знаю еще.

— Что ж, я не против, на случай, если тебе вдруг понадобится мое мнение.

— Мм, спасибо!

— И я бы посоветовал тебе забрать с собой отца. Думаю, какое-то время ему будет безопаснее побыть с тобой.

— Хорошо, — Ан остро захотелось спросить, к чему этот совет. Но перебороть

привычку молчать в дедовом присутствии и не раздражать, оказалось выше её сил. Дедушка словно почувствовал её внутренние сомнения, и дружелюбно спросил:

— Знаешь, что будет, когда эта проблема наконец-то решится, и вы получите свои паспорта?

— Многие покинут дом? — предположила Ан и прикусила язык. Она-то сама уже давнo выбрала место, где хочет обосноваться и забрать с собой отца.

— Да, многие. Отец твоей любимой кузины, например.

Ан хотела было возразить, что Красавица вовсе не ее любимая кузина, но не стала. Она чуть-чуть повернула голову, но опять увидела только ноги деда. Какое у него было выражение лица, оставалось только гадать.

— Дядя считает, что может в одиночку добиться большего, — Ан была не в курсе, чем занимается дядя в последние годы. Раньше, как и Первенец, он вел дела дедушкиной лаборатории, после Первенец возглавил её, а дядя Совершенный представлял деда на переговорах в корпорациях. От Кела Ан слышала, что год назад братья поссорились. Из-за чего, Ан могла только догадываться. Возможно, из-за строгости Совершенного. Первенец был не менее умным и талантливым, но при этом куда более человечным и снисходительным. Кел, в отличие от Красавицы, в отцовской любви никогда не сомневался и похвалу годами не заслуживал.

... Счетовод как-то сказала, что её совершенный брат просто завидует тому, что Первенец добрее и уважаемее.

— Ты ведь знаешь, почему я этим недоволен?

— Дядя занимается нашими финансами, и без него Счетовод не справится?

— Они занимаются разными проблемами. К тому же Счетовод не слишком чиста на руку.

— Но дядя... — Ан замялась.

— Говори до конца.

— Дядя тоже подвор... ворует. У семьи. Кел так сказал, а ему — отец.

— Да, юридически, твой дядя ворует, — охотно согласился Дедушка. — Даже если бы я не был его опекуном, и он имел право что-то иметь, это было бы воровство. Правда, конечно, мне стоило бы сначала доказать, что все эти загадочные люди, на чьи имена открыты его счета, не существуют... А теперь скажи мне, зачем он ворует?

— Потому что может? — предположила Ан. — Как Счетовод.

— Нет, Счетовод так, мелочь. Ей нравится играть с цифрами, и деньги ей не нужны. Все, что она забирает у семьи, в итоге возвращается в семью.

— Дядя забирает... это себе?

— А зачем ему, ты не думала?

— Ну... ему хочется что-то иметь.

— Не только иметь. Полагаю, ему хочется иметь власть, как у меня. Я его раздражаю. Видишь ли, я простой человек, не смотря на мои таланты, а он — лучший из своего рода.

— А, он принадлежит тебе, и его это бесит?

— Вроде того, — Дедушка допил кофе и рассеяно посмотрел на своих рыбок. — Так что...

— Ну, я это, буду знать, — растерянно протянула Ан, собирая фильтр. В полной тишине она опустила его обратно в аквариум и подключила к системе. Включила. Вода вздрогнула и пришла в движение, а из аэратора забили водяные струи.

— Спасибо за работу, — кивнул Дедушка и неожиданно тепло улыбнулся. — Не бери в голову, что я тебе сказал. Я так... задумался.

— Я знаю. Иногда хочется просто выговориться. Я забуду, что вы мне сказали, если надо.

Дедушка кивнул и улыбнулся.

— Спасибо. Счастливого пути. И... будь благоразумна.

Ан смущённо пообещала последовать его совету и спешно сбежала. В коридоре она заметила тень Красавицы. Намедни сестрица приходила к ней жаловаться на отца, который улетел без ней и даже не сказал, куда. Теперь же кухня была в хорошем настроении, и прошла мимо, не заметив её и даже не поздоровавшись. Ан показала ей вслед не очень приличный жест и тотчас же забыла и о ней, и о её отце. Она закончила все дела, и впереди был заслуженный чудесный отдых.

Обеденный зной отец пережидал под матерчатым навесом на шезлонге. Первые дни он ворчал, что ему скучно и нечем заняться, потом втянулся в беделие. Они ходили в море и плавали за моллюсками, заплыли в небольшой грот в прибрежных скалах — для того, чтобы найти внутри кучи мусора и исписанные автографами стены, несколько раз ходили на взгорье, дошли до древнего пещерного города, где они когда-то бывали в детстве. Обрато они ехали в кузове старенького пикапа, Ан ела мороженое, а отец дремал.

Ан достала из холодильника лимонад, а отцу кассету пива, и вышла на террасу. Приёмник тихо гудел очередной новостной блок. Она увеличила громкость и поставила пиво на пол рядом с отцом.

— Нахрена ты это слушаешь? — он нащупал рукой одну банку, выкрутил её из полиэтилена и открыл.

— Интересно.

— Паспорта нам дадут не скоро, если об этом.

— С чего ты взял?

— Ну, я не прям так уж оторван от дома и общаюсь с роднёй.

— Это с какой это?

— Первенец.

— С дядей? Мне казалось, вы не ладите.

— Пришлось поладить, после того, как один придурок начал убивать наших. Ну, то есть, как бы я тоже того говнюка убил бы на месте, но это я, а я дурак и всё такое, — отец замолчал и перелил содержимое банки в себя. Потом смял пустую оболочку и закинул в мусорное ведро под дверью.

Ан молча отпила свой лимонад. Он стал каким-то пресным. Воспоминания о гнев Строителя были неприятными. Больше всего Ан злилась на него за то, что из-за этого уехала Рем. Плевать, что был бы скандал. Рем должна была остаться, она же ни в чём не виновата и нужна ей, Ан.

Хотя, если бы изгнали её, Ан, отца, она бы тоже бросила и Рем, и Кела, и поехала за ним.

— И что дядя сказал? Подвинься, я сяду, — Ан уселась под боком у отца.

— Ну, что нас не скоро признают настоящими людьми, — отец взял ещё пива. — Что там где-то где всё решают творится какая-то хрень. Наша семья вела себя эти годы прям очень хорошо, даже я был паинькой, а вот остальные — не очень.

— Да, я слышала. Модификаты убивают людей и скрываются от правосудия. Всего один

случай, который не сумели замять. Дедушка рассказывал.

— Угу. Так что пока мы ждём.

Ан молча отпила из стакана.

— Не расстраивайся, тыква, — отец поставил банку и сел, обняв её за плечи. Ан положила ему голову на плечо. — Прорвёмся. Время есть. Будет у нас свой домик у моря, и мы там проживём. А всю эту хрень про паспорта, про опасность, про вирусы, про потепление и похолодание не слушай. Всё пройдёт.

— Я знаю.

Отец хмыкнул и погладил её по голове.

— Знаешь, иногда я вспоминаю, как впервые тебя увидел.

— И как это было?

— Ну... Неожиданно. Я уже тогда был с... репутацией. И я не ожидал, что увижу, хотя старик намекал, что за подарок он мне приготовил. Но сама знаешь, я ничего хорошего от него не ждал. Ты была не прям чтобы совсем младенцем. Не знаю, бывают ли нам подобные новорожденными. Ну, ты знаешь, красные, страшные, как то ли кусок дерьма, то ли эти страшные собаки, как их там, такие все в складку и с кривыми лапами.

— Бульдоги?

— Ну может быть они. Так вот, ты была не такой страшной. Просто мелкая, хрен поймёшь какого пола, валялась в люльке.

Отец замолчал. Ан его не торопила.

— Я, короче, не очень понял, чего старик от меня хочет и нахрена мне младенец. А потом... Ты мне улыбнулась. И это было круто. Ну, я знаю, что вряд ли ты вообще тогда что-то осознавала или специально поняла, что я твой папаша. Но... это было по-настоящему круто. Мне так ещё никто не улыбался. И тогда я точно понял, что никому тебя не отдам, пусть они все хоть оборутся и передумают.

— И не отдал.

— Ага. Забрал в тот же час. И не жалею. Хотя мелкие дети просто невыносимы. Даже ты была невыносимой. То ты не спишь, то у тебя что-то болит, то зубы режутся, то просто обгадилась, мрак. И главное ни хрена не поймёшь, что случилось, чего орёшь, что не так, какого хрена, и даже толком не возьмёшь на руки, потому что боишься сломать, и не свалить из этого чёртового дома, где каждый даёт тебе совет и поучает.

Ан хихикнула.

— И тебе никто не помогал?

— Не, ну кое-кто советовал, кто уже своих вырастил. Тогда нас немного было.

— И ты упорно растил меня сам.

— Да. И не жалею ни минуты. Никогда не жалел. Только когда отпустил тебя в Дом — жалел. Но... я знал, что поступил правильно, и сейчас вижу, что был прав.

Ан положила голову ему на плечо и крепко обняла.

— Так что не думай о плохом. Будет у нас домик у моря. Обещаю. И я даже не буду буяннить и надолго уходить. Веришь?

— Верю, па.

Мусора на Мосту не было. Все шесть полос потрескавшегося асфальта были пусты, а подходы к переправе — расчищены на несколько сотен метров. Ветер трепал плащ Ан и рваную рясу Меркия. Кел плёлся около ног хозяйки и смотрел в землю.

— В прошлый раз они стояли на этом берегу, — пробормотала Ан. От поста на этой стороне не осталось даже следов.

— Ты, наверное, была здесь очень давно. Сколько я помню, на этот берег солдаты не переходят.

— Тебе виднее.

Они беспрепятственно прошли две трети моста, пока не упёрлись в перегораживающие проезжую часть бетонные блоки. За ними, перед спуском с моста располагались низкие баррикады с узкими бойницами. Над бетонными укреплениями возвышалась башня бронемашины с тяжелым пулемётом. Ан почувствовала запах оружейной смазки, человеческого пота и спирта. Неприятные запахи. Она терпеть их не могла.

К самому посту их сначала не подпустили, велели положить оружие на землю, поднять руки и остановиться. Только после из-за блоков вышли двое мужчин в примитивных бронежилетах и старых шлемах.

Вот тут бумаги Меркия и пригодились.

Ан предоставила ему говорить за себя. Пока Меркий доставал из её сумки свои бумаги, она стояла с поднятыми руками и старалась не смотреть в глаза солдатам. А это были солдаты. Одетые, обученные, одинаково держащие оружие. Солдаты опасны. Особенно для таких, как она.

— Сними маску, — офицер — Ан узнала его по нескольким нашивкам и манере держаться — лениво пролистал бумажки Меркия и зажал их подмышкой.

Ан медленно сняла шлем и опустила респиратор. Речной ветер взметнул волосы, и они полезли в рот и нос.

— У тебя паспорт есть? Без паспорта не пускаем, — офицер подошел к ней. Он оказался почти на голову ниже Ан, но это его не смутило.

— Нет. Я давно не бывала на этом берегу и не знала, что тут появились какие-то документы.

— А где ты была?

— На севере.

— А чего тебе там не сиделось?

— Холодно, — помедлив, она пояснила. — Ледники пошли в наступление. К вам ещё многие придут.

Меркий беспокойно поглядывал то на офицера, то на Ан. Только бы он ничего не брякнул про Холмы!.. Но чернорясому хватило мозгов промолчать, или он просто не запомнил её слова.

— Это ещё что такое? — мужик кивнул в сторону Кела. — Откуда?

Святоша не выдержал, взял солдата за рукав, и отвёл его в сторону. Ан равнодушно осталась стоять. Второй солдат поднял с груди автомат и направил его в её сторону. Кел повернулся к нему и принялся, как пёс, бить себя по бокам хвостом. Ан смотрела поверх головы солдата, чувствовала желание Кела убить человека, и надеялась, чтобы солдат принял

движение зверя за игривость. Ветер дул от неё в сторону офицера и чернорясого, но она слышала, как Меркий уговаривает пропустить её. Даже ручается. Вот дурак. Как можно ручаться за случайного знакомого? Несколько раз прозвучало «госпожа». Меркий утверждал, что «госпожа будет очень недовольна». У Ан неприятно засосало под рёбрами. Она не возражала, чтобы Меркий грозил солдатне своей выдуманной значимостью, но сам факт наличия у этого берега некой хозяйки, самозванной Благородной Крови, не давал ей покоя. Перед подходом к мосту, она, после некоторых колебаний, отошла "в разведку" и закинула ошейник и повод для тварей в реку. Там они точно сигнут. Выкидывать брелок с расколотым сердцем она не решилась и спрятала его под плащом. Если что, она успеет от него избавиться.

— Откуда это у тебя? — офицер отмахнулся от Меркия и вернулся к Ан. Мужчина пнул положенный на землю клевец. — Отвечай!

— Мне отдал его друг.

— Украла, хочешь сказать?

— Он умер и отдал мне эту вещь. Спросите у него, — она кивнула на Меркия. — Это был монах, который пожелал умереть в доме своего бога, и я принесла его туда на своей спине.

— Врёшь.

— Можете проверить мои слова в их монастыре. Он всего в трёх днях пути отсюда.

Офицер несколько мгновений буравил её взглядом, потом посмотрел на сумки на боках кела, потом на Меркия и махнул рукой.

— Проходи. Госпожа тебя ждёт, брат.

Ан медленно опустила руки и наклонилась за посохом. Солдаты смотрели на неё. Она чувствовала взгляд их товарищей из-за баррикады, и была готова кинуться бежать в любой момент. Как это мерзко и отвратительно, оказаться под чьим-то прицелом. Изобретя огнестрельное оружие, человечество навсегда опошило благородное военное дело, превратив его из искусства в бойню необученных дураков необученными дураками. По крайней мере, так было написано в какой-то очень умной книжке, которую она читала целую жизнь назад в другом мире и будучи другим человеком.

— Вот видишь, я же говорил, что нас пропустят без проблем! — Меркий радостно похлопал себя по груди, куда убрал свои документы. Потом взял её за руку и уверенно потянул за собой к посту. — Госпожа прислала за мной машину! Она ждала меня!

«Не за тобой, а за твоими братьями, которые погибли», мысленно поправила его Ан, но вслух ничего не сказала. Она молча вернула на лицо маску и шлем. Когда они пересекли мост, солдаты неохотно впустили её в извилистый проход. Кел тихо ступал рядом с хозяйкой.

Внутри поста всё оказалось до уныния предсказуемо. Два пулемётных гнезда, дюжина солдат, бойницы с двух сторон. Все солдаты были в однообразной одежде и с огнестрельным оружием. Грозная боевая машина, которой предполагалось пугать путников, оказалась стареньким обшарпанным пехотным транспортом, который заботливо покрасили и снабдили почти подходящими колёсами. Кем бы эта Госпожа не была, к охране своей власти она подошла серьёзно. Почти так же серьёзно, как если бы на самом деле была той, за кого себя выдавала.

— Идём, я проведу тебя в дом Госпожи, — Меркий менялся прямо на её глазах. Спина распрямилась, лицо посветлело, глаз засиял. Он покровительственно держал Ан за локоть и

вёл следом за офицером к стоянке автомобилей.

В голосе почувствовавшего себя в безопасности святоши появились неприятные покровительственные нотки. Даже жесты стали какими-то величавыми и пренебрежительными. Ан захотелось выкинуть его обратно на тот берег, чтобы освежить в его памяти, как он скулил и вздрагивал от малейшего шороха. Ну да чёрт с ним.

— Наш орден пользуется у Госпожи большим уважением, — разглагольствовал чернорясый, вышагивая перед Ан. — Видишь во-он тот замок? — он указал на едва заметный в туманной дымке бастион из зеркального стекла и бетона. — Это её дом.

Ан равнодушно посмотрела на горизонт. Ну, дом-башня посреди невысоких холмов, некогда бывших домами. Почти целый. Или нет, в дымке поднимающихся от земли испарений не видно. Да и какая разница? На Ан внезапно навалилась усталость. Она была зла и голодна. Её не интересовал ничей дом. Тем более этого святоши. У неё есть своя цель, и ей надо идти дальше.

На стоянке автомобилей Ан насчитала семь грузовых машин. Все они были чистыми и аккуратно покрашенными, пусть и разной краской. Шикуют.

Выделенный им автомобиль был небольшим грузовичком с деревянным кузовом для перевозки людей.

— Сколько было людей в твоей группе или как у вас это называется?

— Паломничество, — поправил её Меркий. — Шестнадцать.

— И к чему вы паломничали?.. А, вспомнила, дом Прародителя, — Ан, не снимая респиратора, тихо свистнула. Шедший рядом с ней Кел отстал, потом замер. Ан широким жестом подозвала его и указала на грузовик. Зверь посмотрел на машину и внезапно отвернулся. Ан для вида похлопала по ноге, но зверь развернулся к ним задом и бросился к заросшим деревьям руинам в стороне от блокпоста. Около одного из деревьев он подпрыгнул и согнал с ветки мелкую птицу. Тонкий ствол под весом налетевшей на него железной туши сломался. Кел завалился на бок, кое-как поднялся, потряс мордой и неуклюже запрыгал в чашу.

— Чего это с ним? — удивился Меркий.

— Оленя почувял, — соврала Ан.

— То есть, эта тварь будет тут просто так бегать? — разозлился сопровождавший их офицер. Это был всё тот же мужик, что встретил их на Мосту. Его лица было практически не видно из-под шлема и поднятого то ли шарфа, то ли воротника. Ан невольно улыбнулась. Почти как она. Два безликих встретились на Мосту. Была такая песенка... или на устала и выдумывает?

Ан покачала головой.

— Около замка он нас нагонит. В этом звере душа волка, так что порой с ним... бывает.

— А на людей оно не кинется?

— Нет. Без моего приказа — никогда, — Ан искренне надеялась, что Келу не придёт в голову пожрать раньше времени. — Волки боятся людей.

Офицер нахмурился, но Меркий наклонился к нему и тихо прошептал заверения, что Ан не врёт. Она презрительно скривила губы и забралась в кузов автомобиля. Меркий всё ещё болтал. Он обещал, что им необходимо в дом Госпожи и немедленно, а зверь совсем не хищный. Ан села между приколоченных к кузову лавок и вытянула ноги. Вечно святоша болтает о том, чего не знает.

Наконец, Меркий наговорился и с офицером, и с их водителем, влез в кузов и чинно сел

на лавку.

Машина тронулась. Дорога была разбита, хотя особо глубокие ямы явно пытались хотя бы временно засыпать щебнем и мусором. Кое-где валялись остатки бетонных плит и асфальта. С непривычки Ан быстро укачало. Она прижала к животу сумку и прикрыла глаза. Меркий болтал без остановки.

— Вот увидишь, тебя там хорошо примут. Я попрошу Госпожу, чтобы она тебя наградила.

— Не надо никого ни о чём просить, — Ан приоткрыла один глаз. — Если дадут переночевать в тепле, мне хватит.

— Полно, ты же всё-таки спасла мне жизнь! — отмахнулся Меркий, но по его рассеянному взгляду Ан поняла, что он полностью выполнит её просьбу и ничего просить для неё не станет. Здесь, в скорой безопасности и сытости, он быстро забудет и о благодарности за свою жизнь, и о заверениях в вечной дружбе, и о обещаниях отплатить за добро.

Это её более, чем устраивало. Она надела шлем и закрыла глаза. Её страшно укачивало, и Ан предпочла остаток пути до замка продремать.

Госпожа Расколотого Сердца обустроила себе под жильё стеклянный дом-башню чуть в стороне от старого поселения. Ан бывала тут после, и запомнила его чёрным остовом с разбитыми стёклами. Дом уродливо возвышался посреди развалившихся или разобранных на материалы малоэтажных домов-ульев из бетонных панелей и кирпича. Теперь руины были разобраны, мусор вывезен, а на их месте разбито что-то вроде парка. Ан приподнялась в кузове, чтобы разглядеть это странное явление. Так и есть, парк! Между деревьями даже мелькнула серая водяная гладь. Неужели пруды? Порыв ветра донёс до неё запах навоза. Запах был таким будничным и земным, что Ан невольно засмеялась. Удивление такой расточительностью и демонстративным шиком прошло. Ан отвернулась от парка и посмотрела на дом "госпожи". Кем бы она не была, амбиций у неё было немало. Чтобы привести дом-башню в порядок, похоже, собрали все уцелевшие стёкла в Городе. Разные и кое-как прилаженные панели выглядели лоскутным одеялом. Очень красивым лоскутным одеялом высотой этажей в двадцать. Неудивительно, что Меркел так восторгался им. Для нынешнего убогого мирка дом "госпожи" действительно был чудом.

Ан даже сама на мгновение почувствовала восхищение. Дом выглядел осколком того старого, лучшего мира.

— Я же говорил, что он невероятно прекрасен! Спорим, ты в жизни не видела ничего более красивого?

Ан не стала ничего отвечать.

Их машина остановилась у поста перед воротами. Здесь бетонные блоки попытались замаскировать краской, сетками и чахлым, покрасневшим от холода, плющем. Их документы снова проверили, а Ан заставили снять маску. Отстали только когда Меркия узнал кто-то из офицеров и сообщил, что Госпожа уже в курсе его чудесного спасения и ждёт чернорясого к себе. Даже прислала трёх лакеев встретить его и отвести к ней.

Это привело святошу в восторг. Он надулся ещё больше и засуетился.

— Спасибо, что не бросила меня, Ан. — он пожал ей руку и покровительственно похлопал по плечу. Для этого ему пришлось приподняться на цыпочки.

— Будь уверена, в этом гостеприимном доме тебе понравится! Вы ведь слышали, — он повернулся к лакеям. — Эта женщина заслуживает лучшего приёма, как оказавшая мне

огромную услугу!... Да светит над тобой свет Прародителя! — напыщенно объявил Меркий и поднял руку для благословения Ан. Она пожала плечами. Потом ответила.

— Береги глаз.

Меркий поджал губы, отвернулся и пошёл с разодетыми в пёстрые тряпки слугами в замок. Ан оглянулась на оставленного ей лакея. Тот перестал улыбаться, брезгливо поморщился и зажал нос.

— Пошли, тебя накормят.

Оказаться дома, среди настоящих людей, в дома самой госпожи оказалось ещё приятнее, чем Меркий ожидал. Его отвели в гостевые покои, где уже была готова горячая ванна и чистая одежда. Потом пришел врач и осмотрел его шрамы. Он с виноватым видом сообщил, что глаз для господина брата потерян навсегда. Меркия это не то, чтобы расстроило. У него не было надежд на чудо. Но всё равно, разглядывая своё одноглазое отражение в зеркале, он не мог отделаться от ощущения, что всё случившееся лишь сон. Он просто спит, но скоро проснётся в обители, или даже в тёплой кровати в доме Благословенной, а ужасное путешествие, ужасное спасение и ужасные твари ему всего лишь привиделись. Но холод и боль от прикосновений инструментов врача, заглянувшего ему за впавшие веки пустого глаза, не оставляли сомнений.

Он, брат Меркий, он же Метт ан Маре, не проснётся и не сбежит от кошмарного сна, потому что он не спал. Всё это случилось на самом деле. Ему не оставалось ничего, кроме как смириться.

Госпожа ожидала его в своей столовой. Как всегда, она производила неизгладимое впечатление красоты, доброты и отстранённой величественности. Меркий видел её не первый раз, но каждый — словно впервые. Госпожа была высокой для женщины, почти с него ростом, светлые волосы завиты в мягкие локоны, а фиалковые глаза светились радостью. Она была искренне рада его видеть и встала из-за стола, чтобы обнять её. Меркий неловко ответил на объятия и уткнулся носом в её шею и светлые душистые волосы. От запаха духов Госпожи у него закружилась голова, а мысли спутались. Он захотел обнять её и зарыться лицом в её волосы. Меркий подумал, что тогда прошлое попадёт, вместе с его заботами и страхами. Но он удержался. Только чуть крепче, чем требовали приличия, сжал ладонями её предплечья. Когда Госпожа отстранилась, он ощутил ужасную грусть. Словно солнце зашло за тучи.

Меркий сел за стол по правую руку от Госпожи. Она скромно ужинала около большого панорамного окна с видом на свой город и Мост вдаль. Солнце освещало начищенный до блеска пол. Слуги поставили для Меркия новый прибор и налили вина. Он с удовольствием откинулся на мягкую спинку стула.

— Рада, что хотя бы ты вернулся, — грустно сказала Госпожа. — Твои братья... Как это случилось?

Меркий нахмурился. Воспоминания немедленно разрушили всё очарование ужина в доме Госпожи. Он снова вспомнил свои злключения, свой страх и сглотнул.

— Мы попали в засаду около Дома. Разбойники. Они даже не понимали цены тем драгоценным реликвиям, что мои братья везли в Замок. Фарфоровые вазы и кубки они просто побили, книги сожгли, а одеяния порвали себе на тряпки. Потом принялись забавляться уже с монахами. Меркий вздрогнул от ужасных воспоминаний.

— Это всё в прошлом, — Госпожа ласково коснулась его рукой. — Всё прошло. А я позабочусь, чтобы путь к благословенным местам был избавлен от этих ужасных

преступников.

Меркий кивнул, и вытер выступившие слёзы.

— Расскажи, как ты спасся.

— Мы с братом Стемом сумели сбежать, но нас поймали... — Меркий замялся и зажмурился.

— Но ты жив, — Госпожа мягко взяла его за руку. — Ты сумел бежать?

Он покачал головой.

— Если не хочешь говорить, я не настаиваю.

Меркий помотал головой. Он не мог не ответить Госпоже. Это немислимо. Она — Благородная кровь, она его повелительница. Он сам так решил. Но что он ей ответит? Меркий не знал, как Госпожа отнесётся к тому, что он её властью провёл на этот берег настоящего чудовище, привыкшее убивать жестоко и без причины. Он бы вообще с радостью оставил Ан на том берегу, но не нашёл возможности сбежать от неё и её чудовищного зверя. Ан слишком его пугала. Грубая, страшная, неопрятная и жестокая. И злая, как собака. Он не сомневался, что она не убила его лишь потому, что хотела перейти на этот берег. Зачем она пришла сюда? Убивать людей? О, она умеет, он в этом не сомневался.

Но Госпожа... От мысли, что она разозлится на него, Меркию становилось дурно.

— Я не бежал, — тихо сказал монах, вспомнив насмешку своей спутницы. Ан считала его слабаком лишь потому, что он принадлежал к цивилизованному обществу. Он мог бы многое ей сказать, но как скажешь правду тому, от кого зависит твоя жизнь? — Мне повезло... Когда они... они мучили всех нас, по очереди... Я оказался последним.

— Тебя кто-то спас? — мягко удивилась Госпожа и ободряюще улыбнулась. Меркий осмелел и улыбнулся в ответ.

— Да. Звучит невероятно, но мне помогла одна путешественница, — Меркий взмолился Прародителю, чтобы Госпожа удовлетворилась этим объяснением и не стала разбираться, кем именно была эта путешественница и где она сейчас. — Она отбила меня от банды и довела до Моста.

— Надо же. Должно быть, она очень сильная женщина!

— О да, очень. Она сопровождала брата Осана в последний путь к Благословенному Дому, — кивнул Меркий, прежде чем вспомнил, что не собирался ничего подробно рассказывать.

— Почему ты не позвал её отужинать с нами? Я слышала о брате Осане, и он не мог доверить своё последнее путешествие плохому человеку. К тому же она спасла тебе жизнь и заслужила мою благодарность.

Меркий смутился.

— Она торопилась идти дальше. И подозреваю, Ан не оценила бы ни мастерства вашего повара, ни красоты вашего дома, ни вашего общества. Она весьма грубая женщина и гордится своей грубостью. По дороге она говорила странные и неприличные вещи, — он запнулся, но всё же договорил начатую фразу. — Например, она не верит в великого Прародителя и вашего отца. Она один раз даже сказала, что Разрушители и Благодетели никогда не существовали, а Прародитель был простым человеком! Если бы её услышали старшие братья, они бы осудили её, как богохульницу. Я... я безмерно уважаю брата Осана, но разве он не простой смертный человек? Он был добр к людям, и мог ошибаться в ней.

Госпожа покачала головой и слабо улыбнулась.

— Надо же. Говоришь, она так говорила про Прародителя?... И что ты ещё можешь

рассказать об этой женщине? Похоже, она интересный человек.

— Не знаю, не нашёл в ней ничего интересного, — пожал плечами Меркий. Слуга положил ему на тарелку три птичьи тушки со сладкой подливой. Он с наслаждением оторвал одну ножку и обсосал тонкую косточку. Восхитительно. Еда для настоящего человека, а не те подошвы от сапог, что Ан выдавала за еду.

— И всё же, она интересная. Хотя бы эти её взгляды. В чём-то она права.

— Вы про Прародителя?! — ужаснулся Меркий. Госпожа звонко расхохоталась, и он не смог удержаться от улыбки, таким искренним и заразительным был этот смех.

— Нет, разумеется, нет. Но мало кто в наше время осмелится вслух говорить такие вещи. Ты не пробовал её переубедить?

— Пробовал. Я рассказал ей о вере, но она не захотела слушать, только насмеялась надо мной. Сказала, что моя вера слаба, раз не защитила меня. Она вообще говорила много глупостей. Но я пытался рассказать ей про вашу семью со всем красноречием, на которое я способен. Я, возможно, наивен, но я верю, что вы сможете изменить весь мир, как изменили этот берег.

— Похвальная вера, — кивнула Госпожа. — Жаль только, что я не представляю, как это сделать. Я жила в лучшие времена, и тогда были люди, что не отказывались от мелочной злобы и ярости. А человеческая общность — хрупкая система. Стоит попасть одной песчинке, одной паршивой овце, что ударит или обманет, и всё рухнет. Хватит ли меня не весь мир?

Меркий пожал плечами. Желудок наконец-то получил пищу, и отодвинул разум на задний план. Слишком умный разговор его утомил, и он был даже не уверен, что пересказал Госпоже настоящий разговор с бродяжкой Ан.

— Думаю, Ан просто очерстевший и побитый жизнью человек. Да будет Прародитель милостив к ней.

— Как ты говоришь, её зовут? — приподняла брови Госпожа.

— Ан. Так и зовут. Она так назвалась.

— Какое простое имя.

— Да, мне тоже так показалось. Смею предположить, что оно не настоящее. Она явно не простой человек, — брякнул Меркий и тотчас же пожалел. Госпожа внимательно посмотрела на него.

— Непростой? Ты заметил в ней что-то необычное?

— Ну, она постоянно ходит в старых доспехах. Не знаю, откуда у неё на них деньги и у кого она их отобрала... Она высокая, сильная. Только очень-очень страшная, лицо всё в шрамах. Я её испугался сначала, потом постарался смотреть только на глаза, и стало легче.

— В старинных доспехах?

— Да. Возможно, сняла с кого-то. У неё много вещей, о которых она не захотела говорить. Она забрала посох брата Рима, я бы, конечно, хотел вернуть эту реликвию домой, в Холмы, но вряд ли она его отдаст.

— Надо же... — нахмурилась Госпожа и уставилась куда-то поверх его головы. — Неужели...

— Благословенная? — Меркий замер, ожидая, что Госпожа посмотрит на него. Но та по-прежнему смотрела в стену за его спиной. Он начал нервничать. Зря, зря он рассказал про бродяжку! Теперь Госпожа ею заинтересовалась. Что, если она всё-таки сочтёт её опасной и разозлится на Меркия? Тогда это будет катастрофа. Аббат немедленно выгонит

его из обители, а семья от него откажется. Никто не протянет руку помощи человеку, потерявшему милость Госпожи.

— Неужели... — взгляд Госпожи прояснился. Она встала из-за стола и нервно позвонила в колокольчик. Распорядитель быстро появился в комнате и подошел к ней.

— Благословенная?.. — начал было он, но Госпожа резко его оборвала.

— Вместе с братом Меркием пришла женщина. Где она? Она ещё в замке?

— Господин Меркий велел накормить её, — медленно начал мужчина. — Я велел отвести её на кухню для слуг и дать ей остатки вчерашнего ужина...

Госпожа резким движением оборвала его.

— Немедленно ступай к ней и передай, что я прошу её присоединиться к моему ужину. И обращай с ней, как с госпожой. Скажи, что я очень прошу и надеюсь увидеть её.

Меркий едва не вскрикнул от изумления и уставился на свою госпожу с открытым ртом. Распорядитель тоже не сразу понял, что хозяйка не шутит.

— Простите, я...

— Ты что-то не понял? Пригласи её к моему столу. Размести её в моих вторых... нет, в простой гостевой комнате, а то она откажется. Обязательно в комнате с ванной. Если надо, выгони кого-нибудь.

— Я... — у распорядителя глаза стали размером со сливы. Меркий не мог понять, что происходит. У их Госпожи случилось внезапное помутнение рассудка?

— Быстро! Если она уйдёт, пожалеешь о том дне, когда пришел в мой дом! — неожиданно резко крикнула Госпожа и замахнулась на него. — Ну, ступай!

Распорядитель кинулся к дверям почти бегом. Госпожа несколько мгновений стояла с поднятой рукой, потом медленно опустила её. Меркий нервно сглотнул. Когда Госпожа обернулась к нему, её лицо было очень грустным.

Он подождал, когда она вернётся на свой стул и медленно спросил.

— Моя госпожа, вы знаете эту женщину?

Она долго не отвечала. Потом наколола на вилку кусок помидора и кивнула.

— Да, когда-то давно я её знала.

— Когда-то давно? — не подумав, брякнул Меркий.

— Очень давно, — так же рассеянно ответила Госпожа. Она словно забыла о его присутствии. — Я думала, она давно мертва. Надо же...

Госпожа села на своё место и упёрлась локтями в стол. Её белый лоб прорезали складки.

— Неужели это она?

— Кто, Всемилостивейшая?

Госпожа вздрогнула и рассеянно посмотрела на Меркия.

— Сейчас она придёт, и мы узнаем.

Когда Меркел ушел, Ан испытала невероятное облегчение. Всё, отмучилась. Пусть он теперь катится куда подальше и больше не появляется в её жизни. А если появится, то она быстро завершит его бессмысленное существование.

Вместо парадных покоев её провели через грязный скотный дом на кухню. После ухода чернорясого отношение слуг с уважительно немедленно изменилось на презрительно-брезгливое. Ан это забавляло.

На саму кухню её не пустили, в столовую для солдат и слуг тоже. Какая-то то ли горничная, то ли служанка, то ли... как они там называются? Девчонка указала ей на старые бочки и ящики от продуктов. Ан пожалала плечами и села на бочку, пристроив клевец и ружьё рядом. Еду ей принесли в старой щербатой посуде. Вилку и даже палочки ей тоже не дали, видимо, решив, что она вряд ли умеет ими пользоваться. Это тоже не испортило её настроения. Она облизнула коготь рукавицы и принялась за еду.

Что ж, возможно, идея подобрать священника оказалась не такой уж и бессмысленной. Ей не пришлось лезть в ледяную воду, делать крюк и пытаться незаметно перетащить Кела... Как он там в лесу? Точно не пропадёт, но главное, чтобы не попался никому на глаза. Без него она чувствовала себя неуютно, как без доспехов. Ан молча пообещала как можно быстрее покинуть этот замок и пойти дальше.

Отсюда, со двора, были видны знамёна и гербы, намалёванные прямо поверх целых стёкол Дома. Расколотое сердце в венке из роз над большим прямоугольным выступом главного входа. Ещё один повод убраться отсюда подальше. Если этим гербом пользуется его истинная владелица, а не самозванка, то Ан не испытывает никакого желания с ней пересекаться.

Она быстро съела суп, вылавливая крупные куски овощей и мяса, а жижу просто допила. Потом взялась за второе. Ей вынесли объедки: остатки курицы и какой-то мелкой птицы, слежавшаяся картошка с маслом от за жарки. Это тоже позабавило её. Впрочем, по сравнению с сущёным мясом, еловой хвоей и старыми консервами, это был настоящий пир. Когда она последний раз ела картофель? Даже не вспомнить, как давно. Вот. Надо радоваться свалившейся удаче. Кого там святоша предлагал благодарить? Благодетелей? Прародителя? О спасибо тебе, Совершенный, за то, что можно вкушать ныне слежавшийся прошлогодний картофель! Ведь если бы не ты, возможно, Ан прошлась бы по оживлённым улицам посёлка, который видела вдаль, слезая с грузовика, а потом села на заднее крыльцо какой-нибудь забегаловки и съела купленную на остатки мелочи шаварму или дюрун.

А может быть и нет. Может быть, её отказались бы обслуживать или ей не хватило денег.

С бочки была видна огороженная железной сеткой тренировочная площадка. Несколько мужчин в примитивном камуфляже изображали спарринги. На самом деле они лениво бросали друг друга через колени и большую часть времени просто болтали о разном. Ан прищурилась. Один из них, судя по нашивкам, офицер, выглядел немного по-другому. Он был в калошах с высокими холщёвыми гамашами почти до ягодиц. Мужчина стоял около площадки и методично раскачивал в пальцах цепочку-ошейник из мелких металлических ячеек. Где-то она уже подобное видела.

Ан съела ещё немного и оглянулась. На пороге кухни стоял мальчишка и внимательно

следил за ней. Бояться, что она сопрёт их крынки?

Мимо прошла кухонная баба с вёдрами.

— Где у вас можно купить еды? Мне с собой в дорогу, — спросила Ан как можно более дружелюбно. Женщина с отвращением оглянулась на её лицо.

— Мы не торгуем. Иди в город.

— Спасибо за совет, — Ан облизала коготь и вернулась к разглядыванию знамён на доме. Город так город. Интересно, что они теперь им называют. Наверное, тот посёлок, что она видела. Или может быть это на самом деле городок. Дом Госпожи Расколотого Сердца же можно считать важным центром? Можно. Может ли тут быть городок? Может. Поэтому ей следует убраться отсюда побыстрее.

Но побыстрее не получилось. Когда Ан допивала жидкий чай, на заднем дворе кухни появился высокий дородный мужчина. На нём была самая настоящая красная ливрея из чуть потрёпанного бархата. Мальчишка назвал его мастером-распорядителем и очень низко ему поклонился. Ан немного покоробило от этой сцены. Распорядитель недовольно поднял руку и жестом велел мальчишке убраться. Тот вбежал в кухню, и через мгновение снова появился в окне. Распорядитель огляделся и направился к Ан.

Она молча облизала пальцы. Вот и ушла побыстрее.

Появление распорядителя не осталось незамеченным. На них немедленно оглянулись все слуги, что были во дворе. На тренировочной площадке прекратилось всякое движение. Бурдюк в ливрее с гордо запрокинутой головой и прямой спиной, мужчина прошел к Ан. Она сделала вид, что не понимает, кто он и к кому идёт.

— Госпожа, — распорядитель встал перед бочкой, на которой она сидела. На заднем дворе он выглядел неуместно, особенно его яркая тёмно-красная одежда с пурпурными вставками. Ливрея, к тому же, была сшита из разных кусков ткани. Не нашлось целого куска? Ан внезапно поняла, что понятия не имеет, как производится бархат.

А ещё сидя на бочке она была почти на две головы выше толстяка и смотрела на него сверху вниз.

— Прошу извинить нас за наше непочтительное отношение, — бурдюк низко поклонился.

Ан молча прожевала всё, что было у неё во рту, сглотнула. Тишина затянулась. Она обдумывала, что бы сказать, но на ум ничего не приходило. Наконец, Ан разжала зубы.

— Вы меня с кем-то перепутали.

— Госпожа просит вас принять её гостеприимство и разделить с ней ужин.

— Ваша госпожа ошиблась, — Ан оглянулась. Теперь на них пялились уже абсолютно все, кто был во дворе и ждали, что будет дальше.

Меркий. Проклятый святоша. Наверняка это он о ней растрепал. Зачем?! Ан в который раз разозлилась на своё непонимание людей. Кто бы мог подумать, что этот самодовольный индюк начнёт о ней рассказывать? Ан не удивилась бы, если б он заявил, что спасся из Города сам, а его спутница так, мимо проходила, он её из милости с собой на тот берег взял.

Нет, она ему точно проломит голову, если ещё раз увидит. Как всё испортил-то, а!

— Госпожа, я прошу вас, — Распорядитель всё ещё стоял, почтительно согнувшись. Ан ещё раз оглянулась. Можно было бы сбежать. Тут нет никого, кто бы смог её остановить. Но смысл? Госпожа уже знает о ней, зачем выказывать какую-то агрессию? Может быть, она сумеет договориться с ней... Ан криво усмехнулась. Переговоры никогда не были её сильным местом.

Она отложила миску с остатками еды и прыгнула на землю. Распорядитель выпрямился. Он едва доставал макушкой ей до плеча.

— Идём, раз твоя госпожа так хочет, — она закинула клевец на плечо и усмехнулась. Оскал должен был выйти устрашающим, но распорядитель ничем не выдал своих эмоций. Только вежливо сказал:

— Следуйте за мной, госпожа.

Распорядитель, словно в издёвку повёл Ан через главную дверь. Внутри стеклянный дом выглядел... слишком правильно. Слишком по-старому. Ан почувствовала себя неудобно. Мраморная обшивка колонн и стен была почти целой. С потолка свисали люстры из стекла и пластика. В каждой были лампы. Свет не был зажжён, и Ан оставалось только гадать, сколько из них целы и работают. Никаких украшений, кроме трёх пластиковых пальм и сложенных у стены рулонов ковровых дорожек, здесь не было.

Сходство с былыми временами было пугающим. Дом ничем не показывал, что пережил конец времён и разрушительную войну всех против всех. Нос Ан уловил слабый запах моющего средства и пыли.

Шаги тяжелых ног в металлических сабатогах глухо разносились по пустому вестибюлю. Почему-то Ан подумалось, что раньше здесь была гостиница или что-то в этом роде. Хотя, кто знает?

Распорядитель подвёл гостью к парадной лестнице. Ею давно не пользовались. Мраморные ступени покрывала пыль, а неизменные красные ковровые дорожки были сложены в рулоны на одном из лестничных пролётов. Люстры на сводчатом потолке другие, дороже и богаче, чем в остальном вестибюле: пожелтевшие хрустальные сталактиты вроде той, что она видела в старом театре в Городе. Ан не удивилась бы, если узнала, что эти люстры родом из другого заброшенного театра.

Со стен вдоль лестницы сняли мрамор и украсили лепниной из штукатурки. Образовавшиеся ниши заполняли потускневшие и местами растрескавшиеся изображения Благодетелей. Всего двенадцать фигур. Благодетели, яркие, нереальные, со всеми своими регалиями и надменными лицами, расходились крыльями от центральной фигуры: Прародителя. Прародитель был изображён прекрасной бесполой фигурой с белыми крыльями. Его торс скрывал сияющий голубой плащ, голову окутало золотое сияние, а под ногами корчился Трижды Проклятый. Ан порадовалась, что её рот закрыт маской и никто не видит её ухмылки.

Внутри замка было тепло, сухо и светло. Распорядитель вёл её по светлым коридорам, украшенным разными картинами и росписями. В нескольких местах Ан встретились ковры. Не пошлые красные дорожки, а настоящие ковры. Или машинные подделки, что ныне стоили так же дорого, как ручная работа до. Роскошно, роскошно. И везде электрическое освещение. Самые разные лампы освещали каждый уголок этого здания. Кое-где не хватало потолочных панелей, скрывающих вентиляцию и трубы пожаротушения, но люстры были в каждом уголке этого дома. Роскошь. Почти осязаемая кричащая роскошь. Ан уже забыла, когда видела что-то подобное.

В этот раз все попадавшиеся навстречу слуги почтительно склоняли перед ней головы. Ан хотелось наорать на них. Жалкие прихлебатели. Она заметила несколько человек, которые ещё полчаса назад презрительно кривились внизу. Каждый из них думает, что величие их госпожи как-то меняет их жалкие сущности. Тараканы. Как они завоюют, когда их сиятельная госпожа внезапно исчезнет?..

— Прошу, госпожа, — управляющий привёл её к красивой красной двери.

— Я не госпожа, — огрызнулась Ан. Распорядитель не обратил внимания на её слова и открыл дверь. За ней оказалась роскошная комната с деревянной полированной мебелью, чистой мягкой кроватью и даже занавесками на огромных застеклённых окнах. Фактически, вся стена была одним сплошным окном. Ан подошла к нему. Далеко внизу был виден парк и дорога к воротам и Мосту. Его сам тоже можно было разглядеть за мелкой дождевой взвесью. Лучи солнца из просветов падали на хмарь косыми полосами, придавая всем фантастический вид безумного сновидения.

...а в ясный день вид отсюда должен открываться до самой Цистерны, наверное.

— Госпожа сказала, что вам не нужны слуги, но если...

— Слуги не нужны, — Ан кивнула и с трудом отвернулась от окна.

— Прошу, здесь ванная, здесь одежда... Мы не готовились к приёму такой госпожи с такой фигурой...

— Принесите мне форму, как у ваших солдат, — велела Ан и кинула клевец поперёк кровати. — Уходи.

— Слушаюсь, гос... Кхм. Моя госпожа ожидает вас к ужину через полчаса.

— Иди уже, — Ан дождалась, когда он выйдет и выдохнула. Ну вот. Чего ей ждать? Было ли приглашение на ужин знаком уважения, праздным любопытством, выражением благодарности? Нет, всё не так. Стоило ли ей сейчас бросить всё, прорваться наружу и сбежать? Возможно, угнать машину, доехать до озёр и там попытаться оторваться от погони? Погоня будет, просто потому, что она бежит.

Или остаться? Если остаться, что делать? Ан со смехом поняла, что боится. Впервые за долгие месяцы она испугалась по-настоящему. И чего? Не угрозе жизни, а просто возможности столкнуться с призраком из прошлого.

Хотя этот призрак может оказаться опаснее всех серых тварей Города.

Ан несколько минут стояла, разглядывая вид за окном, потом медленно потянулась к горжету. Щёлкнула застёжка, и она сняла металлический воротник. Деталь за деталью Ан сняла доспехи, потом аккуратно отсоединила от тела комбинезон управления и сняла его тоже. Без железной оболочки она чувствовала себя неуютно. Но соблазн вымыться в горячей воде был слишком велик. Этот толстяк обещал же ей горячую ванну?

Толстяк, как оказалось, не соврал.

В чистой ванной комнате с фартуком из простой белой плитки стояла обычная эмалированная ванная, на две трети заполненная горячей водой. Ан немедленно в неё влезла. Целиком она не поместилась, и ноги пришлось оставить торчать из воды. Тепло окутало её тело. Когда последний раз она... Ан не могла подобрать нужного слова. Горячая ванна с ароматным мылом была для неё роскошью, и скорее всего, уже очень долгое время. Последние годы выдались не очень удачными.

Несколько раз Ан слышала, как в комнату кто-то входит, но к двери этот кто-то не подходил. Доспехи, сложенные на полу, тоже не трогали. Когда она вышла из ванной, на кровати лежала солдатская одежда. Ан понюхала тёмную футболку. Пахла затхлостью и стиральным порошком. Этикетка с размером на воротнике привела Ан в замешательство. Во-первых, она была. Ан годами не видела этикеток. Во-вторых, они почти угадали с размером. Почти. Ничто не было ей коротко, а вот в ширину... Она затянула ремень на меньшее из отверстий, потом сама проколола новое. Так лучше.

К тому же эта одежда удивительно сохранилась для вещи, сшитой ещё до, если верить

ярлычку.

Перед выходом из комнаты Ан задержалась перед зеркалом. Она не так часто снимала доспехи и гораздо реже видела своё отражение. Оно никогда её не радовало. Слишком высокая, слишком худая, слишком жилистая, слишком нескладная, лицо слишком грубое, брови слишком низкие, нос слишком большой и резкий, губы слишком узкие, а подбородок слишком выдвигается вперёд. Ещё шрамы. Они со временем сойдут, но пока она выглядела старым чудовищем. Ещё Ан отметила, что её волосы снова отросли. Она по старой памяти стригла их на висках и за ушами, а остальное заплетала в косу. Где бы найти машинку для стрижки?..

Ан раздражённо сжала губы, от чего лицо в зеркале стало ещё некрасивей. Она думает не о том.

Она оделась и спрятала под куртку нож. Неплохо было бы иметь при себе хоть какое-то оружие. Ан сомневалась, что с этой "госпожой" оно ей понадобится — или поможет — но так хотя бы не чувствовала себя голой.

Толстяк-распорядитель ждал её за дверью в сопровождении двух солдат. Ан напряглась и потянулась было к ножу, но вовремя заметила, что напыщенности в этих мужчинах было гораздо больше, чем опасности. Оба были одеты в неплохо сшитые кители с уморительно смешными аксельбантами. Ан криво ухмыльнулась, вспомнила, что на ней нет маски и просто кивнула распорядителю.

— Веди.

Это должна была быть рядовая поездка.

Ан намеревалась осмотреть узел телефонной связи, стоящий чуть на отшибе от основных жилых домов. Маленькое здание старой станции, построенное ещё До, было автоматизировано, и обычно проблем не доставляло. Но его со всех сторон окружали руины многоквартирных домов, и Кел заявил, что ей слишком опасно отправляться одной, пусть и с границ их района не поступало никаких сообщений о нарушителях. Ан хотела было возразить, но главной была не она.

Сначала Ан показалось, что Кел просто хочет посмотреть на пополнение своего отряда.

Обычное сопровождение Ан было заменено на шестерых молодых солдат и Кела. Первая машина с тремя новенькими двигалась в двухстах метрах впереди, вторая замыкала. Они с келом ехали посередине, Кел вёл, Ан заняла место радиста. Она подняла взгляд на установленный над крышей пулемёт.

Как на войне.

Впрочем, почему — как?

Они выехали после полудня, на три часа позже запланированного. Сначала готовили две дополнительные машины, потом Кел задержался в курилке. Ан сотню раз пожалела, что не послала брата к чертям и не уехала сразу после утреннего построения.

Поэтому в машине она молчала. День был солнечный и тёплый, особенно для начала осени. Ан делала вид, что расчищенные от кустарников и руин обочины дороги полностью захватили её внимание.

— Они предложили нам объединиться, — внезапно сказал Кел. Ан повернулась к брату. Тот смотрел вперёд и держал руль обеими руками.

— А что они предлагают? — Ан поняла, о ком он говорит. Что ж, если Кел затеял эту поездку ради того, чтобы поговорить о деле, он повёл себя, как мальчишка.

— Ну... разное. Больше денег. Больше сил. Больше ресурсов, больше власти. Или больше безопасности для наших людей, больше надёжности, больше порядку. В зависимости от того, один я пришел на встречу или нет.

— Ты... встречался с ними без ведома совета?

— Я счёл это необходимым. Посмотреть, предложат ли они мне то, что предложили.

— Они предложили тебе возглавить наше поселение после объединения?

— Угу. И разогнать к чертям совет города. Из чего я делаю вывод, что они к нам заявили вовсе не в порыве благородства и попытке возродить былое величие человечества.

— Ты в этом сомневался?

— Нет. Но многие в совете считают, что я зарвался и были бы рады объединиться с кем-нибудь, расширить свои дела и потеснить меня. Я знаю, что несколько советников уже получили устные предложения избавиться от меня.

— Откуда ты знаешь?

— Малышка, а ты думаешь, зачем ты делаешь для нас все эти микрофоны, приёмники, станции-перехватчики?

— Ты нашел им интересное применение. И не сказал мне.

— Ты идеалист, малышка. А я знаю, что если стена не поддаётся прямому натиску, надо искать обход. Желательно с мешком золота. А я не самая популярная фигура у совета города.

— Им нечем заменить тебя.

— И всё же, обычно это выясняется, когда уже заменили, и стало ясно, что замена плохенькая, — хмыкнул Кел. Потом посерьезнел. — Но я хотел поговорить не об этом. Я тебе уже говорил, что не собираюсь до конца существования охранять торговцев да мирных землепашцев. Рано или поздно я сам уйду. Это не моё, и ломать себя я не буду, это обернётся бедой и для меня, и для них.

— Тогда в чём проблема?

— Во-первых, парень, которого они прислали на переговоры, намекнул, что если я не подвинусь, то они меня подвинут. Потому что даже на таких, как я, есть управа.

— Они просто поверили слухам о тебе. Человек, которого три раза объявляли мёртвым, который разогнал банды головорезов на этом берегу и совершил ещё чёртову дюжину подвигов. Неудивительно, что они поверили рассказам о твоём волшебном происхождении.

— Ты не поняла. Он знал, кем я был до, — Кел на мгновение повернулся к ней. — Прямо сказали, чем я занимался дома. Ну, охрана старика там, отца. Охрана стариковской лаборатории от лишних людей.

— Он тебя знал? — Ан почувствовала, как от волнения у неё похолодели руки. — Этот человек. Он тебе так и сказал?

— Он? Нет. Он сопляк. Он родился за пару лет До, самое большее. Ему кто-то рассказал про нашу семью и про эксперименты по улучшению. И этот кто-то меня очень беспокоит.

— Кто-то из твоих людей?

— Никто из них даже не представляет, что я такое. Так что только кто-то из наших. Ну, семьи. Или настолько близкие, что знали меня и знали, кто я.

Ан кивнула.

— Это же хорошо... наверное. Прошло пять лет с тех пор, как мы слышали новости от родственников.

— Для начала, — Кел, не отрывая взгляда от дороги, поднял руку и принялся загибать пальцы. — Они не открылись, не пришли к нам пусть не с добром, а без вот этих вот фокусов. Второе. Они сразу начали угрожать. Третье... Третье, они не открылись и угрожают нам. Мне. Хотя могли бы с улыбкой прийти к тебе, и ты бы выдала им все наши секреты и подсказала, как на меня надавить.

— Я?! — вскинулась Ан.

— Ты хочешь обратно, в старый мир. Все это знают.

— Ты заговариваешься.

Они помолчали. Ан вспомнила, как впервые узнала о "Союзе Вольных Городов" с того берега реки. Год назад они начали захватывать деревни и заставы на своей стороне. На руины Города они пока не претендовали и с поселениями на этой стороне старались не конфликтовать. Хотя один раз попытались подвинуть их блокпост перед Железным Мостом. Ан иногда эти парни даже немного нравились. Она знала, что рано или поздно Келу надоест жить тихо и он отправится на поиск новых приключений. Он никогда не мог сидеть на месте. А она не сможет управлять поселением в одиночку, и уйти тоже не сможет. Во-первых, раз она взялась за дело, надо его доводить до конца. Во-вторых... Во-вторых, в тот самый последний день, когда всё началось, она, пока работала связь, звонила отцу и сказала, что будет ждать его дома и никуда не уйдёт.

Это был последний день, когда она слышала его голос. Папа сказал, что придёт за ней, даже если придётся идти пешком. Раз он что-то пообещал, то сделает. Это же отец.

Так что Ан бы даже сама предложила Совету объединиться с тем берегом, если бы не несколько но.

Союз или те, кто им на самом деле управлял, использовали Серых тварей. Химеры, созданные учёными того мира просто потому, что они могли, считались вымершими. Ан так считала, пока они не вернулись с того берега. Одна тварь переплыла реку и напала на солдат. Кел убил её и отправил торговцами тем, кто её послал. В ответ прибыли извинения за "недоразумение". Но они с Келом понимали, что это была лишь проба сил, справятся они или нет.

Или попытка выявить кого-нибудь из семьи. Ан поняла, как они сглупили, выдав себя.

— И во-вторых, — Кел чуть сбавил скорость автомобиля. — Ты.

— Что — я?

— Они к тебе не приходили?

— Нет, ни одного... Пстой! Они приходили, да? Поэтому ты спрашиваешь? Ты их перехватывал!

— Ага. Пятерых. Настойчивые скоты.

— Кел, я даже не знаю, что сказать. Сам ты почему-то с ними в переговоры вступил!

— Я это я. А ты... Не обижайся. Они приходили не для переговоров, а узнать о тебе. Последние пришли втроём, с путами, как для серой твари, и снотворным, которым можно вырубить бешеного медведя. На переговоры такое не приносят, ага?

Ан не нашлась, что сказать.

— Они настроены серьёзно, малышка.

— Что ты будешь делать?

— А что бы ты сделала?

— Не знаю. Рассказала бы Совету... Кел, мы не можем бросить город. Мы столько вложили в это место, столько сил... Я... — Ан запнулась. Мысли заметались. Она прожила здесь больше десяти лет, ей было тут хорошо. Жизнь на руинах Города стала похожа на ту, что была до. На жалкое подобие, но всё же она стала мирной, тихой и сытой. К тому же они с отцом договорились, что она будет ждать его дома. Ан не знала, что с ним случилось после. Она уже почти смирилась с тем, что никогда больше его не увидит, но каждую весну вера в то, что может быть, он ещё где-то идёт, возвращалась.

Но покинуть Город...

— Ан, тебе решать. Я закончу дела, введу в строй последний набор — и валю отсюда. Ты можешь остаться, но вечером я тебе покажу тех горе-ловцов. Они знают, кто ты и какую цену представляешь, и то, что они начали тебя не переманивать, а сразу пытаться похитить. Ну, выводы сама делай.

Дорога начала поворачивать. Ан посмотрела на выстриженную обочину. Мысли никак не желали успокаиваться и течь равномерно. Она сама виновата, что не задумывалась о будущем и положила на Кела. Что теперь делать ей?

— Они пришли за тобой и не с добрыми намерениями. Я не хочу, чтобы ты досталась им и осталась с ними одна.

— Что ты предлагаешь?

— Уйдём вдвоём. Поедем на юг, ты же хотела жить где потеплее и у моря...

— Нет, Кел, мы не можем взять и всё бросить! Мы столько лет потратили на этот город, что не можем просто так всё взять и бросить! И если на той стороне кто-то из семьи, то мы сможем с ним договориться!

Кел смотрел на дорогу.

— Короче, я тебя предупредил. Подумай, пара месяцев у нас есть.

На станции он больше не поднимал эту тему и вёл себя, как всегда. Ан тоже не напоминала. Только вечером, вернувшись в мастерскую, вспомнила часть разговора.

— Я хочу увидеть этих диверсантов, которые должны были меня выкрасть.

Кел долго не отвечал, потом станция буркнула что-то мало разборчивое.

— Я ничего не слышу.

"Может быть, утром?"

— Я не собираюсь с ними разговаривать, я просто хочу увидеть людей, которые должны были меня похитить. И их чудесное снаряжение.

Кел молчал. Когда Ан начало казаться, что он просто отключился, брат принял решение.

"Через полчаса около бассейна".

Ан опешила.

— Это же морг!

"Ну да. Они померли, пока мы катались".

— Яд. Остановка сердца. Был в ампулах в зубах, — Кел приподнял тряпку с лица одного из трупов. Это был мужчина средних лет, крепкий, здоровый, даже упитанный. Мягкие руки и белая кожа. Ан посмотрела в распечатку доклада о группе. Так и есть, единственный, кто прибыл с того берега официально. Торговец, вёз груз топлива. Топливо хороший товар, его пропускают быстро.

Остальные были невысокими, жилистыми, какими-то безликими. Ан сначала показалось, что они близнецы. Но нет. Разные, но совершенно невыразительные лица. В памяти всплыли старые шутки про "среднестатистического человека".

— Хирургическое вмешательство. Их подравнили, чтобы сделать лица никакими, — Кел присел на свободный стол. Ан брезгливо повертела голову одного из покойников. Так и есть, тонкие шрамы около ушей. Ан не была специалистом, но решила, что Келу виднее.

— Почему их не обыскали?

— Обыскали.

— А рты?

— Рты тоже. Говорю же, ампулы были в протезах.

— А протезы было не заметно?

Кел опёрся о железный стол с покойником. Плоский лоб прорезали морщины.

— Все мы задним умом крепки. Я тоже привык к спокойствию и перестал параноить из-за каждой тени.

— Даже допустим, что ты меня убедил, хотя ты не убедил, — Ан надела перчатки и залезла в рот одному из покойников. Один из моляров был разбит. Она потрогала вживлённые в десну остатки.

— У остальных то же самое, проверь.

— Проверю. Но допустим, ты меня убедил. Что будем делать?

— Я лично валю отсюда в самое ближайшее время. Совет против нас, аргумент в виде серых зверьков его не возьмёт. Я бы и тебя силой отсюда уволок, но ты же не дашься, да?

Ан молча сняла перчатки. Вымыла руки.

— Ты выяснил, кто из членов семьи может быть на той стороне?

— Ну, я закинул удочки. Не-а, никого из наших. Но ты серых тварей сама видела, не я

же их им подбросил.

— Слушай, мне надо подумать. Слишком много информации для одного дня. И я хочу видеть официальные отчёты. Официальные, Кел.

Брат не стал обижаться на недоверие и пожал плечами.

— Думай. Бумаги будут. Спрашивай, что хочешь.

— Спрошу, — Ан выкинула перчатки в утилизатор и вышла.

Новости дня выбили Ан из колеи. Пока она шла в мастерскую, краем глаза заметила, что охрана казарм усилилась. Кел отвечал за "охрану" их маленького королевства без короля. Когда-то он просто собрал вокруг себя отщепенцев и потерявшихся солдат и внушил им, что они чего-то стоят. Потом они решили, что они рыцари, потом — защитники слабых. Так получилось то, что получилось. На взгляд Ан — весьма неплохо.

Но Келп поступил, как последний козёл, утаив от Ан столько важной информации и начав свои интриги за её спиной. Ан послала к чертям всех, заперла дверь своей квартиры над мастерскими и завалилась в гамак.

Херовый день.

Ан представила себе, как она снова вынуждена менять место жительства. Даже не так. Искать новый дом... Нет, отправиться в путешествие. В увлекательное путешествие в хорошей компании. Даже не просто путешествие, а приключение.

Всё равно эти перспективы вызвали отвращение.

Ан попыталась вспомнить своё детство, проведённое с отцом. Там хватало и приключений, и путешествий, и трудностей.

Но всплывшее в памяти лицо отца принесло лишь новое беспокойство. Ан не видела его. Их последняя встреча случилась на старом мраморном карьере к востоку отсюда. Ан прикрыла глаза и вспомнила тот день. Она сбежала из университета, бросив и свой коллоквиум, и семинар, предзащиту и доклад. Они с отцом целый день бродили вдоль озера среди белых откосов, катались на лодке, пугали птиц и дурачились, как в старые добрые времена. А потом им это надоело и они сбежали на море. Отец, как всегда боялся самолёта, пассажиры боялись отца, а Ан старалась не думать, на что она будет жить следующие несколько месяцев. Да и зачем думать, когда можно снова дурачиться, бегать по дикому галечному пляжу между, а потом по садам между цветными домиками невообразимых форм.

А осенью... осенью случилось то, что случилось. Ан вспомнила, как она бежала из отрезанного и погрузившегося в анархию города, как пыталась найти хоть какую-нибудь связь или хоть какое-нибудь знакомое лицо.

Она не выдержала и вылезла из гамака. Мысли стали невыносимы и мешали отдыхом. А лучшее лекарство от лишних мыслей — упорная работа, требующая сосредоточения разума.

Ан подошла к столу и её рука замерла над блоком компьютера. На клавиатуре лежал сложенный в несколько раз и заклеенный лист бумаги. На верхней стороне было неровно выведено карандашом "Бесприютной лично в руки".

Ан почувствовала, как сердце пустилось в пляс. Это было имя из прошлой жизни. Не просто имя. Её имя. Кличка, как у всех в семье. Бесприютная, которой нигде нет места. Мало кто помнил это имя, когда она выросла и стала просто Ан. Немногой, чьё имя стало именно именем, отражающим суть и ставшим определением. Она разорвала склеенный край и развернула лист.

"Прости что не могу назваться. Прости, что пришла без приглашения, как вор... Закрой глаза, вспомни вечера, когда цветёт сирень, и вспомни. Ты в опасности. И я тоже. Я знаю,

кто пришел за тобой и зачем ты нужна. Прости, что пишу так туманно. Приходи завтра на старый железный мост на после полудня, я тебе всё расскажу. Жду, люблю".

Ан поднесла листок к носу и вздохнула. Бумага едва уловимо пахла сиренью, смородиной и розовым маслом. Запах будил, казалось, давно забытые чувства радости, покоя и тёплой летней ночи в саду на крыше их дома. Благодаря Садоводу, там круглый год что-нибудь цвело. Весной сирень, летом пионы, хризантемы, осенью астры. А розы — круглый год на грядках, в кадках и оранжерее.

Ан свернула записку и убрала её под верстак.

Меркий не поверил своим глазам. Вошедшая в комнату женщина в простой солдатской одежде выглядела... совершенно буднично. Она, без какого-либо сомнения, была человеком, а не зверем. Обычный человек из плоти и крови. Он видел Ан только в маске респиратора, и вряд ли бы узнал её без подсказки. Лицо бродяжки словно выкинуло за пределы человеческого возраста. Грубая кожа была вся в каких-то пятнах, но при этом практически лишена морщин. Но впечатление юной девы вошедшая не производила. В ней не было пышущей свежести, жизни и юношеской пышности и мягкости. Меркий внезапно понял, что уже видел похожее лицо. Госпожа. Госпожа была так же не тронута возрастом, но... нет, Госпожа была другой, была доброй, благородной, она была просто другой!

Госпожа радостно вскрикнула при появлении Ан и вскочила со своего места.

— Это всё-таки вправду ты! — Госпожа подбежала к Ан и крепко её обняла. Меркий не мог на это смотреть. Он бредит. Его спутница может быть как-то связана с госпожой? Уродливая грубая дикарка — и утончённая, умная и красивая госпожа? Да нет, это невозможно. Он устал и бредит.

И всё же обе женщины стояли перед ним. Госпожа крепко прижалась к Ан. Она едва доставала ей до плеча. Ан выглядела растерянной. Она несколько мгновений недоумённо разглядывала женщину рядом с собой, потом положила руки ей на плечо и криво улыбнулась.

— Надо же. Кто бы мог подумать, что мы ещё встретимся.

Госпожа при этих словах отступила на шаг. Несколько секунд они стояли лицом к лицу друг с другом. Госпожа взяла руки Ан в свои и грустно сказала:

— Да, никто не мог. Но... прошло уже столько лет. Стоит ли вспоминать старые обиды?

Ан снова криво усмехнулась. Её шрамы пришли в движение, и лицо стало похоже на жуткую маску.

— Не стоит.

Госпожа сжала её пальцы и оглянулась на стол.

— Присаживайся. Мой дом — твой дом. Я счастлива знать, что от нашей семьи остались не только воспоминания.

"От нашей семьи?" чуть не закричал Меркий. Нет, у него бред. Его избили, стукнули чем-то тяжёлым по голове и он теперь лежит и бредит. Потому что то, что он видел, было невозможно. Если Госпожа называет бродяжку Ан "семьёй", если говорит, что Ан — член семьи Госпожи, то значит, что Ан — из Благородной Крови. Это значит, что это уродливое, внешне и душевно, создание — дочь кого-то из великих героев человечества! У него от такой кощунственной мысли затряслись руки. Нет, такого не может быть! У него в голове всплыла насмешка Ан, когда он рассказывал ей о Госпоже и Благородной Крови. Как она презрительно кривилась, когда он доказывал ей, что видел настоящего человека этого рода.

В его душе появилось нехорошее сомнение: если Ан не Благородная кровь, то кто же тогда Госпожа? Внутренний голос, кривясь покрытыми шрамами губами, прошептал, что Госпожа тоже обманщица.

Нет, это было невозможно. Меркий был свидетелем, что Госпожа настоящая Благородная кровь. Он увидел её впервые двадцать лет назад, и с тех пор она ничуть не изменилась. Простой человек на такое не способен, а значит, её природа истинная. Но кто

тогда Ан?

Спасение пришло внезапно: вдруг Ан не Благородная кровь, а просто родня? Например, по матери. Ведь не мог же Совершенный породить дочь сам по себе! Ни один человек, даже Благородной крови, на это не способен. Меркел облегчённо выдохнул. Точно! Никакая эта грязная бродяжка не Благородная кровь, не госпожа, а просто ей повезло, что Совершенный когда-то обратил внимание на её родственницу... А то, что Госпоже уже не меньше двух сотен лет... Это же значит... А ничего не значит. Госпожа очень добрая, она поддерживала связь с семьёй своей матери, отсюда знает и Ан.

Слуги принесли Ан стул с высокой спинкой, приборы, серебряное блюдо и салфетки. Меркий был вынужден признать, что ему это не видится. Ан действительно сидела с ним за одним столом. Даже больше: она сидела ближе к Госпоже, чем он. И, если верить словам Госпожи, двух женщин связывало родство. Последнее уж точно не возможно. Они настолько непохожи, что если какое-то родство и есть, наверняка не кровное. А свойство вовсе не то же самое, что кровные узы.

— Куда ты направляешь? — спросила Госпожа, совершенно утерев интерес к Меркелу. Ан настороженно смотрела, как слуги накладывают ей птичьи тушки и поливают их сладкой подливой. Потом так же настороженно взяла из рук виночерпия бокал с вином. Меркий со злорадством отметил, что она явно не привыкла к такой роскоши.

Ан молча отпила вино и посмотрела на Госпожу.

— Куда идётся, — Ан пожалала плечами и отпила вино. Равнодушно. Меркелу захотелось возмутиться таким пренебрежением к отличному вину.

— И куда ты идёшь теперь?

— На Карьеры, — после паузы сказала Ан. — Наверное. Я ещё не решила. Думала туда зайти, пока ещё тепло. Папа меня туда часто возил. Потом уйду в Старый город, наверное.

— Так ты пришла не ко мне?

Госпожа и Ан несколько секунд смотрели друг на друга.

— О тебе я узнала всего несколько дней назад и решила, что это самозванка.

— Самозванка? — Госпожа словно ожидала другой ответ.

— Разумеется.

Они снова замолчали. Госпожа отвела от Ан рассеянный взгляд и посмотрела на Меркия. Тот замер, не решаясь пошевелиться. Госпожа качнула головой, словно очнувшись ото сна и внимательно посмотрела ему прямо в глаза.

Всегда добрые лиловые глаза стали ледяными. Не смотря на то, что губы Госпожи по-прежнему улыбались, Меркий почувствовал себя маленьким, брошенным и покинутым. Тело заныло и покрылось холодной испариной. Он внезапно вспомнил, как его били, как волокли по грязи под проливным дождём...

— Друг мой, ты не мог бы нас оставить? — голос Госпожи лишился привычной мягкости и тепла.

— Да, разумеется, — Меркий чуть не уронил вилку. Он поспешно и нервно положил приборы около тарелки и вскочил на ноги. — Доброго вечера вам, милостивая госпожа.

Ответом ему был кивок. Меркий попятился от стола, развернулся, и быстро прошел на едва гнущихся ногах к двери. Его сердце бешено колотилось, пустая глазница болела и зудела. Он поневоле вжал голову в плечи, словно вот-вот его ударят сзади. Уже выходя он на мгновение оглянулся.

Госпожа потеряла к нему всякий интерес и отвернулась к Ан.

Двери закрылись.

Когда дверь закрылась, Красавица наконец-то перестала улыбаться.

— Здравствуй. По-настоящему, здравствуй.

Ан кивнула и протянула ей руку. Красавица взяла её и сжала ладонь сестры.

— Здравствуй. А ты почти не изменилась.

— Почти? Всё-таки, изменилась, да?

— Да, изменилась. Правда, думаю, я сильнее.

Сестра задумчиво наклонила голову. Её локоны, словно живые, зашевелились, перемешались и снова замерли на плечах.

— Ты вообще на себя не похожа. Что у тебя с лицом?

— Украшение, чтобы никто меня не узнал. — Ан поскребла подбородок и посмотрела в лиловые глаза сестры. — Как тебе?

— Ужасно. Ты сама на себя не похожа. Я только глаза узнала и это имя, Ан.

— Ну... Какая жизнь, такое лицо. Некоторые всё ещё могут узнавать наши лица. А кто будет вглядываться в такое лицо и запоминать его черты?

— Наверное, больно их делать? Как часто приходится их обновлять или ты придумала, как не давать им заживать?

— Раз в полгода, на самом деле. Главное, содрать первые две болячки. Можно ещё огнём, от него следы тоже долго заживают.

Ан посмотрела на тарелку, словно её снова заинтересовали тушки птиц. Плохо, что Меркий ушел. Она бы предпочла, чтобы он остался. Всё случилось слишком быстро, а она была не готова к такому развитию событий. Она не знала, что ждать и что говорить. Ан никогда не понимала, как правильно хитрить, льстить и убеждать людей, особенно если единственное, что ты чувствуешь по отношению к собеседнику лишь страх и подозрения.

Нет, не страх. Ан вспомнила лицо отца. Она уже едва помнила его черты, скорее ощущение огромного родного человека, его голос и знание, что она его узнает в любой толпе без каких-либо сомнений. Отец говорил, что она ничего никогда не боялась и не будет бояться.

...это всё слишком сложно, непонятно, запутанно и лживо. Вот если бы понадобилось кому-нибудь проломить голову — другое дело. Последнее время она в этом преуспела. Отец был бы в ужасе от того, кем она стала.

— Я рада тебе, — сестра сошла со своего высокого кресла и села на гостевой стул рядом с Ан.

— Я ещё не знаю, что чувствую, — честно призналась Ан. От сестры пахло розовой водой и чем-то пряным. Отвратительный запах. Она всегда считала розы отвратительными и пошлыми цветами. Розы и их очень опасные шипы! Ха. Если бы Ан сравнивала себя, она бы предпочла боярышник с его огромными по-настоящему опасными шипами.

Её желудок сжался и заплясал. Комок тошноты подкатился к горлу, и Ан отвернулась к двери.

— Ты не рада меня видеть, — спокойно констатировала сестра.

Ан замотала головой.

— Я не ожидала увидеть именно тебя.

— Но мой герб... Я его велела повесить его на доме и на всех пограничных столбах,

чтобы если кто-то из семьи остался, они могли узнать меня.

Ан пожала плечами.

— Я подумала, что ты самозванка. Я думала, ты умерла. Ну, тогда, в городе. А потом...

— Что потом?

— От тебя не было ни весточки. Я слышала о том, что кто-то... похожий на тебя помогал твоему отцу, когда он начал собирать армию. Помнишь, тогда, через десять лет.

Красавица внимательно ждала продолжения. Ан внезапно услышала, как в окно что-то стучится. Она посмотрела на стекло и увидела птицу. Красавица повернула голову следом.

На узком металлическом карнизе окна сидела птица и пыталась что-то выковырять из щели.

— А в городе их до сих пор нет.

— Только в центре. В остальных местах природа взяла своё. Удивительно, как быстро они забыли о том, что это было царство людей.

Ан пожала плечами.

— А что им помнить-то, у них ни памяти, ни мозгов.

— Ты не изменилась, — засмеялась Красавица. — Меркий сказал, что ты нашла его прямо в центре.

— Не прямо. Чернорясые не успели до него дойти.

— И спасла жизнь случайному встречному. На тебя не похоже.

— Я такая суровая?

— Непримируемая. Строгая. Холодная.

— Никогда себя такой не чувствовала.

— Ты сказала, что слышала про меня. Или кого-то, похожего на меня, — напомнила Красавица.

— Да, — Ан посмотрела ей в глаза. — Ты ведь знаешь, твой чем твой отец занимался После?

Несколько секунд Красавица молчала. Потом кивнула. И не отводя взгляда от Ан добавила:

— Я ему помогала в этом. Возможно, ты вправду слышала именно обо мне, хотя я и была не той фигурой... чтобы обо мне много говорили. Я, в конце-концов, всё ещё была трусихой и не очень умной.

Ан пожала плечами.

— Возможно, я слышала и о тебе.

Ан стояла в условленном месте и ждала. Письмо лежало в нагрудном кармане, в рукаве нож, а под курткой пистолет. Свет давал небольшой фонарь, который Ан поставила на перевёрнутую урну. Когда-то здесь был парк, но о былой красоте напоминали только развороченные камни дорожки, остатки бетонной лавочки и урна. Где-то вдали время от времени на ветру покачивался старый фонарь. Ан слышала, как остатки железного плафона задевали стойку.

Без доспехов или хотя бы примитивной защиты она чувствовала себя голой и уязвимой. Хотя Кел пытался сделать из нее бойца, Ан прекрасно осознавала, кто она такая. Какая там кровь отца! Иногда Ан казалось, что от отца ей досталось только упрямство.

Нос беспокойно вдыхал и выдыхал воздух, пытаясь учуять мягкую сладость, предвещающую приближение серых тварей. Ветер дул, как ей казалось, крайне удачно — со стороны реки. Если что, она успеет почувствовать приближение не только серых тварей, но и людей.

Но никто не приходил, и Ан начала уже злиться на себя. Она стоит, как последняя дура, поведясь на глупую записку. И что теперь делать? Возвращаться домой и ждать следующего послания? Или её выманили с какой-то целью? Нет, глупость, понятно, что оставивший записку преследовал какую-то свою цель. Но что, если она сама допустила какую-то ошибку, решив прийти сюда? И что этот кто-то не собирается приходить, а преследовал лишь цель выманить её?

Он возник из мрака, словно появился там, когда она мигнула.

— Дядя, — выдохнула Ан.

— Моя девочка, — кивнул он.

Их творец хотел создать идеальных людей. Многие хотели и пытались, а у него удалось. Почти удалось. Даже отец мог бы быть чем-то большим, будь у него шанс.

Они удались. Здоровые дети с лицами своего создателя. С почти-лицами. Своё простое человеческое лицо он исправил, улучшил, дополнил. И дополнил свои практически гениальные способности. Дети вышли идеальными. Умные, красивые, взрощенные под неустанным контролем и по специальным программам воспитания. Идеальные, совершенные. Говорили, что их создатель сумел поймать-таки неуловимый ген гениальности.

А потом сверхлюди очутились среди простых людей.

И оказалось, что они так же устают, так же злятся и радуются, что хотят веселиться и беззаботно жить, что они не хотят заниматься долгим нудным трудом, а хотят интересным, и чтобы нудятину выполнил кто-нибудь другой. Что они хотят внимания, признания, чтобы их не трогали, чтобы их любили, хотят дружить, враждовать, делать глупости. Что их железная воля без понуканий воспитателей расслабляется. Что их решения могут приниматься под влиянием эмоций.

Сверхлюди оказались на удивление обычными.

Нового витка человеческой эволюции не случилось, самое величайшее открытие обернулось пшиком.

Ан говорили, что их создатель был разочарован. Он винил в неуспехе себя, своих детей, своих помощников. Говорили, что о усыпил всех детей, которые ещё не были явлены миру.

Говорили, что он усыпил часть уже выросших образцов. Говорили, что так же поступили его последователи, которые добились куда меньшего, чем он.

Ан не могла ни подтвердить эти слухи, ни опровергнуть. Она родилась через годы просле провала, а отец не рассказывал. Ему пришлось тяжелее всех. Ан не знала, кого из него хотел вылепить создатель, но отец не нашел себя в мире людей. А ведь он должен был кем-то стать. Вряд ли их творец хотел сотворить неприкаянного дурака, способного только поехать и отвезти, забрать и принести.

Кем-то отец должен был стать. Иногда Ан казалось, что папа сам отказался от своего предназначения. Просто потому, что выбрать его сам не мог, а отказаться — мог.

— Дядя, — повторила Ан, глядя в знакомое бледное лицо. Они почему-то всегда были удивительно похожи, словно дядя на самом деле был её отцом. Они до сих пор были похожи, даже не смотря на то, что годы не пощадили Ан.

Когда-то давно, в той жизни, дядю звали Совершенным, потому что он был совершенным. Лучшим из поколения отцов. Возможно, он не превзошел только Первенца. Он не отчаялся, когда понял, что он человек, а продолжил свой собственный путь. Ан им даже восхищалась. Он контролировал эмоции, упорно работал, пытался быть совершенным.

Ан бы восхищалась им, если бы время от времени на пороге её квартиры не появлялась Красавица, чьи попытки заслужить отцовскую любовь оборачивалась очередными обидами. Ан жалела её и злилась. Дядя мог бы ради дочери засунуть свои принципы себе в задницу, а сестра, раз уж дядя такой придиричивый, плюнуть на его мнение.

Но какое это имело значение сейчас, через столько лет?

— Ты удивлена.

— Да. Я ожидала увидеть... не вас.

— Мою дочь?

— Разве не она написала мне записку? — Ан с трудом удержалась, чтобы не оглянуться. Она чувствовала себя совершенно одинокой и беспомощной.

Дядя сделал шаг вперед.

— Мне пришлось потрудиться, чтобы доставить её тебе. Я не был уверен, что наш таинственный гений именно ты.

— Гений? — не поняла Ан.

— Тот, кто делает вашим солдатам оружие, налаживает для вас связь и чинит ваши машины.

— Как я, даже если бы могла, справилась бы с этим одна?

— Не одна, разумеется. Но всеми вашими мастерами кто-то руководит. Сами они мало что знают, уж извини. Но мне быстро стало очевидно, что ими кто-то руководит и делится с ними своими знаниями. Ты, конечно, не гений, но твоих знаний вполне могло бы хватить... для этих людей. Надо признать, я до последнего сомневался. Кел хорошо отводил от тебя внимание. Хотя я надеялся, что уж мне он врать не будет.

— Он с вами встречался? — сердце Ан панически забилось. Она с трудом удержалась, чтобы не сделать шаг назад.

— Да. Один раз. После чего я понял, что с ним бесполезно вести какие-либо переговоры. Он не видит общей картины... и так и остался простым охранником. Иди отнеси, иди нарычи, убери препятствие. И от того, что наш простой охранник решил, что он сам себе хозяин, его мышление не изменилось. Слишком узкое.

Этого у Кела было не отнять, мысленно согласилась Ан.

— Дядя, если это вы, то почему вы не открылись мне сразу? А серые твари зачем? Я не понимаю.

Белое неподвижное лицо наконец-то пришло в движение. Совершенный выглядел расстроенным. Он вздохнул и поправил выбившуюся из-за уха длинную прядь.

— Это издержки, дочка. Неприятные издержки. Мои вынужденные союзники, без которых я не смог бы безболезненно и малой кровью провести процесс объединения Вольных Городов.

Ан кивнула.

— Вы объединяете людей?

— Да. Объединяю города, анклав, убежища. Налаживаю логистику и производство. Поднимаю людей из варварства, в который они впали. Сама понимаешь, одними уговорами это сделать не просто. Многие ставят свою жажду власти выше общего блага.

— Вы прямолинейны.

— Не вижу смысла вилять перед тобой. Ты всегда была разумной девочкой, чем и нравилась мне. Мало эмоций, хотя мой брат... был весьма эмоционален и упрям.

— Был? — против воли прошептала Ан. Дядя едва заметно улыбнулся. Лиловые глаза остались спокойны.

— Я не буду тебе врать, говоря, что он ждёт тебя на моём берегу. Я не видел его со времени... той ночи. Он сказал, что уйдёт на юг, потому что ему тяжело оставаться в городе, — дядя помолчал, не отводя от неё своего взгляда. — Мы потеряли тогда многих, а он думал, что всех. Но до меня доходили слухи о нём. Точнее, о событиях, которые могут быть связаны с моим непутёвым братом.

Ан сжала кулаки. Сердце в груди бешено заколотилось.

— Вы не проверяли их?

— У меня не было времени. К сожалению. Хотя некоторых членов нашей семьи я нашел и дал им приют.

— Мой папа, — Ан заставила себя успокоиться и дышать ровно. Сердце перестало болеть. Она не видела отца. Когда все произошло, они были на разных концах света. Прежде, чем оборвалась связь, отец пообещал приехать за ней домой. Она пообещала никуда не уходить и дожидаться его.

А потом пропала связь, порядок и весь старый мир.

— Я могу поделиться с тобой информацией о моем брате. И помочь её проверить, разумеется.

— В обмен на присоединение нашего городка? — кивнула Ан. Дядя покачал головой.

— Нет, разумеется. Я ведь знаю и тебя, и Кела и что тут происходит. Тебя просто не послушают. Хотя я бы хотел, чтобы он тоже присоединился ко мне. Я знаю его таланты и способности и смогу направить их на пользу людям.

— Я поговорю с ним.

Дядя широко улыбнулся и протянул руку. Ан позволила ему погладить себя по щеке.

— Ты всегда была умницей, дочка. Будь я твоим отцом, я бы тобой гордился.

Совершенный взял лицо Ан в свои ладони и поцеловал в лоб.

— Приходи на наш берег. Кел увидит твой выбор и быстрее придёт к согласию. А после этого даже ваш совет поймёт, что лучше не доводить до кровопролития.

— Вы ведь не отступите от нас? Если совет всё же не согласится. И натравите на Город серых тварей?

Дядя отстранился и вздохнул.

— Ты, как всегда, не выбираешь мягких выражений.

— Извините.

— Ты права. Оставлять вас в покое я не буду. Увы, я начал работу, которая требует решительности и измены моим собственным идеалам. Ради, как иронично, достижения их же в будущем.

— Да. Всё как всегда. Хорошо, дядя, я подумаю. Я... не могу уйти с вами. Это будет неправильно. Я... поговорю ещё раз с Келом. Как мне с вами увидаться, если понадобится ваш совет?

— Хм... Поддай мне весточку с помощью... Нет. Давай встретимся здесь же через три дня. Я придумаю способ.

— Я могу попробовать собрать дрона.

— Дрона можно сбить, дочка. Нет. Я пришлю на ваш берег связного... Не смотри так. Это будет официальный посол. Я всё равно собирался начинать переговоры.

Ан кивнула.

— Через три дня.

— Буду ждать, — Дядя улыбнулся, провёл пальцами по её щеке и развернулся. Ан моргнула, и он пропал во мраке.

Её лампа мигнула. Батарея садилась... Ан поколебалась и погасила свет. Немного подождала, когда глаза привыкнут к свету и пошла обратно к сторону города. Когда к ней присоединился Кел и его солдаты, она не заметила. Просто Кел возник рядом и шел несколько шагов молча.

— Ты ему веришь?

— Что ты с ним встречался? Без сомнений.

— Извини.

— И как мне после этого верить твоим словам и давать тебе советы, если половину информации ты от меня утаиваешь?

— Давай сначала решим более насущные проблемы?

— Куда уж насущнее!

— Не кричи, — Кел оглянулся. Ан тоже. Глаза, привыкшие к свету, постепенно перестраивались. Она различила кроны деревьев и несколько звёзд в разрывах облаков. Она посмотрела на стволы деревьев. Где-то там были трое солдат Кела, которых он привёл, чтобы прикрыть её в случае нападения.

— Я удивлён, что он пришел сам. Думал, придёт сестрёнка.

— Красавица?

— Угу, она. Я её прям так лично не видел, но полагаю, видел её милую макушку, пока болтал с дядюшкой... Не здесь. Я ходил на тот берег. Но кроме твоей подружки у него... полно подручных, с которыми могут быть проблемы.

— Что ты имеешь ввиду?

Кел не ответил.

— Так что будем делать?

— Валить. Ты хочешь с ним связываться? После всех этих... серых тварей. И вообще всего.

— И восстановление мира с другой! Брось, это же дядя. Да, он говнюк, но он наш говнюк!

— Который использует серых тварей и оправдывается. И ладно он, я не удивлён тем, что он начал их использовать. Но у него, значит, есть ублюдки, которые за него их ему размножают, кормят и натравливают на людей. Ты память потеряла, что ли? Эти... выпердыши из пробирок питаются человечинкой. Сомневаюсь, что у дядюшки есть чудесная лаборатория, где тоннами выращивают искусственные мышцы им на прокорм.

— Значит... наверное, у него были причины.

Кел ничего не ответил.

— Знаешь, почему я тебе ничего не сказал?

— Почему?

— Год назад с того берега пришел Ювелир. Ты его помнишь?

— Нет.

— Я тоже не помнил. Он ещё к тому же изменился, я бы, если бы он меня не перепугался до усрачки, и не обратил на него внимания. Ну, бродят тут всякие. Мало ли, куда и от чего он бежит.

— Почему ты мне не сказал о нём?

— Он умолял никому не раскрывать, что он был здесь. В том числе и тебе.

— Как удобно.

Они вышли на парковую улицу. Старая дорога почти лишилась асфальта. Здесь, на окраине Города, природа быстро взяла своё и разбила асфальт и бетон. В центр жизнь, пусть и Дика, так и не вернулась.

— В общем, Ювелир бежал на юг от дядюшки, потому что дядюшка плохо с ним обращался. Ты же знаешь Ювелира. Он эгоист. Но даже его лепета хватило, чтобы я кое-что узнал.

— И ты узнал, что дядя строит себе королевство кровью и серыми тварями.

— Угу.

— И ничего не сказал мне.

— Ан, я сожалею об этом. Я жалею, что запустил ситуацию, ничего тебе не сказав. Я в панике. Я в панике! И я не знаю, что делать. Не хочу к дяде. Я работал с ним до, ну, ещё тогда. И чёрт бы его побрал, он тогда никого не убивал лишь потому, что глупые...

Кел вздрогнул и оглянулся.

— Что-то случилось? — Ан замедлила шаг. Брат встал и принялся медленно поворачивать голову. Ан тоже остановилась и принялась. Никаких посторонних запахов. Со стороны реки дул прохладный ветерок. Пахло лесом, немного влагой и ночью.

— Кел, я...

— Тс!

Она замолчала. Ветер разбивался о стволы деревьев, петлял, закручивался и менял направления. Ан слышала дыхание Кела, шаги их солдат, шелест ветвей.

На мгновение поток воздуха обдал её сладостью. Запах напоминал о гниении, пиве и дешевой газировке. Ан невольно вспомнила детство, жаркий день и огромную, чуть ли не размером с себя холодную бутылку дешевой шипучки, купленной в киоске у дороге. Ей не понравился вкус напитка, но очень понравилось выбирать из рядов цветных сосудов за стеклом холодильника.

А потом Ан осознала. Перейти реку можно же не только около парка.

— Серые твари! — крикнула она. — Кел, они пришли!

Её голос прозвучал в ночной тишине резко и громко. В ответ на её слова раздался

сначала шепот солдат и хриплый голос Кела, предупреждающий их об опасности. А потом раздался треск ломаемых ветвей.

Ан увидела мелькнувшую в неясном свете белую спину и локти. На мгновение ей показалось, что она видела безглазый шлем и белую косу. Потом пришел удар в грудь, и Ан стало не до мыслей о неуловимых видениях.

Воздух выбило из лёгких. Ан сгруппировалась, прокатилась по рассыпающимся камням дорожки и вскочила на ноги. Серая тварь, сбившая её с ног, присела на задние лапы, чтобы затормозить, и теперь разворачивалась к ней. Тварь была похожа на страшно искорёженного человека из древних изображений адских тварей. Длинные мягкие ноги задирались выше головы твари. Когда она развернулась, Ан увидела большую уродливую голову с подобием человеческого лица. Мягкие губы были раскрыты, с них стекала густая слюна.

На загравке твари сидел человек. Ан увидела тёмный, едва подсвеченный ночным светом силуэт. Человек сидел в седле и держал поводья твари. Большого она разглядеть не успела. Всадник пришпорил тварь, и она снова кинулась на Ан.

Она потеряла драгоценное мгновение, размышляя, что ей сделать, увернуться или достать пистолет. Наконец, тело вспомнило, что когда-то умело, и Ан увернулась. Тварь задела её лапой, и Ан кубарем покатилась по земле и влетела в заросли.

Раздались выстрелы, крики. Шум ударил по её ушам.

— Беги! Они за тобой пришли! Беги! — заорал Кел. Ан поднялась на ноги и побежала. За её спиной раздались выстрелы. Она скатилась в канаву, ворвалась в кусты и, расталкивая ветви, кинулась бежать.

Ан когда-то любила леса. Здесь было весело, можно бегать, агукать, можно спать у костра, можно ловить лесную мелочь, можно срезать с огромных корней мох и рвать папоротники.

Сейчас она проклинала лес. Рыхлая земля и корни не давали бежать, низкие ветви и кусты пытались зацепиться за одежду и сбить с лица поднятый платок. За спиной звучали выстрелы, а в голове метались мысли. Куда бежать? Неужели дядя её обманул? Почему серые твари пришли именно за ней? Почему она послушалась Кела? Могла ли она помочь отряду?

Глаза привыкли к темноте. Она видела силуэты стволов, темноту листьев, неровности на земле. Этого хватило, чтобы за бесконечный бег она упала всего два раза. Ан опомнилась только когда выстрелы стихли, а она споткнулась и скатилась на дно заросшей осокой балки. Руки и лоб покрыли опресы. Ан с трудом встала и прислушалась. Выстрелы не слышались, как и голоса людей. Зато она слышала треск ломаемых ветвей. Что-то преследовало её. Ан оглянулась. Где она? Ни малейшего понятия. Она выскочила на другой склон балки, нашла остатки заросшей дорожки и побежала по ним.

Погоня не отставала. Ан оглянулась. Ей показалось, что вдаль мелькнул бледный силуэт твари. Она попыталась ускориться. Лёгкие отозвались болью. Всё тело болело и не хотело бежать. Она давно не заставляла его делать что-либо подобное.

Разленилась, ослабла, обрюзгла, растолстела! Слабачка!

Ан ненавидела себя за эту слабость. Она стиснула зубы и попыталась выровнять движения. Если осознать, как бежишь, если двигаться правильно, то продержишься дольше. Ей это удалось, но спасения не принесло. Ан выбежала на внезапно открывшуюся площадку старой набережной пруда. Впереди была грязная вода, по сторонам деревья. Неяркий свет звёзд и луны после мрака леса показались ослепительно яркими. Ан замешкалась, крутя полуслепой головой, и потеряла время. Шум погони уже приближался. Ан достала пистолет и оглянулась.

Серая тварь вылетела из зарослей. Всадник отмахнулся от последней ветви и выпрямился. Теперь Ан сумела его разглядеть. Среднего роста, очень изящный. Он был одет в чёрное и облегающее, отчего выглядел просто чёрной пропастью. Голова всадника была забрана глухой маской-шапкой. Ан увидела только край косы из светлых волос. В ночном свете они выглядели холодными и совершенно белыми.

Ан подняла пистолет и выстрелила в своего преследователя. Отдача и звуки придали ей сил. Уж в тире она занималась, Кел был неумолим. Умный-умный Кел, почему она его не слушалась?!

Пуля попала в грудь твари и она встала на дыбы. Краем глаза Ан заметила слева движение. Ещё одна тварь подошла с другой стороны, и ее сизая морда показалась из зарослей.

— Сдавайся, Бесприютная, и я оставлю тебе твои руки и ноги! — голос всадника звучал высоко и яростно.

Ан ничего не ответила и выстрелила ещё раз.

Серая тварь прыгнула. Ан метнулась в сторону, и гончая промахнулась. Тварь не сумела затормозить, заскользила по засыпанному листьями бетону и слетела в воду. Всадница

закричала. Ан её не слушала. Вторая гончая выпрыгнула из своей засады, и повалила Ан на землю. Она попыталась отбиться, но гончая вцепилась в её руку короткими зубами на тупой полусобачей морде. Ан едва не выпустила пистолет и ткнула им в большой чёрный глаз гончей. Та на несколько мгновений, словно в удивлении, перестала тянуть её руку. Ан выстрелила ей в шею, и гончая разжала челюсти.

Ан отползла в сторону и поднялась на ноги. Как раз вовремя. Уродливая осёдланная горгуля выбралась из воды и теперь принюхивалась в её поисках. Всадник увидел её первым и кольнул бок своего животного концом короткого жезла. Ан нахмурилась и приготовилась. Отскочить в сторону не составило труда. Первый страх прошел. Всадник, кем бы он не был, понятия не имел, что серые твари хрупки и тупы, иначе бы остался управлять ими со стороны, а не вскарабкался на загривок гончей.

В этот раз Ан увернулась почти без труда и вцепилась в седло. Тварь завалилась на противоположный бок. Всадник кричал, высоко, как женщина, и понуканием заставляла тварь выпрямиться.

Ан подтянулась и ударила всадника — или всадницу? — рукоятью пистолета в висок. Тот, не ожидая удара, молча запрокинулся назад и повис в седле. Перестав чувствовать руку хозяина, тварь растерялась. Ан разжала пальцы и прыгнула обратно. Серая тварь заплясала на места.

Ан оглянулась на лес. Если она правильно помнила это место, то ей стоит бежать налево вдоль берега пруда. Там будет ещё один пруд, мостик на остров с беседкой и плотина с другой стороны. Весь путь когда-то был вымощен брусчаткой и что-то должно сохраниться.

Хозяин гончих наконец-то очнулся и пытался совладать со своей тварью. Ан подобрала пистолет здоровой рукой и прицелилась во всадника. Тот наконец-то совладал со своим животным и теперь смотрел прямо на неё. Ан не видела его лица. Из-под закрытого шлема по-прежнему торчала только короткая белая коса. Между ними было меньше десятка метров. Даже она попадет.

Ан нажала на спусковой крючок. Первая пуля ушла над плечом всадника в лес, вторая задела руку, а третья попала ему в грудь. Послышался вскрик. Тварь снова утратив контроль, мотнула головой, взбрыкнула и упала на бок. Ан несколько раз впустую нажала на спусковой крючок, потом развернулась и, пошатываясь и спотыкаясь, побежала вдоль пруда.

Она несколько раз останавливалась и прислушивалась. Погони не было. Ан упорно шла вперёд. Она нашла старый мостик и перешла на островок. Но около плотины удача отвернулась. Плотины не было. Её кирпичный остаток с двумя лавочками возвышался над водой и заканчивался прогнившей чугунной оградой.

Ан со стоном рухнула на колени и опёрлась об ограду. Решётка с треском отошла от бетонных столбиков. Ан поспешно отпрянула в сторону от рухнувшей в темноту конструкции. Укушенная рука болела. Ан ожидала, что тело вспомнит и как регенерировать, но по ощущениям, рана ничуть не изменилась. Она не знала, от чего она не может даже согнуть пальцы, возможно, та гончая была ядовита? Ан показалось, что во мраке она видела змеиные клыки. Она свернулась на боку и обняла больную руку. Вот и прибежала.

Слабость навалилась, словно поджидала удобного момента. Ан из последних сил активировала маячок на поясе. Вдруг её найдут. Нападение было глупым и странным, ребята должны были отбиться и вернуться домой. Кел увидит, что её нет, и начнёт её искать.

Она закрыла глаза и лежала так, потихоньку остывая. Тело наконец-то начало

чувствовать не только бесконечную усталость, но и холод. Ан заставила себя сесть. Надо укрыться на ночь, чтобы не замёрзнуть. И что-то сделать с кровопотерей. На поясе у неё была экстренная аптечка с двумя шприцами с обезболивающим. Ан дрожащими руками достала её и вскрыла инъектор. Кое-как вколола и задумалась, зачем это сделала.

— Спасите меня уже поскорее, идиоты! — прошептала Ан и побрела к деревьям. Если она правильно помнила, внутри острова была маленькая метеостанция, принадлежащая стоящему за парком Университету. Возможно, будка смотрителя ещё стоит посреди поваленных бурной растительностью шкафов с приборами.

Ноги едва её слушались. Ан облокотилась об одну из вётел, чтобы отдышаться. Она запрокинула голову к дереву и прикрыла глаза. Тело и голова немедленно стали свинцовыми и потянули её вниз. Ан вдохнула, стараясь удержать тело вертикально.

Она простояла так целую вечность, всё больше погружаясь в мягкую полудрёму и оцепенение. В чувство Ан привел хруст веток. Кто-то пробирался через заросли. Она открыла глаза и подобралась, насколько смогло замёрзшее уставшее тело. Если она сейчас сдастся, помрёт. У всего есть предел, даже у её тела.

Но как же не хотелось даже открывать глаза!

Из забытья её выдернул шум пробирающегося через лес живого существа. Она открыла глаза и огляделась. Со стороны моста к ней приближался человек. Ан слышала шум двух ног, ломающих старые ветви и хриплое дыхание. Кто-то пробирался к ней через ивняк. Она даже сумела различить тёмный силуэт... Ан моргнула. Нет, показалась. Человек был огромен, широкоплеч, и даже когда показывался на свету, чёрная одежда практически не отражала света.

— Кел! — она решила сделать шаг вперёд. Фигура вздрогнула.

— Тупица? — он поднял автомат.

— У тебя самого голова мягкая, как хлебушек, — привычно отозвалась Ан. Она проковыляла к брату и чуть не упала. Он вовремя успел её подхватить.

— Ты жива, — в его голосе не чувствовалось радости, но Ан было наплевать. Она вцепилась в него и всхлипнула.

— Совсем безмозглая тупица, — он погладил её по голове. — Идём.

— Кел, где остальные?

Брат отцепил её от себя, погладил лицо.

— Мы остались одни. Идём.

Они ковыляли через заросли. Ан хотелось лечь прямо здесь и сейчас. Она устала, её тело отказывалось двигаться. Кел пытался её подбодрить, болтал о том, что проверял старую метеостанцию что она в порядке, напоминал, что раньше Ан была выносливей. Напомнил о её путешествиях и как они дрались в детстве. Это заставило Ан вспомнить отца. Как она сидела у него на спине, а он шел вдоль грунтовой дороги в темноте и казался ей титаном из сказки.

Кел не был титаном из сказки.

— Кел, нам надо согреться.

— Сейчас, я найду укрытие.

— Мы и так в глуши.

— Увидят.

— Надо выкопать яму.

— Подожди, сейчас будет старая станция, там отдохнём, — в голосе брата послышалось

раздражение.

— Надо вернуться, — тихо предложила Ан. Она уже ничего не видела и не чувствовала левой ноги. Правая едва шевелилась. Пальцы были ледяными, лёгкие болели. Она одновременно цеплялась за Кела и пыталась идти, и одновременно находилась где-то в стороне и с недоумением прислушивалась к своим ощущениям. Раненая рука плетью висела вдоль тела.

— Там только трупы. Мы убили двух тварей, когда вернулся дядюшка. Я... в общем, я не мог ничем помочь и отступил. Сбежал, короче.

Ан кивнула.

Они прошли ещё десяток шагов. По мнению Ан она почти не шаталась. Судя по шипению Кела, она окончательно повисла на его плече.

— Тупица, не цепляйся ногами.

— Мне плохо.

— А мне охренеть как хорошо, — огрызнулся Кел. Он облокотился о дерево. — Надо что-то делать.

Он протащил Ан ещё десяток шагов.

— Скоро?

— Почти, — Кел чуть её развернул. Ан попыталась разглядеть, где они и с ужасом поняла, что ничего не видит. С ней такого никогда не бывало. Она помнила чистое небо и свет звёзд. Пусть они и в не опавшем лесу, света было достаточно. Всегда было достаточно, чтобы она видела.

— Кел, я ослепла! — Ан в панике вцепилась в его плечо. — Совсем нечего!

— Это от усталости.

Ан сделала ещё шаг, наступила на пустоту и рухнула вниз. Слабые пальцы скользнули по одежде Кела. Ан упала, скатилась, ударилась головой, на мгновение потеряла сознание и продолжила падать. Из груди выбило дух, левая нога подвернулась, и Ан перестала её чувствовать. Она вообще ничего не чувствовала и просто лежала в пустоте.

Ан потеряла счёт времени. С трудом она собрала остатки себя и заставила себя позвать Кела. Он не отзывался. Неужели это всё? Она умерла? Свернула себе шею? Нет, невозможно. На той стороне ничего нет и никогда не будет. Она бы не смогла сейчас думать. Ан позвала Кела ещё раз.

— Пожалуйста, только не бросай меня! — лёгкие наконец-то наполнились воздухом, и она смогла дышать. От этого простого движения тело ожило и заболело. Ослепшие глаза Ан наполнились слезами.

— Сейчас будет больно, — сказал голос Кела. Не обманул: через мгновение левая нога загорела огнём, и Ан расплакалась и застонала.

— Ты сломала ногу, — коротко объявил брат. — Херово.

— Не оставляй меня, — Ан нащупала его руку и сжала. — Пожалуйста. Она к утру срастётся, всегда всё срасталось!

— Нас обнаружили, — тихо прошипел Кел. — Они прочёсывают лес.

— Это же наш берег!

— А серые твари не наши.

— Не бросай! — Ан вцепилась в его рукав. — Пожалуйста!

— Лежи и не двигайся, — Кел что-то сделал с ногой, от чего Ан зашипела от боли. Она стиснула зубы, чтобы не выдавать их шумом. — Я не смогу вытащить тебя из этой ямы. Я

уведу их отсюда, а утром приду за тобой.

— Я умру!

— Нет. Ты же моя сестра. Ты выдержишь. А утром я приду за тобой. Соберу наших людей и заберу тебя.

— Обещаешь?

— Конечно, — Кел накрыл Ан чем-то тёплым. Наверное, его куртка. — Только не умри к рассвету.

— Не умру, — пообещала она.

— Если не вернусь, приходи к старой даче. Я буду ждать тебя там, если выживу.

— Нет, приди за мной, — Ан провалилась в темноту.

— Что ты обо мне слышала? — повторила Красавица.

Ан залпом допила вино и принялась за еду. Она не была голодна, как тогда, внизу, в городе, но отказаться от еды было выше её сил. Она давно уже не ела ложкой и вилкой, из фарфоровой тарелки, поставленной на белую чистую салфетку. Последние полгода она вообще редко ела за столом и еще реже ела хорошую, приготовленную ради удовлетворения не только голода пищу. По правде говоря, такую еду она не ела уже годы. Андрей невольно выпрямилась, подобрала локти и посмотрела на своё отражение в стекле. Почему-то ей стало очень важно узнать, как она выглядит со стороны, не осталось ли на лице грязи и не растрепались ли волосы. Глупое желание, но Ан ничего не могла с ним поделать. Ей стало важно выглядеть перед этой женщиной достойно.

— Очень давно. Ты путешествовала с Ювелиром и Счетоводом через Холмы.

— Это и вправду было очень давно, — согласилась Красавица. — Я едва помню это путешествие. Ты была в Холмах?

— Я тоже проезжала через них и видела вас троих, — Ан оторвала крыло птицы и обсосала тоненькие косточки. Вкусно. И специи. Не просто соль и перец, а что-то давно забытое, отдающее жарой и яркими красками, и безумно вкусное.

— И когда это было?

— Я не помню. Давно. Есть ещё вино? Кстати, откуда оно у тебя?

— Купила на юге у тех, кто его ещё делает, — Красавица наполнила её бокал из красивого, похожего на подкову, хрустального графина. — На самом деле, мне его подарили. Мы запустили переплавку лома, а два года назад начали собирать рабочие машины. Не ремонтировать, а хм... — Красавица нахмурилась. — Частично новые. Кое-какие детали мы начали делать сами, а не обшаривать рухлядь в поисках нужной в рабочем состоянии, — Красавица засмеялась. — Да, это глупый повод для похвальбы. Машины в городе уже годны только на разбор и переплавку. У нас выбора не было, либо начать делать самим, либо погибать.

— А топливо откуда берёте?

— Производим.

Ан хмыкнула.

— Из чего, интересно?

— Тоже с юга. А откуда уголь не скажу. Но ты и сама догадаешься.

Ан кивнула и ещё раз осушила свой бокал. В желудке стало тепло, а вот в голове было по-прежнему пусто.

— Хочешь напиток?

— Да нет. Пью, пока не отобрали. У тебя его сколько ещё?

— Достаточно, чтобы тебя утопить в нём. Хотя это и не мальвазия. Если честно, — Красавица чуть понизила голос, — редкая кислятина. Но я уж не стала придираться. Хорошо, что хоть это есть.

— Мне сейчас любое вино — мальвазия, — Ан взяла ещё одну птицу с блюда.

— Ты так и не сказала, когда меня видела.

— Я же говорю, не помню. Но после того, как встретила с дядей.

— Ты встречалась с ним? — удивилась Красавица. — Я об этом ничего не знаю. Она

наклонила голову и расчесала пятерней пряди сбоку. — Когда это было?

— За пару дней до того, как он захватил колонию Кела на том берегу реки, на юге города, — Ан посмотрела на сестру.

— Надо же... И что он тебе говорил?

— Предлагал присоединиться к нему. Хвалил, говорил, что я должна сделать правильный выбор и помочь ему восстановить те части старого мира, что ещё не безвозвратно потеряны, — Ан вернулась к обсасыванию косточек птицы. Вкусно. Пусть сейчас она должна думать о другом, вкусно. Очень вкусно. Пусть ей придётся драться, бежать из этого дома, пусть её убьют или скормят сердце серым тварям, вкусн. Безумно вкусно.

Ан вытерла руки о салфетку и принялась чистить яблоко. На вид оно было красивым, с красными прожилками на желтоватом боку. Красивое, как с картинки.

— Но ты не присоединилась.

— Не-а. Я ушла на следующий день. А Кел решил остаться и побороться.

— Ты знала, что папа творит? — тихо спросила Красавица. Ан пожалала плечами. Дядя несколько лет провёл в безвестности. Она так и не узнала, где он провёл годы следовавшие за гибелью мира и их создателя. Потом он появился, захватил власть в отряде каких-то бандитов, которые похвалялись, что когда-то были частью армии. И пошел по разорённым землям, собирая себе королевство. Кого-то он зазывал к себе посулами, кого-то силой. Силой чаще. Ещё он собирал остатки их семьи. У него получалось всё. Он знал всё. Для людей, забывших старый мир или вовсе никогда его не видевших, он был богом. Совершенный непогрешимый бог. Ему поклонялись. Поклонялись из любви и благодарности или из страха и надежды, что он оценит и не тронет. Даже когда его не стало, ему продолжили поклоняться. Забыли, кто он, кем он был, кем была их семья и старый мир.

Благодетели и их Прародитель, боги чернорясых монахов.

С тем же успехом можно было бы поклоняться электрическому чайнику.

— Честно? Нет. Я не очень следила за тем, что происходит в мире. Ты же знаешь меня. Но твой отец призвал на службу серых тварей, и я решила, что мне нет места в том мире, который он строит.

— И ты просто ушла?

— Кел хотел к нему присоединиться, — ложь слетела с языка легко и просто. — Я решила, что не буду ему мешать.

— Я бы не смогла так просто уйти, — Красавица протянула руку и потрогала оставшиеся яблоки. — Ты сильная.

— Мне это решение далось не просто.

— И ты так просто ушла? Умник в те дни был с дядей, и он сказал, что тебя пытались найти.

— Не нашли. Умник, говоришь?

— Да, наш умный кузен. Он меня удивил тогда, если честно. Я думала, он тебя боится. Он так волновался, сумеет ли папа тебя уговорить и не начнёшь ли ты войну. Он даже Кела так не боялся, как тебя. Когда он отправился тебя искать в лес, я удивилась.

— Ты с дядей в те дни?

— Нет. Нет, нет я не была. Я знала, что ты и Кел на том берегу, и думала, что дядя уговорит вас присоединиться. Он был невысокого мнения о Келе, но постоянно твердил, что ты нам нужна.

— Забавно. Мне он тоже это говорил, — Ан прикрыла глаза. — Значит, тебя в тот день не было в Городе?

— Не было, — согласилась Красавица. — Папа отослал меня в Холмы, а когда я узнала, что он приказал перейти реку, вернулась. Но тебя уже не было, а Кел... ну...

— Не будем об этом. Значит, Умник пошел меня искать? И как, нашел хотя бы мои следы?

— Он сказал, что ты пропала бесследно. Ювелир подтвердил его слова, но ты же помнишь Ювелира. Он в саду мог потеряться, не то что в лесу найти чьи-то следы.

— Бесследно, — кивнула Ан.

Давным давно, в другом мире и другой жизни, Ан разозлилась на отца и убежала от него в лес. Там она заблудилась и провела ночь одна. Была весна, снег уже сошёл, но деревья ещё не распустились. Ан быстро пожалела о своём поступке. Она испугалась, проголодалась и замёрзла. Она брела между деревьями и звала отца, который никак её не находил.

Ночь пришлось провести в яме от корня-выворотня, закутавшись в куртку и зарывшись в прошлогодние листья. Утром отец её нашёл, едва живую, замёрзшую и белую, как мел.

Ан лежала на холодеющей земле и вспоминала отца, ругающегося и ловящего на автобане попутку, чтобы отвезти её в город. Вспоминала, как может греть простой костёр в рощице чуть в стороне от трассы.

Холод — коварный убийца. Он мягкий и нежный, как перина. Ан падала в забытьё и грезилась наяву. Дом, друзья, тёплая кровать, уютная мастерская, их шумные посиделки. Сначала школьные, бессмысленные и глупые. Потом студенческие, когда каждый из них изображал из себя специалиста в своей теме, хотя едва отслушал пару курсов. Отец, смеющийся над её важным тоном.

— Кел, — Ан вспомнила, где она и открыла глаза. Единственное, что она чувствовала — это лёгкое покалывание, как от тепла. Она замерзает. Ан вспомнила ту давнюю ночь в лесу. Тогда было холоднее. Но она была в тёплой одежде и не была ранена.

А что сейчас? Сейчас всё по-другому. Утром Кел найдёт её остывшее тело с остекленевшими глазами. Таким будет конец Ан, бессмысленный и бесславный. Такой же глупый, как... Она не могла вспомнить его имени. Только перед внутренним взором предстал образ худой бесполой фигуры в мятых джинсах и старой футболке. Он вертел в руках обгрызенный карандаш и слушал новости. Вот так буднично, совершенно обычно, их создатель слушал утренние новости. Как он сам говорил, занятие совершенно бесполезное, в них всё равно не говорили ничего, что было бы настоящими новостями. Дядюшка тоже считал радио глупостью. Глупостью и слабостью создателя. Нет, разумеется, они вышли не теми, как задумывались, не из-за утренних новостей. Но их создатель был несовершенным. Не таким, каким мог бы быть и каким должен быть, не таким, чтобы создать поистине совершенное потомство. Возможно, поэтому дядюшка его и убил.

Или не он, Ан не знала, что именно тогда случилось. Столько смертей случилось в один день, что никого не интересовала судьба сумасшедшего гения.

...нельзя сдаваться. Ан попыталась напрячь тело. Никакого отклика. На мгновение ей показалось, что она плывёт. Из глубин памяти всплыло воспоминание, как она плавает в воде. Кисло-сладкой воде, которая движется в её лёгких, а она лениво шевелит руками и ногами. А перед ней — искажённые лица и человечки. Она ещё не знает их, а её отец и дед обсуждают её, какой она будет и когда сделает первый вдох.

— Ан!

Она вздрогнула. Кел тормошил её за плечо.

— Тупица, ты совсем замёрзла, — брат наклонился к ней. Ан почувствовала его дыхание на лице. Потом — слабое покачивание. Похоже, её подняли на руки. Это длилось бесконечно долго. Ан с трудом приоткрыла глаза, попыталась

Она лежала на дне ямы в темноте и замерзала. Она попыталась позвать Кела, но вместо этого из горла вырвался сип. Тело не слушалось. Ан не могла даже вздохнуть полной грудью.

Над ней было бездонное небо. Ан увидела зыбкую границу между деревьями и звёздным ковром. Там, наверху, были звёзды. Они светили холодным призрачным светом и словно забирали из неё всё тепло. Ан смотрела на них и мысленно оплакивала свою жизнь, которая должна вот-вот оборваться. Если бы она верила хоть в какого-нибудь из богов, она бы молила его о спасении. Но богов нет, нет ни мировой справедливости, провидения, ни осознанного мироздания, ничего.

Одна из звёзд вспыхнула и ослепила её. Сверхновая? Да нет, глупость какая. Скорее всего, у неё снова галлюцинации.

— Она жива?

— Да нет вроде. Смотри, это она ногу сломала?

“Кто вы?” молча спросила Ан у голосов. Они настоящие или снова её галлюцинации?

— Спустимся?

— Ноги переломаем...

— Надо проверить.

— Да что проверять-то. Ты ей в глаз светишь.

— А ты идиот.

— Помогите, — прошептала Ан, и голоса умолкли. Звезда погасла. Ан провалилась в забытие, даже не успев подумать, что это конец.

Пробуждение было болезненным. Она словно наконец-то сумела вздохнуть, и лёгкие пронзили тысячи раскалённых игл. Ан распахнула глаза и закашлялась, судорожно дёргая руками и ногами. Она перевернулась на живот, и задохнулась от пронзившей каждую клеточку её тела боли.

Ан выпучила слепые глаза и хлопала губами, как выброшенная на сушу рыба. Она не слышала, не видела и не могла вздохнуть. Когда она сумела повалиться на бок и наконец-то подняла диафрагму, то была по-настоящему счастлива.

А потом к ней вернулось зрение.

Ан лежала на деревянном полу около опрокинутого стола среди гор мусора. Кто-то положил её на сваленные в кучу старые бумаги, занавески и накрыл сверху бумагами, синтетическим одеялом и серой курткой с содранными нашивками.

Её тело болело от холода и неудобной лежанки. Ан попыталась встать, но ноги её не слушались, а руки подломились. Она упала на пол и заплакала.

Потом внезапно пришло осознание, что она жива, хотя должна была умереть. От шока Ан сумела перевернуться обратно на спину и поднести к лицу свои дрожащие руки. Куртка на раненой была разорвана так, что целой осталась только одна манжета. Но под грязными окровавленными лохмотьями была целая бледная плоть. Ан с ужасом уставилась на свои тонкие руки. Когда на последний раз видела их без одежды, всего сутки назад, в своей мастерской, они такими не были. Они были жилистыми, сильными, едва тронутыми солнцем. Но не вот этим вот...

Ан выровняла дыхание, и поняла, что замёрзла и ей срочно надо что-то делать или помирать. Она оглянулась.

Кроме опрокинутого стола и мусора в маленькой комнате были ещё стулья и настенные шкафчики. Всю площадь, не занятую шкафчиками, занимали оборванные и почерневшие схемы, карты и таблицы.

Она в старой метеорологической станции.

Но она сюда не приходила.

Паника подхлестнула силы Ан. Она встала на четвереньки, толкнулась, выпрямилась и встала на двух ногах. Еёхватило на два шага. Ан упала прямо на обитую плёнкой дверь. Скрипнули петли, и она рухнула на пол, глядя на приоткрывшуюся щель на свободу. Солнце мягко освещало высокую траву и кусочек почерневшего крыльца, засыпанного сором и опавшими листьями. Ан протянула вперёд руку и попыталась открыть дверь шире. Не получилось. Она приподнялась на локтях и навалилась на дверь головой. Снова никакого результата. Кто-то заклинил или подпёр дверь снаружи. Ан с ужасом поняла, что это конец. Она устала, она замёрзла, она брошена кем-то, кого она даже не помнила. Ан заплакала и толкнула дверь. Она не подавалась.

— Да чтоб тебя! — не свои голосом завизжала Ан. Не могла она так умереть. Она живая, молодая, сильная, должна сдохнуть здесь? Запертая в холодном грязном сарае, обречённая уснуть и не проснуться. Ну уж нет! В её груди поднялась волна гнева, несколько секунд колебалась — и накрыла её с головой.

Ярость кипела и бурлила. Ан даже не знала, что способна на такой взрыв. Она ненавидела эту дверь, ненавидела уroda, который запер её, ненавидела весь белый свет. Попадись ей сейчас под руки Кел — разорвала бы голыми руками за то, что посмел её бросить и не прийти за ней. Ан выдохнула, сжала зубы и отошла от двери.

Первый удар не принёс никакого результата. От второго дверь хрустнула. Ан издала слабый победный клич и ударила в третий раз. Дверь открылась, и она рухнула на колени.

Ярость внутри погасла.

Вот и всё.

Ан из последних сил выползла на крыльцо. Она увидела, что дверь подпирала простая колода. Неужели она настолько плоха, что не способна была её сдвинуть с места? Она подтянулась к ступеням, и скатилась с них на землю. Ан даже не почувствовала боли. Тело словно отказывалось признавать её своей хозяйкой. Последний рывок ушёл, чтобы подтащить себя на пятно солнечного света и рухнуть среди пышной лебеды.

Ан лежала на спине и не могла даже вздохнуть полной грудью. Себя она чувствовала даже хуже, чем покойник. Тело не слушалось, а когда попало на солнце, её начал колотить мелкий озноб. Ан прикрыла глаза, чтобы их не сожгло солнце. Она лежала так бесконечно долго, ожидая, когда её тело наконец-то либо согреется, либо умрёт.

Она не умирала. Это почему-то страшно её расстроило. Ан свернулась на пятачке солнечного света и разрыдалась. Никакая она не сильная. Она маленькая, избитая, раненая, голодная и холодная. Она одна-одинёшенька на всём белом свете, никому не нужная и никем не любимая. Папа не придёт, не согреет, не накормит, не расскажет что-нибудь хорошее и не пообещает показать ей море, если она не будет плакать.

Не придёт. Кел не придёт... И папа не придёт. Не будет хорошего финала ни у Бесприютной, ни у Ан, ни как её ещё звали.

Ан лежала на голой земле и плакала. Даже когда закончились слёзы, она не могла остановиться. Так и лежала, мелко вздрагивая, когда рыдания, казалось бы, иссякшие, возвращались с новой силой.

Когда сил не осталось даже на жалость к себе, Ан просто лежала и не шевелилась.

Никто её не спасёт.

Ан лежала и, прикрыв глаза, вспоминала море. Почему именно море? Из-за холода или шума в ушах? Море. Впервые она увидела море северное. Небо закрывали сизые облака, и горизонт сливался с такими же сизыми волнами. Ан, видевшая море только на фотографиях

и видео, чувствовала себя обманутой. Какое же это море, когда ты идёшь вдали от воды, укутанная по шею в пуховик и боишься промочить ноги? А потом в разрыв между серыми облаками заглянуло солнце. И мир преобразился. То, что было серым и невзрачным, заиграло мириадами цветов. Толща воды оказалась какой угодно, только не серой. Даже бурая пена изменилась, став розовой, золотистой, голубой, зелёной. И мир изменился. Её уши слышали шум моря. Не унылый монотонный шум, а крики птиц, шелест набегающих на влажный песок волн, тихий, едва различимый звук столкновения волн о виднеющиеся впереди прибрежные камни.

Отец обещал ей чудо и дал ей чудо.

Ан улыбнулась. Потом заставила себя открыть глаза.

Солнце мелькало между редкими веточками с жидкой листвой. Солнце ещё грело. Не чудо ли? Или нет? Она не помнила ни дату, ни сезон. Да и какая разница. Папа обещал ей море и дал ей море. Папа вообще никогда ей не врал. И тогда, всего за несколько дней до, что накопил денег и приготовил ей сюрприз. Наверняка папа где-то есть и ищет её. Это была странная мысль. Ан никогда не сомневалась, что отец пережил смутные годы и ищет её. Поэтому она старалась не уходить от Города, поэтому собирала новости и слухи про тех, кто мог оказаться членами их семьи.

Но в этот раз всё было по-другому. Она внезапно почувствовала острую необходимость найти отца и узнать, что за сюрприз он ей готовил. Наверняка он тоже ищет её. Нет, он точно ищет её. Потому что это отец, и он никогда не сдастся.

А значит, она должна тоже его найти. И уж точно не помирать вот тут вот.

Это озарение подарило странную лёгкость в теле и голове. Ан перевернулась на живот и заставила себя приподняться на руках. Потом собрала ноги и встала на четвереньки. Конечности тряслись, голова кружилась. Ан сжала зубы и встала на колени. Мир перевернулся и пошёл кругом. Пустой желудок заплясал, следом боль пронзила бок, который задела тварь.

Ан устояла.

“Я сильная. Папа не стал бы врать”.

Ан вспомнила, как однажды отстала от отца, и ей пришлось переходить разлившуюся горную речку по разрушенному мосту. Кто-то перекинул через провал в центре моста несколько жердин. Они были тонкие, гибкие и ничем не закреплены. Дул ветер, внизу ревел поток. Но на том берегу ждал отец, и если она до него не доберётся, он будет волноваться, искать её и с кем-нибудь подерётся.

Она перебежала по жерди, глядя только на тот берег и не думая о бурлящем потоке из грязной воды и камней.

А сейчас что? Она стоит на твёрдой земле и ей ничто не угрожает!

Ан сжала кулаки и поднялась на ноги. Мир не пошатнулся. Боль в боку отступила.

— Вот так вот! — прохрипела Ан. Она была жива, она стояла на двух ногах, и для неё не было ничего невозможного.

Кое-как ковыляя и пошатываясь Ан обошла полянку и станцию в поисках вещей своих вещей. Её пистолет оказался на бедре и в нём было целых два патрона.

Целых два патрона! Можно попытаться кого-нибудь пристрелить.

Ан оглядела себя. Руки были тощими, под майкой выступали рёбра, грудь просела, а живот впал. Лицо на ощупь было страшно угловатым и словно шершавым. Она порадовалась, что у неё нет зеркала. На боку Ан обнаружила длинный порез и шрам. Она потыкала в него

пальцем. Бок не болел, а желудок требовал еды. Она пошарила по карманам, нашла сплюснутый и перепачканный бутерброд в носовом платке. Она запихала раскрошенное месиво в рот. Без слюны жевалось очень плохо. Желудок в ответ на еду заболел с удвоенным рвением. Ан с трудом проглотила сухой хлеб и поняла, что ей нужна вода. Она оглянулась и побрела в сторону, где, как ей казалось, был выход из парка.

Через два дня Ан кружным путём добралась до казарм. Ещё за несколько сотен метров до первого блокпоста она почувствовала в воздухе сладковатый запах серых тварей. Она пробралась за пограничные отметки и несколько дней наблюдала. Наблюдения привели к неутешительному выводу, что город захвачен, а Кела нигде нет. Часть его солдат влилась в ряды пришлых с того берега, а люди выглядели обеспокоенными только присутствием серых тварей около постов.

Ан поняла, что тут ловить нечего.

Когда стемнело, она пробралась в свою мастерскую и нашла инструменты и вещи разложенными по ящикам и готовым к вывозу. Её компьютер и жёсткие диски пропали. Кто-то тщательно упаковал её бумаги, тетради и снял старые чертежи, которые она для красоты приколотила над диваном, где спала. Даже заметки и обрывки бумажек собрали, отделив от прочего мусора.

— Вот уроды! — почти восхитилась она. Не включая света, Ан заварила себе чай и выгребла из шкафа галеты, которые, разумеется, никакой ценности не представляли. Под верстаком нашёлся её маленький неприкосновенный запас из двух пайков в бумажных пакетах и нескольких банок мясных консервов. Видимо, его тоже сочли неинтересным. Она вскрыла банку рыбных консервов и, выковыривая её содержимое, подошла к окну. Внизу двор был ярко освещён. Пришельцы добавили ещё огня. Они с Келом сэкономили.

... знать бы, где они впервые ошиблись. Кел, который молчал до конца. Она, забросившая все дела, за пределами своей мастерской.

Внизу появилась чёрная фигура. Когда она подошла к мастерским, фонарь осветил белые волосы дяди, с ног до головы одетого в чёрное. С ним шли ещё трое. Они явно были в плохом настроении. Одна из фигур была маленькой и более изящной копией дяди. Даже одежда на ней была такая же, плотная и чёрная, делавшая её фигуру плоской и невыразительной. В один момент дядя остановился и ударил спутницу — потому что это была именно она — по лицу. Остальные двое, мужчины в простой одежде без нашивок, отшатнулись. Ан запила галету чаем. Дядя замахнулся ещё раз, но не ударил. Он ткнул пальцем в одного из мужчин и отдал какой-то приказ. Указанный ударил себя кулаком в грудь и спешно сбежал.

Потом дядя посмотрел прямо на жалюзи в мастерской Ан, сквозь которые она смотрела на Совершенного. Ан не пошевелилась, допивая чай. Дядя отвернулся и ушёл со своей свитой. Ан поставила чашку на подоконник. Потом облачилась в доспехи, напихала в свой тряпичный рюкзак то, что могло пригодиться в дороге и что она могла бы донести на своей спине, и на рассвете бежала из города к Старой даче.

Уютный домик для летних выходных в пригороде был тайным местом сбора их маленького кружка эрудитов во главе с Умником. С тех пор, как тут последний раз были люди, посёлок зарос, обветшал и едва угадывался среди деревьев. Когда-то чистые поля для игры в мяч, отдыха и бадминтона заросли. Бассейн был грязен и заполнен дождевой водой. Ан перевела взгляд на дом. Кел сказал, что будет её ждать. Ждёт ли?

Ан разглядывала посёлок с ветвей могучего молдого дуба. Она просидела почти

неподвижно два дня, время от времени разглядывая в монокуляр крышу их домика.

На рассвете третьего дня, когда она уже почти решилась, показалась серая тварь. Шептуня появилась из зарослей, подошла к бассейну, высунув язык из уродливого человекоподобного лица и склонилась в поисках влаги. Через несколько секунд из зарослей появился человек и хлыстом отогнал тварь.

Они уже были тут. Ан дождалась темноты, спустилась с дерева и побрела прочь.

— Вы долго искали меня? — Ан сложила столовые приборы крест на крест. Солнце почти село, и комната окрасилась алым. Лицо Красавицы покраснело, и она стала похожа то ли на сказочное видение, то ли на порождение огня.

— Ну, не очень. Но мы старались. Когда мы собрались и решили охранять то, что уцелело в хаосе после разрушения, папа сказал, что надо тебя найти, если ты жива. Он сказал, что ты много проводила времени... ну, с Ним. И что многое у него узнала. Когда мы услышали про двух членов семьи, вернувшихся в город, он обрадовался. Он сразу понял, что один из них Кел. А если где-то есть Кел, то рядом будешь и ты.

— Мы так выглядели со стороны? Как попугаи-неразлучники?

Красавица вздохнула.

— Да, так и было. По крайней мере, мне всегда так казалось, хотя я и не понимала, что ты в нём нашла... Сколько лет прошло, Ан?

— Семьдесят, наверное. А может и сто. Наверное, — Ан не считала годы, и они слились в смазанную ленту из смены сезонов и пунктира событий разной яркости. Отказавшись от сопротивления и сбежав, она долгое время вообще не обращала на течение времени, а когда всё же решила узнать, то не смогла высчитать дату. Во всех местах, где она бывала, счёт времени вели по-своему, и, если ей не повезёт найти ещё работающий хронограф прошлых лет, она никогда не узнает, сколько ей на самом деле лет.

— Я насчитала семьдесят пять лет, — продолжила Ан, когда пауза затянулась.

— А я восемьдесят восемь. Но я почти на десять лет... пропадала. После того, как папа... Одним словом, я странствовала, прежде, чем вернуться сюда, и не очень считала время. Но даже так, прошла целая жизнь. Ты никогда не думала, что умрёшь от старости?

— Я до сих пор это боюсь, — не стала лукавить Ан.

— Дед... ну, он тебе когда-нибудь говорил, что заложил в наши тела? Вы столько времени проводили вместе. Не смотри так, уж точно больше нас остальных. Мне кажется, своих рыбок он любил куда больше нас. — Красавица чуть наклонилась вперёд и заглянула в глаза Ан. — Неужели ни разу не говорил?

— Нет. Никогда, а я не спрашивала. Тогда мне было не интересно, а когда время пришло, было уже не у кого спрашивать.

— Думаешь, мы ещё можем состариться и умереть?

— А почему нет? Может быть, мы живём просто дольше. Я не биолог и не знаю, как наши тела работают. Мои познания заканчиваются на том, что усики делятся, а когда делиться становится нечему, человек умирает. Умник, думаю, рассказал бы больше и как оно происходит на самом деле.

— Может быть, у нас эти усики просто очень длинные. И однажды точно закончатся, — кивнула сестра. — Ты так думаешь?

— Вроде того. Но у меня они закончатся раньше. Ты словно не изменилась, а вот про меня такое не скажешь, — Ан вспомнила отражение в зеркале. Можно ли назвать её постаревшей, или просто на ней сказались годы бродяжничества? Возможно, и то, и то.

— У тебя глаза прежние, — сестра взяла её ладонь в свои. — Ничуть не изменились. Я сначала подумала, что ошиблась, но глаза точь-в-точь, как я запомнила.

— Мы последний раз виделись давно.

Повисла неловкая пауза. Ан почувствовала раздражение. Разговор не клеился, и она не знала, как это исправить.

— Ты одна осталась? — решила она. Всё равно придётся вспоминать ушедших родственников, и уж лучше они, чем думать о собственной смерти. — Из нашей семьи есть ещё кто-то живой?

— Есть, но нас мало. Я. Ты. Ещё трое, с которыми мы разошлись после того, как папа... мы решили проблему с моим отцом. С тех пор я несколько раз видела их живыми, и пока не видела мёртвыми.

— Кто они?

— Ювелир, Жадина и Высотник.

— Как же мало. Где они сейчас?

— Ты их не встречала?.. Я не знаю. Правда, не знаю! Когда мы поняли, что папин разум всё больше погружается в свои собственные фантазии, испугались. По-настоящему испугались. Он возомнил себя владыкой мира, а своё мнение единственно верным. Он и раньше был такой, но... для него утратила ценность человеческая жизнь. Вообще. Или Он был прав, и для папы мы никогда не представляли особого интереса, и он просто сдерживался. Так или иначе, однажды мы начали понимать, что так продолжаться не может, — Сестра нахмурилась. Уголки её губ дрогнули. — Первым это понял Умник. Помнишь его?

Ан помнила. Когда-то в детстве он попрекал её бродяжничеством. В ответ Ан заперла его в брошенном чулане для швабр и оставила на день. Счетовод так и не хватилась сына, и вечером вполне довольная Ан выслушала извинения брата и выпустила его. На этом их близкое общение закончилось, и друзьями они так и не стали.

Ан прикрыла глаза и отрицательно покачала головой.

— Извини, едва помню его.

Сестра вздохнула.

— Жаль. А он о тебе часто вспоминал.

— Правда? И как он меня вспоминал?

— Считал, что у тебя хватило бы решимости противостоять папе.

— Прости, что? Умник... правда так считал?

Ан расхохоталась. Сестра обиженно поджала губы.

— Тебя это веселит? Мы все так думали. Ты всегда была себе на уме, знала, что тебе надо и что ты хочешь от жизни. И тебя отдали на воспитание самому свирепому и... — Красавица щёлкнула пальцами, подбирая слово, — самому безжалостному и способному на насилие из наших отцов.

— Что ты имеешь ввиду? — веселье стихло так же резко, как и пришло. Ан почувствовала поднимающийся из груди гнев. Его сменило удивление. Столько лет прошло, а она всё ещё готова кидаться с кулаками на защиту отца. Красавица не уловила в её голосе изменений и просто пожала плечами. Комната внезапно стала неприятной и даже отталкивающей, а розовая от заходящего солнца кожа сестры — на несвежее мясо.

— Все знали, что тебя сделали для Строителя, а он от тебя отказался из-за этой бездомной кошки Рем, и тебя отдали Беспутному... Ну, то есть, твоему отцу.

— Рем была хорошим человеком.

— Но просто быть хорошим человеком недостаточно. Вот что в ней было, что Строитель тебя отверг? Ум? Как простая смертная может быть умнее нас? Про остальное и

говорить нечего. Ты умнее, сильнее, лучше, но он выбрал Рем. Почему?

— Может быть, ему не нравились младенцы.

— И ради этого стоило от тебя отказаться? Не обязательно же было забирать тебя сразу из колыбели. Можно было подождать лет пять. Многие так делали, — сестра искренне удивилась. — Мне этого, наверное, не понять до конца. Ты же с ней ещё дружила. Каково было смотреть на человека, укравшего твоё счастье и улыбаться ей?

Ан пожаал плечами.

— Я никогда не думала с этой точки зрения. У меня отец есть, и другого мне не надо.

— Ты шутишь, да? Он таскал тебя по всем помойкам, куда его тянуло, и папе стоило больших усилий надавить на Строителя, чтобы тебя наконец-то поселили дома и дали образование.

— ...значит, я должна благодарить за это твоего отца?

— Разумеется.

— Тогда предлагаю больше не трогать эту тему. Мы только зря разругаемся.

Они обе недовольно уставились друг на друга.

— Так что стало с дядей? С твоим отцом?

Красавица помрачнела и откинулась на спинку стула. Вся величавая доброжелательность сползла с её лица, и Ан внезапно осознала, что Красавица тоже постарела. Или свет от почти скрывшегося солнца лёг так, что Ан разом увидела мелкие морщинки у глаз и складки около губ.

— Мы с тобой не виделись почти сто лет, и первое, что сделали, чуть не подрались из-за пустяка. Мы не меняемся, да?

— Может быть, это наоборот хорошо. Мы не так сильно изменились.

— Брось, сто лет, Ан. Мы могли сделать уже целый круг и вернуться к началу с другой стороны. Не изменились, как же! Я-то уж точно изменилась.

— Так что все же стало с дядей?

Сестра помолчала, потом пожала плечами.

— Когда стало ясно, что он обезумел, мы... в общем, мы решили что-то сделать, пока он не превратился в полное чудовище и уничтожил даже память о себе. Умник придумал какой-то план, в который нас не посвятил. Ну... я думала, он справится. Ты... должна понимать меня. Он всё-таки мой папа, кем бы не стал. Я думала, я не смогу даже подойти к нему со злым умыслом. Но Умник где-то прокололся, и однажды мы нашли его голову на помойке, под крепостью, куда скидывали мусор из кухни.

— Он узнал про его заговор?

— Да. Мы не стали ждать, что он сделает больше и... мы его убрали, — Красавица отвела взгляд и посмотрела куда-то в пустоту. На её высоком лбу пролегли морщины, и внезапно она показалась не менее старой, чем та женщина, что сегодня взглянула на Ан из зеркала.

— Мы его убрали, — повторила Красавица. — После мы решили, что больше не стоит вмешивать в то, что происходит. Мы договорились разойтись в разные страны и больше не пытаться захватить этот мир ради своих стремлений. Некоторые пообещали вообще не вмешиваться в дела людей более, чем необходимо для своего благополучия. Мы пообещали стать другими. Не такими, как наши отцы.

Ан криво ухмыльнулась.

— Ты правишь этими людьми. Хочешь сказать, ты не такая, как твой отец?

— Нет, я не такая, — серьёзно кивнула Красавица. — Я не требую от них быть такими, какими мне хочется. Я не считаю тех, кто не такой, как мне хочется, недостойным жизни. Я не спорю, я похожа на отца. Я люблю восхищение, я люблю быть правой во всём, я люблю быть выше людей. И всё же, я не такая. Я веду их вперёд, — Красавица грустно улыбнулась. — Пытаюсь. Не мы начали эту войну, но... я поступала неправильно. Очень неправильно. Я смотрела, как мир рушится. Я смотрела, как отец совершает ужасные вещи и молчала. Я смотрела, как его убивают и ничего не делают. Нет... знаешь, что мы сделали с папой? Мы... они сломали моего отца. Сломали ему все кости, содрали лицо и вбили в него колья, чтобы он не мог пошевелиться. Он кричал, а я ничего не делала. Он был чудовищем, но он был моим отцом.

— Вы его не убили?

— Мы... я... Нет. Мы не убили. Не смогли. Он со временем стал чем-то большим, чем человек. И, признаться, мы не смогли его убить. Мы спрятали его в тюрьме. Он построил тюрьму для членов семьи на брошенном мраморном карьере, где мы отдыхали. Папа не убивал отказавшихся служить ему, а прятал туда на случай, если они пригодятся.

— Мой отец тоже там?

— С чего ты взяла? — Ан показалось, что голос Красавицы едва заметно дрогнул, словно она услышала особенный вопрос.

— Просто предположила. Я так и не нашла его после. Ни следа.

Красавица несколько секунд смотрела ей в лицо, потом отрицательно покачала головой.

— Твоего отца мы не нашли. Возможно, он умер сразу же после катастрофы. Ты же сама знаешь, он умел находить неприятности на свою голову. Прости, вижу, эта тема тебе неприятна.

— Да, есть такое.

— Мерий сказал, что у тебя был спутник. Механический зверь по имени Кел.

Ан медленно кивнула.

— Да. Он сбежал после моста. Думаю, учуял дичь.

— Ты сама его сделала? — Солнце зашло, и они остались в полумраке. Ан полумрак не мешал, и сестре тоже. Мрак скрыл черты Красавицы, сделав её снова молодой.

— Сама? Нет, ты что. У меня инструментов-то нет, не говоря уже о материалах. Просто когда-то прибился ко мне... в холмах, что ли. Не помню, это было очень давно. Лет пятьдесят назад, если не больше. Думаю, его сделали ещё до того, как всё рухнуло, а у него оказалось слишком мощное ядро, чтобы отключиться со временем. До сих пор без подзарядки бегает, представляешь?

— А почему Кел? — Красавица снова придвинулась к Ан так, что они соприкоснулись коленями под столом.

— Не знаю, само на язык подвернулось. Я по нему скучала, наверное. Не знаешь, что стало с настоящим Келом?

Красавица поджала губы и не сразу ответила.

— Он согласился работать на папу, а потом... в общем, он его подвёл. Я не знаю деталей, это случилось без меня. Когда я вернулась, папа уже избавился от тела.

— Кел мёртв?

Красавица кивнула.

— Уже долгие годы. Да ты и сама же знаешь, что мёртв.

— Да, прости, забыла, что я это говорила. Жалко его. И всех нас.

— Ты жалеешь его?

Ан показалось, что сестра разозлилась. Но через мгновение Красавица потянулась вперёд и обняла её. Ан вздрогнула, когда тонкие руки обхватили её шею, и с трудом заставила себя сидеть ровно, даже когда сестра мягко поцеловала её в щёку. Красавица была мягкой, ароматной, настолько же, насколько сама Ан была сухой, шершавой и неприятной.

— К чёрту Кела. Он был мелким подхалимом, он мог только пятки лизать Ему... Оставайся со мной! — жарко зашептала сестра, вцепившись в плечи Ан. — К чёрту прошлое и что мы только что наврали друг другу. Плевать. Пожалуйста, не уходи никуда, пожалуйста! Нас осталось так мало! Я боюсь, что уже десятилетие не получала весточек ни от кого из семьи, хотя я даже не прячусь! Мой герб разве что с неба не видно! Но никто не появляется!

Ан ничего не ответила, и Красавица поцеловала её снова, в другую щёку. Потом отстранилась и схватила за руки. Её пальцы всё ещё были холодными, как лёд.

— Останься. Я одинока и беспомощна. Люди внизу молятся на меня, считают меня дочерью своего бога. Я их кумир. Но на самом деле всё совсем не так. Им плевать на меня, как отцу, только ещё больше, потому что я одна, а их много. Они выдумали себе богов, и ненавидят меня за то, что я существую. Стоит мне показать себя настоящую, и они в ярости растерзают меня за то, что я не такая, как они ожидают. Меркий, ты ведь его узнала за эти дни? Он влюблён в меня, и знаешь, сколько их таких, которые сегодня целуют мне руки и признаются в любви, а завтра забьют меня камнями?

— Так оставь их. Без своего кумира они сдуются.

— Да. Быстро. Только почему-то быстро умрёт всё хорошее, а останется плохое. С каждым годом вера в Благодетелей становится всё сильнее. Я не уничтожила их сразу, и очень об этом жалею. Папе нравилось, что они считают его богом, а мне после него... было плевать на эту кучку сектантов. А теперь посмотри, сколько власти они захватили. Если я уйду, они доломают всё, что я спасаю. Да, я спасаю. Они всё уничтожат, и окажется, что все эти годы я старалась зря.

— А ты думала, что будет дальше? — Ан нахмурилась. — Такие вещи не делаются в одиночку. Рано или поздно ты им либо надоешь, либо найдётся кто-то умный, кто сумеет от тебя избавиться.

— Поэтому останься, — Красавица схватила Ан за голову и ещё раз поцеловала, мазнув запахом роз. У Ан от запаха и прикосновений закружилась голова. Её разум метался и требовал прервать контакт с чужим живым существом, оттолкнуть и избавиться от такой ужасной угрозы. Прикосновение к незащищённому бронёй телу было угрозой, угрозой безопасности, угрозой жизни. Запах роз одурял, Ан показалось, что она падает вместе со стулом, и руки вцепились в сестру, прежде, чем Ан сообразила, что делает. Красавица наклонилась перёд, упёрлась своими коленями в её колени и снова схватила за руки.

— Что лучше, ничего не делать или попытаться? Я ждала тебя долго. Сначала Кел, потом война. Через сто лет мне выпал шанс — и я воспользовалась, — Красавица взяла лицо Ан в ладони. — И я не жалею. Чтобы ни случилось, я уже не жалею об этом.

— Я не смогу. Я же Бесприютная. Я отовсюду сбегаю и нигде не остаюсь надолго. Какая тебе будет от меня польза?

— Брось! Брось, все эти глупые клички, тайна имени. Это всё наши детские выдумки. Эти имена ничего не значат, они выдумки. Давай хотя бы попробуем. Просто попробуем. Ты всегда сможешь уйти, — Красавица прижалась губами к щеке Ан и начала покрывать её лицо лихорадочными поцелуями. Потом отстранилась и улыбнулась. — Я ждала тебя целое

столетие!

— Я сомнительная награда за сто лет ожидания.

— Я похоронила тебя уже многие годы назад. Всю семью похоронила! А сейчас ты появилась и... Ты как... как будто у меня появились крылья. Я готова выпрыгнуть в окно и взлететь.

Ан сглотнула, не зная, что говорить. Потом выдавила.

— Ты слишком хороша, чтобы так глупо закончить. И после падения ты будешь смотреться не так хорошо, как сейчас.

Красавица засмеялась этому сомнительному комплименту.

— Ты останешься со мной?

Ан кивнула и убрала с лица сестры растрепавшиеся волосы. Во мраке её лицо превратилось в сизую маску. Запах остался и от него кружилась голова.

— Ты согласна? — Красавица схватила её руки.

— Я подумаю.

Красавица улыбнулась, и ещё раз поцеловала Ан.

— Вместе мы обязательно справимся.

— Хорошо. Я подумаю и мы попробуем, — Ан серьёзно кивнула, и Красавица улыбнулась.

Тёплая и свежая кровать — великое чудо. Меркий впервые узнал эту простую истину в десять лет, когда ещё был просто мальчиком Мэттом. Он прожил первые годы своей жизни в восхитительном комфорте и сытости, и не задумывался о том, как ему повезло, пока всё не потерял.

Оказавшись на мягкой перине, он забыл обо всём. О путешествии, о пережитом ужасе. Меркий погрузился в чёрный омут без сновидений и спал всю ночь, всё утро и часть дня. Проснулся он совершенно разбитым вскоре после полудня. Солнце пробивалось через тяжёлый шторы на огромном окне во всю стену. Меркий сел на кровати и потёр глаза. Пальцы споткнулись о пустую глазницу.

Монах сгорбился и провёл пальцами по телу. Намедни его осмотрел врач и сообщил, что Меркий совершенно здоров. Об ужасе в городе и гибели каравана напоминали только тонкие полосы шрамов и пятна ожогов, которые по словам врача, он счел бы старыми травмами, если бы не слова чудесно спасшего брата. Тело монаха было здорово и не требовало особого ухода. Возможно, Прародитель был настолько милостив, что исцелил раны страдальца. Мелкий помнил слова бродяжки Ан, что та его немного подлечила, но вряд ли она была способна на такие чудеса.

В отличие от тела, душа Меркия была изранена и растерзана. Только попав в настоящую безопасность, к людям, он понял, как ему плохо. Потеря глаза казалась совершенно незначительно по сравнению с воспоминаниями о случившемся. Хотя его сознание милосердно забыло большую часть, он всё ещё помнил ужас от беспомощности, смех, перекошенные рыла тех, кто убил его братьев и схватил его самого, помнил ужас от невозможности сопротивляться, унижительную боль и ощущение скорого неизбежного конца.

Он просидел несколько минут молча, тупо глядя на падающий свет.

В чувство его привела необходимость послать весточку в родную обитель. Меркий заставил себя одеться, помолиться своим святым покровителям и поблагодарить их за спасение. Он вспомнил удивительные события вчерашнего вечера и задался вопросом, кто его спас на самом деле. Бродяжка Ан была очевидно не обычным человеком или бандитом. Что она на самом деле оставалось только гадать. Вечерняя догадка о том, что она родня Госпоже казалась абсурдной. Благородной крови не осталось, они все покинули этот мир, осталась одна Госпожа. Как бы не хотелось верить в иное, так есть и так будет до перерождения Прародителя.

Поэтому в письме в обители Меркий ничего не написал про удивительные отношения между Госпожей и спутницей каравана. Он коротко описал своё чудесное спасение и, погрызая карандаш, попросил Благодетелей быть благосклонными к Ан, когда придёт её очередь отправлять след за ними. Потом с некоторым удовольствием запечатал конверт печатью госпожи. Не смотря на то, что Госпожа намедни разрешила ему отправить свой отчёт вместе со своей корреспонденцией, его послание дойдёт не быстро. Скорее всего, его отправят обычной почтой через южную переправу и Холмы. Этот путь займёт не меньше двух недель, ответ будет идти ещё столько же. А это значит, что почти месяц Меркий проведёт около Госпожи. Хорошо есть, встречаться с интересными людьми — разве это не счастье? Особенно после года жизни в брошенной на краю мира унылой серой обители

среди молчаливых и умирающих монахов. Меркий против воли посчитал даты. Так и есть. Если он задержится на месяц, его послушание в обители закончится, и он сможет вернуться в Холмы. Если он не растеряется и приложит усилия, можно стать наставником, школьным учителем или хотя бы вернуться в качестве такового в семью.

Возможно, его будущее не совсем безрадостно.

Меркий встретился с другими братьями, обитающими в доме Госпожи. Их было трое, они жили тут праздно и бессмысленно, в основном занимаясь обновлением росписей на главной лестнице. Все трое выглядели крайне довольными жизнью и совершенно не страдающими от уединения и невнимания Госпожи, которая редко находила время для беседы с ними. Все трое, как один, норовили поговорить о чудесном спасении брата и судьбе других, менее везучий паломников. Меркий отвечал неохотно, и постарался отвязаться от них побыстрее.

Занятия для него в доме Госпожи не было, и Меркий предался праздному безделью. Сначала он спустился во двор, дабы поговорить с кухонными людьми, но ночью что-то случилось и везде около казарм и скотного двора невыносимо воняло навозом. Глаза резало так, что Меркий, когда ветер подул на него, заплакал и закашлялся. Как ему сказали, когда он спешно отбежал к задней двери дома, чистили канализацию. Меркий трижды проклял того, кто задумал это дело, получил возражение, что у Госпожи были причины для такого приказа, трижды покаялся и решил предаться безделию в огромном саду, куда запах развороченных навозных ям не долетал.

Сад начинался сразу за домом госпожи и её фруктовым садом. Большой чистый пруд в насыпных берегах окружали дорожки, газоны и аккуратные деревья. Меркий обошел пруд. Когда-то здесь стояли дома. Между деревьями виднелись остатки фундаментов, в декоративном гроте угадывались бетонные очертания, уже виденные Меркием в Городе. То тут то там среди деревьев попадались остатки фундаментов и даже куски целых бетонных стен, спрятанные или выставленные на обозрение, если удавалось придать им живописный вид.

Небо, до этого долго заливавшее землю водой, теперь сияло. Меркий встал около пруда и смотрел то на небо, то в воду, наслаждаясь отражениями стремительно несущихся рваных облаков. Меркий был в состоянии, почти близком к счастью и умиротворению. Будущее, каким бы оно не должно было случиться, его не волновало, а прошлое казалось как никогда более далёким и неважным. Он против воли коснулся пустой глазницы, но почувствовал лишь лёгкую грусть от того, что часть его мира стала темной.

Чудесное умиротворение могло продолжаться долго, если бы не появление совершенно неуместного в этом райском месте предмета.

Механический зверь Кел темным пятном на светлой бесконечности мира спустился по гравийной насыпи берега и зашел в воду почти по брюхо. Меркий подумал, что зверь охотится, но утки оставили Кела равнодушным. В ясном солнечном свете были видны все детали чудовища. Некогда чёрная броня была покрыта царапинами и сколами. Между пластин виднелись серые мышцы, точь-в-точь, как если бы кто-то освежевал настоящего медведя. Словно заметив его взгляд, Кел повернулся и посмотрел на Меркия горящими желтыми глазами.

— Привет, — пробормотал Меркий. Его улыбка и хорошее настроение угасли, сменившись беспокойством. Механический зверь был размером с самого настоящего медведя, создавался для убийств и Меркий не был уверен, что он обладает разумом. Ан

отдавала ему команды, не используя никаких талисманов или особых движений. Тогда Мелкий счел, что зверь разумен, а сейчас внезапно решил, что бродяжка Ан могла отдавать ему приказы одной лишь силой мысли.

— Привет, как дела? — повторил Меркий. Железный зверь отвернулся и принялся мочить свою морду в воду, словно пытался понять, что это такое и почему в нем все отражается. Меркий сглотнул и оглянулся.

Ан сидела на солнечной стороне бетонных руин в стороне, откуда спустился Кел, запрокинув голову и подставив лицо с закрытыми глазами ветру. Она была без доспехов, в простой солдатской одежде не по размер. Меркий неожиданно отметил, что бродяжка очень высокая и тощая, почти истощённая. При ясном свете дня она снова показалась ему старой. Впечатление усугубляли глубоко запавшие глаза. Ровные, пересекающиеся под прямыми углами шрамы вокруг рта и на щеках выглядели пугающе.

Меркий моргнул и обнаружил, что бродяжка открыла глаза и смотрит на него. Он поспешно приложил руку к сердцу и вежливо поклонился. Ан кивнула ему и снова закрыла глаза. Железный зверь вышел из воды, по-кошачьи отряхнулся и вернулся к хозяйке. Он потянулся и развалился у основания руины, на которой сидела бродяжка. Меркий замаялся, не зная, идти дальше, сделав вид, что продолжает прогулку или все же подойти и заговорить. Вот только о чём?

— Я не знал, что вы с госпожой знакомы, — подумав, он все же решил, что спасшая его шкуру женщина заслужила хотя бы благодарность. — Я смущён, что в моей судьбе поучаствовала такой значительный человек.

— С твоей госпожой многие знакомы, не только я, — пожала плечами Ан.

— Но не все оказываются у неё за столом и не всех она называет друзьями.

Ан странно посмотрела на него. Уголок её губ дрогнул.

— Мы старые знакомые. Можно даже сказать почти что родственники.

— Тем более. Сам Прародитель послал тебя ко мне!

— Не думаю, что меня кто-то к тебе посылал. Это была случайность.

— Случайности никогда не бывают случайны. За ними всегда стоит воля Прародителя.

Ан приподняла брови.

— Если я сейчас сломаю тебе шею и уйду, в чём будет заключаться воля Прародителя?

Меркий открыл рот, увидел, как Кел поднимается на ноги и поворачивается к нему, и сделал шаг назад. Это страшно развеселило Ан.

— Он не тронет тебя, не бойся. Можешь не отвечать, вопрос был риторическим.

— Я не...

— Забудь. Гуляй дальше, не буду тебя отвлекать.

— А вы так и будете тут сидеть? — брякнул Меркий. Ан пожала плечами.

— Возможно. К тому же чем мне тут ещё заняться, отсюда меня вытравили этой вонью.

— Что? Тебя?

— А, забудь. Иди куда шел, — она вернулась к разглядыванию разглядыванию изнанки своих век. Кел кляцнул челюстями в подобие зевка и повернулся к Меркию задом.

Монах немного помялся на месте, не зная, что делать. Ан вполне открыто отказалась от разговора, а он не знал, что сказать. Поэтому Меркий ещё раз поблагодарил за своё спасение и поспешил вернуться в дом.

В доме Госпожи Меркий мог ходить, есть и ничего не делать. Предполагалось, что он должен был бы присоединиться в ежедневных трудах к своим братьям-монахам.

Но Меркий вместо этого направился в библиотеку Госпожи. Во-первых, там было тихо. Братья в этом доме были не большими любителями священных книг, потому что, как он успел убедиться, их мудрость мало кого интересовала. Во-вторых, Меркий хотел заглянуть в одну книгу и проверить свои догадки.

По его просьбе два библиотекаря вынесли ему на стол Деяния в красивом белом переплёте. Меркий пролистал первые девять песен и остановился на десятой, в которой перечислялись вся Благородная Кровь. Прародитель, его дети, Благодетели и Проклятые, и их дети. Меркий никогда не задумывался, почему в песнях перечисляются только три поколения детей, считая, что это из-за того, что Благородная Кровь была разбавлена людской, и младшие потомки их бога стали ничтожными и рассеялись по миру. Его наставники считали, что вся Благородная Кровь отправилась следом за Прародителем. Говорили, что это всё чушь, и что четвёртого поколения в то время просто не существовало, а когда оно появилось, то великие времена подвигов и свершений прошли.

Меркий быстро пролистал страницы с именами Благодетелей. Бродяжка кто угодно, только не они. Список Детей он читал внимательно, примеряя каждое описание на бродяжку Ан. Меркий сам не знал, с чего он возомнил, что она одна из Детей. Разумеется, ни одно описание Ан не подошло. Да и разве можно сравнить бродяжку с благородными героями уже ушедших времён?

Оглянувшись через плечо, Меркий воровато открыл список Разрушителей. Ан не была героем, но и не производила впечатления чудовища. И всё же он прочитал список обоих поколений Разрушителей.

Ан, разумеется, в нём не было. Точнее, не было никого, кто бы подходил под ее описание. Мог ли ребенок Разрушителя раскаяться и стать простым странник? Возможно. Возможно, что священная книга... нет, не врёт. Не точна. Книги записывались после войны и краха прекрасного старого мира, и те, что их записывали, из простых человеческих страхов и радостей, изобразили Благородную кровь лучше и хуже, чем они были на самом деле.

Меркий с лёгким трепетом подумал, что Госпожа может быть вовсе... не такой, как он думает. А какой-нибудь другой. Неважно какой, ощущение тайны размыло привычный ласковый образ и складывалось в контуры чего-то зловещего.

Нет, это решительно невозможно.

Он захлопнул книгу.

— И как, интересное чтение?

Он вздрогнул. Чуть в стороне от него в тени, прислонившись к стене и сложив на груди руки, стояла бродяжка Ан. Она была по-прежнему в своей простой одежде и высоких шнурованных солдатских ботинках.

— Да, — не сразу собрался с ответом Меркий. — Священные книги не могут надоест. Оставить её тебе?

— Нет.

— Зря, там много мудрости...

— Спасибо, мне и так неплохо живётся. Повторял списки своих божественных патронов?

— А, нет...

— Я видела список. Дети Разрушителей. Искал кого-то конкретного? — бродяжка Ан присела на один из металлических столов для чтения. Сейчас она показалась ему совершенно другой, нежели в парке. Меркий не мог полностью сформулировать свои

ощущения от произошедшей перемены. Он только сейчас наконец-то понял, что до встречи у госпожи ни разу не видел подругу Осана без шлема или хотя бы без её маски, которая не закрывала только глаза. Вблизи в человеческой одежде она выглядела слишком материально и совсем не пугающе, если не считать, что была выше него на голову и сильнее даже без своих доспехов. И всё же в ней было что-то совершенно неправильное. Если не считать сетки шрамов на подбородке и щеках, её кожа была совершенно гладкой и ровной. Никакие болезни не оставили на бродяжке своего следа. Хотя она накануне показалась ему старше, у неё не было старческих морщин. Меркий сглотнул. Бродяжка Ан была похожа на Госпожу и одновременно нет.

— Не знаю, — соврал Меркий, закрывая книгу. Ему стало очень не по себе от этого взгляда. — Оставить её тебе? Это хорошая книга!

— Обойдусь, — Ан прошла мимо него к книжным полкам.

— Не стоило рассказывать о тебе госпоже, — пробормотал Меркий. Ан оглянулась и приподняла брови.

— Прости, я... так, ничего серьёзного, — он схватил книгу в охапку и выбежал прочь.

Вечером на Ан подралась с одним из солдат Госпожи на засыпанном песком парадном дворе замка, куда из-за вони перебрались солдаты. Меркий, увидев это зрелище из окна третьего этажа, перепугался, что ему придётся отвечать за выходку бродяжки перед Госпожой. Потом он заметил, что стоящие вокруг солдаты не вмешиваются в происходящее, а Ан, заломав мужчине за спину руку, отпустила его, и он не попытался ударить её вновь. Это просто тренировка. Меркий зажмурился и привычно поблагодарил Благодетелей за то, что хранят его.

Ан вступила в бой с ещё одним солдатом. Меркий не очень удивился, когда она быстро повалила его на землю.

Поразившие его поведение Госпожи теперь казалось не таким уж и странным. Мысль, что бродяжка Ан может быть благородной кровью, и вовсе глупой. Он самый настоящий дурак. Ну, какая она благородная кровь? Нет, она не благородная кровь. Она родственница по матери. Вот и всё объяснение.

... вот только Госпожа родилась не меньше сотни лет назад. Разве Ан, если бы была смертной роднёй Госпожи, дожила бы до этих дней? Меркию от таких мыслей стало беспокойно. Ему вспомнилось странное поведение Ан в разрушенном Городе. Он словно заново увидел её лицо и равнодушные светло-голубые глаза, когда она коротко бросила "Давно" в ответ на его вопрос, когда она бывала на этом берегу. Давно. Она не знала, что на этом берегу всеми землями правит Госпожа. Сколько же лет её здесь не было? Наверное, Ан очень старая, но хорошо выглядит. Меркел успокоенно выдохнул. Если ей лет пятьдесят, то, конечно, это всё объясняет. Она могла быть родственницей Госпожи. Она старая, просто очень хорошо сохранилась.

На краю зрения блеснуло серебром. Маркий вздрогнул и повернулся. Госпожа подошла к нему совсем тихо. Если бы не падающий на её белые волосы луч света, он бы так и стоял столбом.

Меркий низко поклонился.

— Не стоило, — улыбнулась Госпожа, когда он выпрямился.

— Я буду вам кланяться, пока моя спина не деревенеет, а колени не перестанут гнуться, — вполне искренне сказал Меркий.

— Я верю. Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, госпожа, я словно заново родился.

— Славно. Я рада этому. Было ужасно потерять в городе столько хороших людей. Хорошо, что Ан смогла спасти хотя бы тебя.

— Да, ваша эм...

— Мой старый друг, которого я долгие годы считала мертвым. И Ан не Разрушитель, можешь не беспокоиться на этот счет, — надо было быть идиотом, чтобы не понять, что милостивая госпожа не очень довольна выбранной темой.

У Меркия спина покрылась испариной, и он опустил взгляд.

— Я не...

— Она сказала, что ты днем повторял списки Разрушителей, и ее это изрядно позабавило. Но я даю тебе свое слово, что она не Разрушитель. Она просто мой старый друг.

— И друг мастера Осана.

— Да. Удивительно, как иногда переплетаются наши пути. Но не бери себе это в голову. Отдыхай, ты заслужил передышку после всего случившегося с тобой, — она повернула голову и посмотрела на происходящее во дворе. Сияющая улыбка на её лице угасла. Она поджала губы, словно о чём-то размышляя. Маркий заметил у неё на щеке тёмное пятнышко, и точно такие же на изящных пальцах. Пахло от госпожи не духами, а чем-то сладким. Запах вызвал в нём воспоминания о Городе, а Меркий трижды проклял навозную вонь, которая одолела даже божественное тело Госпожи.

— Вас что-то тревожит? Я могу вам чем-нибудь помочь?

— А? — Госпожа подняла на него взгляд своих прозрачных лиловых глаз и снова улыбнулась. — Вспомнила о лежащих на моих плечах заботах, мой друг. Иногда я о них забываю, а иногда никак не могу выкинуть из головы.

— Если я могу помочь...

— Нет, всё в порядке, — Госпожа широко улыбнулась и положила руки ему на плечо. — Отдыхай, мой друг Мэтт, пока наш Создатель к тебе милостив. Впереди у нас много забот, к которым надо подготовиться. Береги себя, мой друг Мэтт.

Умник, как всегда, опоздал. Ан уже решила было, что он всё-таки её обманул. Или дядюшка раскусил его план. Всякое могло быть. Умник очень рисковал, начав её искать. Признаться, он был полным кретином, а не умником, когда начал яко бы незаметно распускать слухи, что он ищет именно её. Если бы Ан не было в городе, то дядя рано или поздно узнал о его самодеятельности, и дураку не поздоровилось бы.

Ан колебалась, подозревая в этом неуклюжем зове ловушку дяди. Но, после одной находки, всё же позволила себя найти, позволила втянуть в заговор, а теперь просидела в засаде лишние четверть часа. Когда Умник, с шумом и оханьями, прорвался на полянку, волоча за собой что-то тёмное и массивное, она уже была готова уйти.

Брат подтащил тёмное четвероногое к своим ногам, оглянулся и позвал её. Она не отозвалась. Этот слабак обещал вернуть ей Кела. Живого. “Изменённого”, как сказал он. Ан была готова ко многому, но четвероногий зверь у ног брата не был похож на Кела. Дорогой братец решил её обмануть? Значит, виноват сам.

Умник позвал её ещё раз. Ан прислушалась. Он правда пришел один. Что ж, она рискнёт.

— Не ори, — она вышла из темноты за его спиной. — Сколько тебя можно ждать?

— Он упирался, — даже в слабом лунном свете фонаря брата было видно, что он запыхался и покраснелся. Умник не отличался крепким телом, и теперь по его круглому лицу катился пот. Ан перевела взгляд на зверя. Здоровенный четвероногий полумедведь, полулев с желтыми горящими глазами. Заметив её внимание, он раскрыл пасть с чёрными алмазными клыками и ударил себя по боку хвостом.

— Это что? — тихо спросила Ан и кивнула на зверя.

— Кел, — выдохнул брат. — Как я и обещал.

— Вот это? — тихо уточнила Ан. Она даже не удивилась. Вообще ничего не почувствовала, ни радости, ни разочарования.

— Да, — Умник, похоже, искренне не понимал, почему она не радуется. — Ну, да, он. Я же сказал, что он его изменил!

— Хочешь сказать, что это — Кел?

— Ну да, да! Он... Короче, когда дядя его поймал, Кел сказал ему, где тебя найти, но... — Умник закашлялся и смутился.

— Говори уже всё.

— Кел указал на место, где оставил тебя. Какая-то яма в лесу. Дядя отправился туда лично, но не нашел тебя, и решил, что Кел его обманул. Поэтому он... занялся с ним противоестественными вещами. Он... я не знаю точно, но то, что осталось от Кела он поместил в камень-душу и отдал Механику, чтобы он с ней что-нибудь сделал.

— Душу. В сердце-камень, — тихо уточнила Ан. — А где его настоящее тело?

— В доме... но там от него мало что осталось, — до Умника, наконец, начало что-то доходить. — Сестрёнка, Ан, мы правда не знали, что он творит, а когда узнали...

Ан отвернулась. На душе у неё не осталось никаких эмоций. Их там уже давно не было, но теперь не осталось даже следов. Её руки и ноги онемели.

— А я скажу, что вы сделали, когда узнали. Вы испугались за свои шкуры. Он ведь начал убивать не только тех, кто ему не подчинился, но и членов семьи, верно? Не только Кела, а

кого-то ещё, из тех, кто подчинился ему. Кого он убил из вас? Ну?

— Н-никого, — врать у Умника никогда не получалось. — Правда, никого.

— Тогда мне стоит навестить Механика, — Ан вспомнила выкинутую на помойку дома голову. Узнать по ней брата было сложно, но Механик ещё в той жизни заменил свои глаза на многофункциональные импланты, которые нельзя ни с чем перепутать. Ан всегда презирала его за эту слабость. Было в этом стремлении заменить плоть железом что-то слабое и очень жалкое. Трусость и боязнь боли.

Но голова Механика навела её на размышления, которые в итоге привели её к решению выдать себя брату.

— Раз он изменил Кела, значит, сумеет вернуть его душу в тело, верно?

Глаза у Умника забегали. Заговорщики выбрали очень неподходящую фигуру для переговоров.

— Как ты думаешь, если я приду к нему и расскажу, что ты мне предложил, он вернёт Кела?

Глаза Умника стали круглыми, как блюдца. Ан сплюнула на землю и взяла Кела за повод. Зверь бесшумно поднял морду и посмотрел на неё. Она в ответ уставилась в желтые глаза. Простые горящие стекляшки. Это не Кел. Не её глупый и чванливый кузен.

И Кел никогда больше ей не встретится, никогда не появится в её жизни, никогда не обнимет, не расскажет глупую историю, не согреет, не будет приносить ни радости, ни огорчения, ни горя.

Ан сначала верила, что Кел не смог вернуться за ней. Потом поняла, что дядя сумел его поймать. Думала, что глупый братец где-то в темнице или служит дяде. Думала, что Умник на самом деле предлагает что-то стоящее. Кел ведь стоил того, чтобы убить обманщика Совершенного.

— Сделка не состоялась, — Ан почувствовала дрожь в пальцах. Дышать стало трудно. — Попробую заключить её с кем-то другим.

— Ты не посмеешь! — Умник сделал шаг к ней и споткнулся. Ан презрительно посомтрела на его растянувшуюся по земле тушу.

— Посмею. Не стоило меня обманывать. Братец.

— Ты же его ненавидишь! Он твой враг! После всего, что он сделал с тобой, с братом, с... со всеми! — прохныкал Умник. Ан присела перед ним на корточки.

— Ну да. И что с того?

— Мы же против него! Мы твои союзники!

— Кто сказал тебе такую глупость? А ещё умником назвался.

— Он убил Рем! — прорыдал брат. — Он убил этого подкидыша. Ты это знала? Он нашел её и Строителя, и убил обоих. Я видел это! Я стоял рядом и видел всё собственными глазами, — проорал брат. — Вот этими вот глазами! Веришь? Всё ещё хочешь к нему идти?

Ан посмотрела на Кела, потом размотала свой шарф. Перед глазами стоял алый туман, а в голове бешено, как колокол, стучал пульс.

— Я помогу тебе. Я проведу тебя в дом... это настоящая крепость, ты сама не пройдёшь. Но я помогу тебе. Я дам тебе мсть, Ан. Я знаю, что ты любила их. И за отца отомстишь! Он его мучил! Он... Пожалуйста, я не хотел тебя обманывать!

Ан в долю мгновения скрутила шарф и накинула жгут на голову Умника прежде, чем он опомнился. Братец закричал, но воздух в его лёгких быстро закончился. Ан молча затянула жгут на шею брата. Умник бился, но он был слаб. Всегда. Самый слабый из всей семьи. Даже

хрупка Красавица смогла бы сделать большее, чем поцарапать ей голые руки.

Умник долго дёргался. Когда он обмяк, Ан оттащила его с полянки, потом размотала шарф и вернула на плечи. Кел, неторопливо ходивший за ней, неожиданно толкнулся широким холодным лбом ей в ладонь. Ан погладила его большой широкий лоб, как если бы он был живой собакой. Он и был почти живым: Ан слышала неуловимое движение огня в его сердечнике и за стеклянными глазами. Потом она посмотрела на тело Умника. Ан увидела только торчащие из зарослей ноги брата в мягких ботинках. Простые неподвижные ноги человека. На этих ногах он меньше часа назад пришел сюда.

Сердце бешено заколотилось, на этот раз от панического страха. Руки затряслись, а дыхание спёрло. Что она наделала? Ан с трудом заставила себя вздохнуть и спрятала лицо в коленях. Не сейчас! Она не имеет права раскисать! Она успеет подумать о том, что случилось с Келом потом. Когда-нибудь. Когда она будет готова. Это невозможно, вернуть брата, но... она попробует найти способ. Потом. Когда-нибудь. А пока надо уйти. И узнать, что стало с отцом и о чём сказал Умник до того, как она... она... как она его убила.

Утром, на рассвете, прежде чем покинуть город, Ан подкинула голову Умника на помойку, в ту же кучу объедков и дерьма, где нашла голову Механика. Уже позже она узнала, что тем же днём Совершенный был убит в своих покоях. Говорили, что убила его дочь. Много чего говорили. Но Ан было наплевать. Она не смогла найти способ вернуть Кела в его тело — его уничтожили, когда восставшие сожгли Дом.

Дом чуть на отшибе от поселка выглядел, как старая черепаха с прогнувшимся грязным панцирем. Ночью в неясном свете молодого месяца, он показался бесформенным чудовищем, решившем сдохнуть рядом с людьми. В кабаке Ан посоветовали не обольщаться неказистым внешним видом строения и не соваться внутрь, в красках расписав все, что с ней сделает хозяйка дома. Мол, может быть, съест, а может быть, вывесит, как предыдущих глупцов, на своём заборе. Тогда, как рассказали Ан, пришлось отправлять к безумной старухе целую делегацию с просьбой уважить местных и разрешить снять трупы, которые страшно воняли на летней жаре.

Ан поблагодарила за совет и перевела тему. Потом обошла дом, ища прорехи в заборе. В одном из окон она заметила мелькнувший огонёк солевой лампы. Подходы к крыльцу были завалены самым разным хламом, и Ан ушла.

Утром она перепрыгнула через забор и открыла калитку для Кела. Двор был неопрятным и безжизненным. Скотину хозяйка не держала, зато натащила самого разного хлама. Здесь стоял старый автомобиль без покрышек, за ним за прислоненными досками угадывался кузов автобуса.

— Эй, хозяйка! — Ан встала посреди свободного пятючка двора и подняла руки. — Надо поговорить! Отзовись!

Ответом была тишина. На дворе не было ничего живого, если не считать трёх лениво дремлющих на нагретом шифере кошек и копошащихся по горами мусора мышей. Ан велела Келу поискать другой вход и поднялась на когда-то красивое крыльцо с террасой для чаепития. Теперь вместо стола стоял трёхногий пластиковый стул, на нём горшок с чахлой петунией, а за ним — грязные пластиковые бидоны. Дверь в дом была не заперта, и Ан без проблем вошла внутрь. Кел, не найдя других путей, мягко поднялся на крыльцо следом и сел на порог.

Внутри дом выглядел ничуть не лучше, чем снаружи. Наклонности тётушки, вызывавшие в былые времена лишь насмешки и сожаления, явно перешли все границы разумного и превратили дом в помойку. Вдоль стен стояла самая разная мебель: шкафы, стулья, табуретки, какие-то полочки. Каждая свободная поверхность оказалась заставлена пыльными стопками коробок, тюков, одежды, старых журналов и каких-то обломков. Обои покрывала грязь, паутина и ряды декоративных тарелочек, плетеных панно, ковриков и рамок. Ан потеряла стекло одной из рам и обнаружила, что она пуста.

— Хозяйка, надо поговорить! Тётя! — Ан заглянула в кладовую за ситцевой занавеской. Ничего, только завалы из коробок и старой техники. Ан отвернулась от кладовой и поднявшегося в воздух облака пыли.

Комната, куда она прошла через коридор из мусора, была похожа на кухню, и здесь же встретились первые следы хозяйки дома. Керосиновый примус стоял около окна, настолько грязного, что утренний свет через него почти не проходил. На широком обеденном столе стояли стеклянные банки и несколько сложенных друг в друга дырявых кастрюль. Столом тоже не пользовались, только уголок был расчищен от хлама, рядом же стоял почти свободный стул.

Ан посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж. Вряд ли это шаткое строение выдержит ее вес или тушу Кела. Зверь держался чуть позади неё в коридоре. Железный бок

задел стопку барахла на табуретке, и она с невообразимым шумом рухнула на пол. Ан вздрогнула. Поднялось облачко пыли. Кел покрутил мордой и, получив её молчаливый приказ, попятился назад и лёг около чулана.

— Тётя? — Ан положила на край стола свою сумку. В доспехах посреди всех вещей она чувствовала себя очень неудобно. Случись что, она не сможет толком двигаться, не рискуя споткнуться или вовсе оказаться под завалом.

Тихо скрипнула ступенька лестницы. Ан замерла, потом, когда скрип раздался снова, развела руки в сторону и медленно повернулась к чёрному проёму в ковре из рамок и панно.

Из темноте появилась женщина. Ан не ожидала увидеть то, что увидела. Это была старая, сухая и очень серая женщина в многослойной старой одежде, как будто она страшно мёрзла. Маленькое лицо сморщилось, глаза близоруко щурились, а тощие руки едва держали тяжелое охотничье ружьё. Оружие тоже выглядело очень старым и неухоженным.

Ан ожидала увидеть вовсе не... такое.

— Ты кто? — хрипло спросила женщина.

— Добрый день, тётушка. Я Ан. Бесприютная. Помните меня? — она медленно подняла раскрытые ладони на уровень плеч.

— У Ан было человеческое лицо. Снимай эту морду.

— Только опустите ружьё.

— Да сейчас, разбежалась!

— А если вы выстрелите? — Ан чуть повернула голову, чтобы лучше разглядеть ружьё. Ей показалось, или спускового крючка нет?...

— Снимай я сказала!

За спиной тёти появилась массивная тень бесшумно вставшего на ноги Кела. Мигнули желтым глаза. Ан молча сняла шлем, потом маску.

— Вот видите же.

Жадина молча прищурилась, потом достала из кармана своего халата очки и нацепила их на нос.

— Я так сильно изменилась?

— Да как будто я тебя много разглядывала, — тётушка опустила ружьё. — Что у тебя с лицом?

— Простите?

— Шрамы. Ты на сетку для барбекю упала, что ли?

— А, это, — Ан провела когтем латной перчатки по подбородку. — Это шрамы. Чтобы меня никто не узнал. Сами знаете, времена ныне безобразные, никакого уважения. Дома у меня нет, репутации тоже, вот и приходится выглядеть так, чтобы первыми не лезли.

Тётя пожевала губами.

— Ты жива.

— Как видите.

— Мне наплевать, если честно. Живи, мне не мешаешь. Чего ты тут забыла? Мне никто не нужен.

— Просто проходила мимо, услышала о вас и решила зайти. Вы мне всё-таки не чужая. Я рада, что встретила кого-то из семьи.

— Не взаимно. И многим ты о себе разболтала?

— Что я ваша родственница? Никому, разумеется. Тётушка, я не с пустыми руками.

Давайте я все покажу, а вы уже решите, гнать меня вшаей.

Жади́на прищурилась и скривила губы. Из щели рта показался белый сухой язык, а глаза часто заморгали. Тётя с трудом сглотнула и кивнула. Ружьё медленно, очень медленно легло на стопку старых газет рядом с тётей.

— Показывай.

Ан принесла с собой несколько хрустальных стаканов, кусок цветного стекла, три ложечки с изображением всадника на черенке и большой никелированный чайник. Всё было чистым, блестящим и безумно дорогим по нынешним временам. Кое-что было честно куплено, кое-что честно заработано, кое-что досталось не очень честно, а ложечки она украла.

Тётушка перебирала вещи, пробовала их на зуб и гладила, как живых.

— Рада, что вам нравится, тётушка.

— Спасибо, милая, — Жади́на взяла на руки большой чайник. — Ты всегда была хорошей девочкой, в отличие от твоих кузенов и... — она поджала губы. Потом поставила чайник на стол. — Почти такой же хорошей, как мой мальчик.

Тётушка переставила несколько банок на буфете и водрузила на освободившееся место чайник. Потом передумала, составила банки со стола на пол и поставила чайник рядом с примусом.

— Усаживайся, милая, я тебя чаем угощу, — ворковала Жади́на, копошась в своём барахле.

— Спасибо, тётушка. Я обрадовалась, когда узнала, что кто-то из семьи жив. Я думала, я вообще одна осталась, — Ан оглянулась в поисках места, потом вздохнула и села прямо на стопку каких-то тряпок на табурете. В громоздких доспехах среди множества давно никому не нужных вещей она чувствовала себя неуютно. В доме пахло пылью, сыростью и чем-то, что Ан никак не могла вспомнить, но что ассоциировалось у неё с погребями, затхлостью и заброшенностью. Всё её существо требовало немедленно убраться отсюда.

Ан посмотрела налево, на тётушку около буфета, потом направо, на стол. Кел по её приказу снова лёг так, что слился с тенями коридора. Только поблёскивали жёлтые глаза.

Глядя на тонкие руки тётушки Ан не удержалась и всё же достала из сумки три банки с консервами. Не старые. Севернее этих мест снова научились делать закатки. Тётушка угощению страшно обрадовалась, одну, меньшую банку с речной рыбой открыла, остальные припрятала в буфет. За приоткрывшейся дверцей Ану видела стопки жестяных банок, на части которых ещё сохранились бумажные этикетки. Вот и поддавайся жалости.

— Ну как же так, никто не остался! Должен же был остаться кто-то из наших. Вот про тебя я не знала, милая, а ты появилась. Наверняка кто-то из наших ходит ещё или живёт где-то далеко, как Ювелир, — Жади́на достала из буфета старый жестяной чайник и, потеряв бок, водрузила его на примус. Потом налила воды из пластиковой баклажки и разожгла огонь. Запахло бензином. Ан с трудом удержался от того, чтобы не поморщиться.

— Ой, вы знаете, где Ювелир? Я про него ни слова не слышала, даже про вас узнала тут случайно. Мне сказали, что тут живёт коллекционер, и что я могу вам продать вот это всё. А я послушала и поняла, что тут живёт не просто-то коллекционер, а именно вы.

Тётушка хихикнула.

— Коллекционер, говоришь? Да, мне иногда приносят вещи на продажу. Последнее время всё меньше, я уже не такая, как раньше, плохо вижу. Глаз уже не тот, совсем не тот... Хм, о чём это я? Ах да, чай, милая, я напою тебя чаем. Ты лучше расскажи, где ты была, что

о тебе ни слова, ни весточки не было. Говоришь, никого из семьи больше не встречала?

— Да, уже очень долго не встречала. Я с тех пор, как ушла из города, никого не видела. Я там с Келом жила какое-то время. Я ждала, когда мой папа объявится. Потом Кел мне надоел, мы поругались, и я ушла на юг, где потеплее.

— Хм... — тётушка достала маленькую жестянку и вытрясла из неё несколько чёрных крупинок в ладонь, пересчитала, и ссыпала в чайник.

— Я потом узнала, что очень сглупила. Оказалось, что буквально через несколько недель в Город вернулся Совершенный... Вы же помните дядю? И с ним ещё много кто.

— О да, я слышала об этом, — тётушка пососала палец, внимательно разглядывая Ан сквозь очки.

— Вас с ним не было?

Жади́на слишком резко поджала губы и бросила:

— Не было.

— Эх. Жалко. Я вот по глупости тоже ушла. Вы слышали, дядю убили несколько лет назад, и всё, что он делал для людей, рухнуло. Так жалко. Я слишком поздно вернулась в Город и узнала обо всём. Как вы думаете, тётушка?

— Да мне-то откуда знать? — Жади́на поставил чайник на примус и вернулась к буфету. — Милая, прибавь огня, пожалуйста. Я сейчас тебе что-нибудь вкусное найду!

Ан потянулась вперёд, на мгновение отвернувшись от буфета. Пока она крутила грязную ручку примуса, на краю её зрения хлопнула дверца буфета и что-то металлически стукнуло о дерево. Когда Ан выпрямилась, тётушка уже прикрыла таинственный предмет тряпьем, некогда бывшем рушниками, и перебирала плоски за стеклянными дверцами.

По приказу Ан Кел подполз чуть ближе.

— Так что я всё брожу, нигде не останавливаюсь, — протянула Ан.

— И что же, решила у меня осесть?

Ан представила, что ей придётся жить в этом доме, и ей стало плохо. Потолок словно стал ниже, а из-под стола, где стояли ряды грязных банок и каких-то коробок протянулись невидимые руки и вросли в её тело.

— Нет. Я не посмею вас стеснять.

Тётушка одобрительно кивнула и достала плоску с несколькими пыльными сухарями внутри. Ан не была настолько голодна, чтобы брать это в руки. Следом на свет появились две чашки без ручек. Тётушка наклонила их к свету и оглядела, потом плюнула на свисающий с рукава лоскут и протёрла обе чаши.

— Я лучше ещё поищу наших, — вполне искренне озвучила свои планы Ан. Она взяла стакан и сглотнула. — Вы сказали, что Ювелир жив.

— Разве? Должен быть жив, я видела его. Когда-то. Ой, не помню, когда, но он приезжал и заходил ко мне. Он мне нарисовал моего мальчика на листке, — внезапно прослезилась Жади́на. — Он как живой вышел. Твой братец сказал, что они с моим мальчиком дружили, хотя он мне никогда про своих друзей много не рассказывал. А ведь я была его мамой! Ох, будь проклят тот чёртов день и эта безродная сука, — со внезапной яростью прошептала Жади́на. — И почему, почему, почему именно мой мальчик?!

Жади́на разрыдалась. Ан открыла рот и закрыла. Такой вспышки она не ожидала и не представляла, что делать. С тех пор, как умер Боец, прошли долгие годы. Как казалось Ан, способные залечить любую рану. Её собственная рана, нанесённая Келом уже почти зажила. Братец, принёсший ей столько горя и сделавший столько добра, стал её прошлым. Грустным,

от того, что на глаза Ан всё время попадался Кел нынешний, но всё же прошлым. Разве что воспоминания о Рем и отце... Если только они. Если подумать, то всё же у неё были раны, которые тоже так и не зажили.

— Это было ужасно несправедливо, — Ан протянулась вперёд и осторожно коснулась плеча тётки рукой в латной перчатке. Тётушка выпрямилась и неожиданно зло уставилась на Ан.

— Я просила его убить эту сучку! — прорычала Жадина и швырнула на стол вазочку с засохшим вареньем. — Но что значит мой сын для этого чёртового вершителя судеб!

Ан не нашлась, что сказать.

Тётушка несколько раз вздохнула и выдохнула. Потом скупно улыбнулась.

— Вы сказали, что Ювелир к вам заходил.

— Ну да. Заходил. Ещё брошку подарил. Представляешь, он всё ещё их мастерит. Не из золота, как в лучшие времена, но тоже красиво. Если хочешь, покажу её тебе.

— Буду очень рада, тётушка. А где брат сейчас, вы не знаете?

— Как же, знаю... А нет, не знаю. Он сказал, что уйдёт вниз к побережью, а там обоснуется около вашего, ну, детей, места отдыха. Сказал, что там людей нет, и ему будет хорошо. Обещал прийти проведать меня, но всё никак не дойдёт.

— Значит, я поищу его и напомню об обещании вам, тётушка.

— Ох, это было бы здорово, милая. Вы бы пришли ко мне вдвоём, и мы бы попили чай, как когда-то давно, и я бы подумала, что все дома, — тётушка широко улыбнулась, неестественно обнажив зубы. — Милая, вода кипит, выключи чайник, будь добра!

— Да, тётушка.

Ан перевела взгляд бок чайника на примусе. Он бы старый, с обезшей эмалью и следами пайки и ремонтов. Тот, что она принесла тёте, был совсем новый, блестящий. Ей стоило больших усилий сначала найти его, потом провести переговоры, убеждая продавца, что не стоит нарушать условия их сделки и не доказывать ей, что какой-то чайник стоит Кела. Продавец так и не позволил себя уговорить, но Ан хотя бы попыталась. Она не сомневалась, что этот новенький блестящий чайник никогда не будет использован, что как только она ступит за порог, он будет спрятан среди другого хлама, где и сгниёт, если тётушка не сгниёт прежде и её сокровища не растащат.

Но это — если она выйдет из этого дома.

Ан предугадывала, что может случиться. Она даже подготовила речь. Во-первых о том, что Боец тогда давно напросился сам. Во-вторых, что Ан не виновата. И в третьих, что Боец всё-таки виноват сам, пусть дядя Строитель и поступил ужасно. И Ан уж точно во всём этом не виновата, потому что была ребёнком и ей было всего одиннадцать.

Потом она решила не спрашивать ни о Рем, ни о дяде, и сделать вид, что она сбежала из Города сразу после конца. Потом ещё раз скорректировала свою легенду, решив, что пусть тётушка всю жизнь мало интересовалась делами окружающих, наверняка что-то слышала о захвате Города. Всё-таки, она одной из первых прибилась к Совершенному, оказывая ему посильные услуги в обмен на безопасность своего барахла. Ан мало что про неё слышала. По слухам, она окончательно сошла с ума и рехнулась, собирая пластиковые пакеты и бутылки на развалинах древних городов.

В доме она поняла, что слова Умники были почти что правдой.

Ан хотела попросить тётушку представить, как было бы ужасно плохо её сыну, окажись он жив и оторван от неё, и не могла бы тётушка рассказать ей, что же случилось с отцом.

Ан долго подбирала слова и готовилась.

И всё же, никакие приготовления ей негодились.

Ан услышала стук о дерево буфета и увидела в своём новом блестящем чайнике движение — и развернулась. Топорик для мяса, припрятанный тётушкой за горой пакетов, метнулся к её голове. Ан оттолкнула руку тётушки. Та с неожиданным проворством удержала равновесие и ударила ещё раз. Пришлось отшвырнуть её на буфет. Жадина вместе с грудями мусора со звоном и грохотом рухнула на пол. Это её не остановило, и, извернувшись, как ящерица, она метнула топорик в голову Ан. Та едва успела поднять руки. Звякнул металл о металл. Воспользовавшись заминкой, Жадина вскочила на ноги и метнулась к лестнице. Ан схватила шлем. Чтобы тётушка не задумала и не была готова применить, победив свою жадность, против таких, как Ан, между этим чем-то и её головой будет слой металла.

Тётушка облаком серых лохмотий метнулась по лестнице вверх.

Следом за ней — Кел.

Ан закричала, чтобы зверь остановился, но её голос потонул в грохоте и звоне падающих старых часов-ходиков, которые Ан в полумраке приняла за прислонённый к стене шкаф. Она кинулась к лестницей. Длинный узкий лаз поднимался резко вверх, а деревянные ступени шатались под железными ногами Ан. Туша Кела снесла со стен лаза несколько рамок и тарелочек. Сам зверь заслонял собой выход на второй этаж.

— Отойди, ты, тупое животное! — Ан пнула его под зад. Кел обиженно поднял окровавленную морду и отполз. Ан выругалась и присела рядом с телом Жадины. Проверять, жива ли она ещё, было бессмысленно. Кел перегрыз ей шею, почти отделив голову тётушки от её тощего тела.

— Что ты наделала, скотина тупая?! — Ан не выдержала и от души пнула зверя в бок. Кел молча уставился на неё желтыми глазами и прижался к полу, как нашкодивший кот. Ан ударила его ещё три или четыре раза, пока не остыла, и осознание бессмысленности происходящего не достигло её разума.

— Ты все испортил, — Ан оглядела носок сабатона, потом бок Кела, на который пришлось удары. — И что теперь делать?

Кел все еще пристыженно лежал на полу и елозил по нему хвостом. Ан до сих пор не решила, да и не знала, кем его считать и как реагировать на его поведение. Не верить признанию Умника у нее не было никаких оснований, но и считать эту металлическую машину своим братом она не могла. Это был не Кел. Ее Кел был козлом, предателем и трусом, много чем еще, но не этим.

Зверь смотрел на нее желтыми глазами и, как виноватый кот, поскреб пол когтями.

— Да не злюсь я, — Ан посмотрела на тело тетки. Мертвая Жадина выглядела еще более жалкой и маленькой, нежели живая. Неподвижное лицо с приоткрытым ртом смотрело в стену, и принадлежало древней старухе. Ан вздохнула и села на пол. Кел прополз вперед и ткнулся мордой ей в локоть. Ан помедлила и положила ладонь ему на лоб. Хвост зверя принялся биться о пол. Ан решила, что это значит радость. Она научилась отдавать ему приказы, научилась чинить, но до сих пор не понимала, как Кел стал вот этим большим глупым то ли медведем, то ли котом.

— Что же ты наделал, придурок. Вот почему ты всегда всё портишь? — вздохнула она. Они просидели так несколько минут. Или часов. Ан не знала. Все её усилия и так тяжело давшееся притворство — всё было зря. Она устала, и ничего не узнала, опять. С трудом

досчитав до ста, она поднялась на ноги. — Придется нам обойти всё море. Из-за тебя, тупое ты животное.

Зверь, почувствовав, что её гнев прошел, вскочил на ноги и радостно завилял задом.

Кел порывался сожрать сердце тётушки, но Ан не дала. Она уложила Жадину на кровать в ее спальне и накрыла разорванную шею тряпкой, похожей на шарф. Комната выглядела так же плохо, как и остальной дом. На старом пыльном ковре над кроватью Ан нашла две старые фотографии. На одной ещё молодая и красивая тётя держала на руках крупного круглощёкого младенца, а на второй уже выросший Боец с самой милой улыбкой на свете обнимал мать, которая рядом с ним казалась маленькой и хрупкой.

Ан задержалась у этих фотографий. Она попыталась вспомнить отца, но образ появился с трудом, и она не была уверена, что он верный. Тётушка хранила эти образы давно похороненного сына, а Ан не вынесла из разрушенного дома ничего, кроме ящика с инструментами. Она, глупая, думала, ещё будут новые воспоминания.

Дождавшись темноты, Ан облила хлам в спальне тёти бензином из примуса и подожгла. Горы тряпок занялись быстро. Уже через четверть часа Ан наблюдала, как вокруг дома Жадины суетятся люди и пытаются не дать огню перекинуться на их дома. Огонь вырывался из окон дом, гудели листы кровли, часть пристроек рухнула. Кое-как люди выстроились в цепочку от водопровода и пытались поливать водой хотя бы забор. Кел, не шевелясь, смотрел на людей и мерно бил себя хвостом по боку. Он был голоден.

Ан взяла Кела за шиворот и повела прочь. Она успеет ещё его покормить.

На ужин подали свинину в сладком чесночном соусе. Соус пах так, что у неё нос забило. Но Ан всё равно наелась ей, как если бы ела в последний раз.

— Не стоит так жадно глотать, — чуть улыбнулась сестра. Они сидели в её спальне за маленьким стеклянным столиком. За окнами загорался огненный закат, особенно яркий из-за редких облаков и повисшего над Городом тумана. Около кровати горела курильница с розовым маслом, и всё воняло розами. Ан подумала, что уже ненавидит чёртовы розы, хотя казалось, давным давно забыла их запах. — На кухне полно еды. Если хочешь, тебе принесут ещё.

— Нет, не надо, — Ан залпом допила вино. С мясом даже такая кислятина казалась весьма приятной. А ведь есть ещё десерт. Ан вздохнула и отодвинула тарелку со сладким пирогом. На языке остался неприятный привкус. Она с трудом сдерживала рвущуюся наружу отрыжку. В нос ударил запах миндаля. Ан с трудом сдержалась и не покосилась на бокал с вином. Красавица сделала вид, что ничего не видит и взяла с блюда яблочную дольку. В её стакане была простая вода. Как сказала сестра, потому что после ужина и того времени, что они проведут вдвоём, она ещё хотела поработать.

Ан отметила, что всё-таки, древние были правы. То, что заложено в нас в детстве, потом не вырубить и топором. Вот Красавица, большая, сильная, самостоятельная, а ведёт себя так, как её научил её отец.

Да даже внешне они сидели, как две маленькие копии их отцов. Красавица, в лёгком кремовом платье, с высокой причёской и чистыми ногтями, и она, Ан, в старых штанах и футболке с чужого плеча, с вросшей грязью, которую, наверное, будет проще вырвать вместе с ногтями.

— Я видела тебя сегодня во дворе. Ты стала сильной. Ты и раньше была, и возможно, я просто забыла... Это твой отец научил тебя драться?

— Угу, вроде того. И Кел немного.

— Снова этот Кел, — сестра закатила глаза. — Он ходил за тобой хвостом и страшно злился, когда кто-то, кроме него, разговаривал с тобой. Даже мне угрожал и требовал, чтобы я от тебя отстала.

— Правда?

— Истинная, — сестра подняла правую руку в старом жесте клятвы. — Я тогда на него страшно обиделась.

— Даже так?

— Да, представь себе. Мало мне было папы, а тут ещё брат пытается указывать, — Красавица рассмеялась. — Как же это было глупо. Мы вообще были беззаботными дураками, если подумать, и он, и я, и вся семья. Да вообще, весь мир. Кто мог подумать, что он так глупо рухнет?

— Никто, — согласилась Ан. — Как ты пережила... конец?

Красавица отвернулась.

— Спроси что-нибудь другое... К первой волне у меня был иммунитет, как ты знаешь. Так что я осталась в своей лаборатории, чтобы присмотреть за моими питомцами и не дать использовать их в нехороших целях. Но мне надо было их сразу уничтожить, потому что когда начались бои, дом разбомбили, а клетки треснули. Они разбежались. Я пыталась кое-

как их отловить, но сама знаешь, мы... короче, мои питомцы не нашли себе достойных природных врагов и заполонили город. Хорошо, что со временем природа взяла своё, а то бы они дожрали людей.

— Ты не пробовала вновь взять их под контроль?

Сестра развела руками.

— А как? Чем? У меня не осталось инструментов. Я, когда сюда вернулась, кое-как придумала, как отеснить их от реки и не заражать её личинками. Ты бы видела, что происходило ниже по течению каждую весну!

— На том берегу я видела мужчину, — медленно сказала Ан. — Он повелевал твоими питомцами. У него было три ошейника и свисток.

Красавица замерла.

— И всё?

— И брелок с твоим гербом. Красивый такой.

Сестрёнка медленно кивнула.

— Значит, он до сих пор жив.

— Кто?

— Ты его не знаешь. Парень из нам подобных, но другой семьи. Он пришел сюда семь лет назад приручать тварей. Я попыталась его сначала отговорить, уболтать, очаровать, в общем, оставить при себе, чтобы он приносил настоящую пользу. Но он то ли не поверил, что я — это я, то ли счёл, что могущественней меня, то ли у него были свои амбиции... Он ушел на тот берег и больше я о нём не слышала.

Ан медленно кивнула.

— Ты знала, что у него есть подобные инструменты?

— Да. Он показал мне один ошейник, я его выкрала и уничтожила, тогда он и сбежал от меня. Я жалею, что не обыскала его сразу. Говорят, он начал размножать тварей?

— Да. У него была семья шептуний.

— Плохо. Сколько их? Придётся устроить рейд на ту сторону. А я, глупая, думала, что пути через город захирели из-за того, что на севере мост навели. А тут вот оно что!

Ан кивнула.

— Жаль, что тебе не удалось их сразу уничтожить.

— Я тысячу раз жалела об этом. После того, как мою лабораторию уничтожили, а город покинули, я потерялась и... прошло много лет, прежде, чем я нашла папу и вернулась домой.

— Как много? — Ан наполнила бокал вином.

— Много. Не смотри так, я правда не знаю. О многом я узнала от других. О Рем и её отце, например. Ты же помнишь их? Не смотри так, ты должна помнить Рем! Дочка Строителя, подкидыш, ты с ней жила.

— Я помню, — Ан сделала долгий глоток. — Что с ними стало?

— Они погибли. Рем от вируса, Строитель наложил на себя руки. Тётушка, Жадина, была рядом и всё видела. Она сказала, что если бы дядя не убил себя сам, то кому-то из нас пришлось бы оказать ему эту последнюю милость. Он её так любил, как наверное... не знаю. Никогда бы не подумала, что приёмного ребёнка можно так любить.

— Мы все, если разобраться, по сути приёмные. И не всех нас любили.

Красавица пожала плечами и откинулась на спинку своего стула.

— Отцу я была родной. Куда уж роднее. Меня создали специально для него... Ты никогда не думала, что всё могло бы сложиться по-другому?

— Если бы не вирусы? Да, много раз.

— Нет, я не про них. Да, хорошо, чтобы их не было, но ещё раньше. Что, если бы мы попали не к тем отцам, что у нас были? Мой... папа был хорошим, пусть и строгим отцом. Я любила его. И до сих пор люблю. Но что было бы, если бы меня отдали Первенцу? А ты...

— Я тоже люблю своего отца, а он любил меня.

— Да, я помню. Он у тебя был... своеобразным. Но... ты никогда не думала, что бы было, если бы Строитель не взял Рем и не отказался от тебя?

Ан не ответила и молча допивала вино.

— Ты понимаешь, о чём я?

— Я не помню.

— Тебя ведь делали, как дочь Строителя. А он предпочел тебе Рем. Папа говорил, что он подобрал её на улице. Как кошку.

— Да, она мне тоже об этом рассказывала. Ей было шесть лет. Только не на улице, а в приюте. Она была дочерью его друзей.

— Это всё равно мало что меняет. Он отказался из-за неё от тебя. Но... вот представь, если бы он вырастил тебя, а не Рем? Что бы было?

— Это невозможно, — Ан снова рыгнула. Запах стал сильнее. Что ж, стоит завязать с вином. Жадность её погубит.

— Почему?

— Потому что меня растил мой отец. Тот, кому я предназначалась.

— Брось. Дедушка не стал бы отдавать ребёнка кому-то вроде твоего отца... Уж прости, его репутацию знали все! Он ничего так и не добился в жизни, мотался туда-сюда, как неприкаянный. Я старше тебя, сестрёнка, и я видела, что было до твоего рождения. Он... ну подумай сама, мы не простые люди. Дедушка сумел создать... ну просто лучших людей, нас. Мы не сверхлюди, но всё же мы чуть-чуть лучше большинства. А Бес... твой отец?

Ан снова рыгнула. Красавица беспокойно свела брови.

— Ты в порядке?

— Да. Скоро всё пройдёт. Так о чём же ты, а, об отце. Ты просто всего не знаешь, сестрёнка, — как например, кого создали и для чего, иначе бы не поила меня этим вином, мрачно подумала Ан. — Меня создали именно для папы, а даже если нет, то мне плевать. Это не важно, на самом деле. Я предпочитаю думать, что папа меня попросил, а дед его послушался..

— И он послушался? Ан, это невозможно.

— Нет, возможно. Видишь ли, папа не выбирал себе жизнь. Он не с трудом читал, его просто не научили. Его не учили говорить, его не учили писать и считать. Смотрели, что с ним будет. Мы же не люди, помнишь? Ты знаешь, что человек может научиться говорить только в детстве? Если лишить человека человеческого общества, то он не станет человеком. Дедушка позволил им проверить, что будет, если такого особенного человека не учить. Думаю, ему самому будет интересно, — Ан сдержала рвущийся из желудка поток. Помолчала. — Он потом раскаялся в том, что сделала, как говорил. Сказал, что был вынужден им отдать отца, хотя изначально хотели провести эксперимент над тремя. Но твоего отца и дядю он не отдал, пожертвовав только одним из братьев. А потом папа научился говорить, читать и считать. Даже умножать в уме. Этому уже я его научила... Ему было трудно, но он пытался. И дедушке было стыдно за то, что он сделал, поэтому, когда папа попросил, он сделал меня для папы. Точь-в-точь как папа, идеально ему подходит в

дочки. Например, терпеливая и крепкая, чтобы сразу не померла от папиной заботы. Стойкая к ядам, например.

Ан всё же не сдержала отрыжку. Комок прокатился из желудка по пищеводу, обжигая слизистую, но вернулся на место. Она похлопала себя по груди и с трудом вздохнула.

— Что ты насыпала мне в вино, а, сестрёнка?

Этот уголок мира выглядел нетронутым катаклизмами и упадком. Зелёный спуск с нагорья к морю был усыпан, как рассыпавшимися косточками, домами для летнего отдыха. Круглые, с наклонными стенами и фигурными окнами, широкими террасами, изогнутыми и плоскими крышами, бассейнами и лестницами к морю. Они были ярко раскрашены, но при этом стояли достаточно далеко друг от друга, чтобы не мешать отдыхающим.

Но стоило подойти ближе, дома теряли своё очарование. Они были давно брошены, стены осыпались, бассейны и террасы заросли травой и мелкими кустами. Жилым выглядел только один дом. Около заполненного дождевой водой бассейна был разбит огород и небольшой цветник. Перед расчищенной террасой лежали аккуратно сложенные дрова из морского мусора. Кел уже добрался до огорода и лёг около ягодных кустов. Хозяин дома его не видел. Он складывал в поленницу обглоданные морем сучки. Рядом стояла самодельная тачка и колода с топором.

Ан не спешила давать о себе знать, а высокий худощавый мужчина не обращал на неё внимание. Он был одет в широкие полотняные штаны и лёгкую куртку, а волосы спрятаны под вязаной шапочкой. В городе Ан сказали, что он подрабатывает мелким ремонтом, целительством, а ещё они иногда звали его судить свои ссоры. Почему? Потому что он пришел сюда пятьдесят лет назад, а то и больше, жил тихо, мирно и помогал людям. Наверняка он святой человек.

Но грабить его Ан настоятельно не советовали. Сказали, кто пытался, ни разу ещё не вернулся назад. Да и кто проживёт пятьдесят лет и не состарится ни на день?..

Ан грабить отшельника не собиралась. Вряд ли у него есть хоть что-то ценное для неё. Зато информация — вполне, особенно если он тот, кого она в нём узнала.

Наконец-то хозяин домика разогнулся и огляделся. Сначала он посмотрел на небо, потом в сторону моря, о чём-то задумался. Потом он оглянулся на нагорье и заметил Ан. Мужчина, помедлив, приложил ладонь к бровям, чтобы защититься от летнего солнца и лучше разглядеть незнакомца. Ан так же неторопливо спускалась к нему по скользкой каменной дорожке.

Не доходя до первой грядки нескольких шагов, Ан остановилась. Хозяин сделал шаг навстречу. Ан заметила, как напряглись его мышцы, а левая рука с топором вздрогнула..

— Ты кто? Что тебе здесь надо?

Ан медленно подняла руку и сняла сначала личину, потом опустила респиратор.

— Привет.

Брат уставился на неё, как на привидение.

— Не узнал?

— Узнал, — брат уже не скрываясь, поднял топор. Он держал оружие гораздо уверенней, чем во время их последней встречи.

— Не хочешь пригласить меня в дом? — спросила Ан.

— Ты жива?

— Да.

— Я думал, ты умерла. Мне так сказали.

— Кто бы тебе это не сказал, он ошибся.

— Я просто так не сдамся.

— Я не собираюсь тебя убивать, — Ан сняла шлем. Ветер подхватил смятые волосы и тотчас же бросил их на лицо, испортив весь эффект.

— Ты хочешь мести!

— А мне есть за что тебе мстить?

Брат отступил на шаг.

— Уходи, Бесприютная. Просто уходи и забудь меня. Чтобы ты не хотела от меня, уходи!

— Меня зовут Ан, если ты забыл. И я хочу поговорить.

— А я не хочу! Уходи! Пожалуйста, куда-нибудь!

— Брат, успокойся. Я хочу поговорить. Правда. Я хочу просто поговорить.

Они молча стояли и смотрели друг на друга. Руки у брата тряслись. Ан стояла неподвижно, зная, что сейчас её кузена захлестывает страх. Он не был храбрецом, впрочем, как и она. Их создавали для другого мира и других целей, их не готовили к такой жизни. Обоих, но Ан всё равно оказалась чуть-чуть прочнее.

Ювелир вздохнул и опустил топор. Его лицо стало жалким, старым, и Ан увидела в его глазах безнадежное смирение перед судьбой.

— Ты ведь просто так не уйдёшь, верно?

— Верно, не уйду. У меня есть вопросы, я хочу их задать и получить ответы.

— Ну... Тогда заходи, что ли.

Он обречённо махнул рукой и поднялся в дом. Ан свистнула Келу, велела ему охранять дом, и прошла следом за братом.

Изнутри дом Ювелира выглядел ещё более опрятным, чем снаружи. Брат по своему обыкновению стащил сюда множество вычурной мебели, занавесок, портьер, милых безделушек, настенных панно и ковриков. Но, в отличие от обиталища тётушки, дом брата выглядел опрятно. Как будто войны и не было. Каждая безделушка была любовно протёрта, начищена до блеска или спрятана за стеклом. Ан было даже как-то неудобно топтаться здесь грязными саботонами. По меркам нынешнего мира жилище было более, чем роскошным.

— Проходи уже, — брат оглянулся на неё, пытающуюся стряхнуть перед порогом грязь с ног, и указал дверь на кухню. — Ты это... железо снимать же не будешь?

— Нет. Да и у тебя нет ни места, ни одежды для меня. Табуретка найдётся? Могу сесть на пол, — Ан прошла в указанном направлении. На кухне стояла старая железная плита, кем-то переделанная в деревянную. Труба уходила в окно с асбестовой вставкой, аккуратно обитой реечками. Вдоль стены, на целом кафельном фартуке, висели поварёшки, маленькие кастрюльки и другие инструменты, которые Ан не знала. Она и в лучшие времена терпеть не могла готовить сама, разве что для самых близких. Но от вида вывешенных рядком поварёшек ей стало... не по себе. Она давно не ощущала себя так. Мило. Уютно. Очень по-старому. Взгляд скользнул по стеклянному буфету, забитому чашками, блюдами и чайниками из разных сервизов. Большинство из них были не дешевой фабричной штамповкой, а изящными, из тонкого фарфора, причудливых форм и дорогой росписью. Роскошно. Интересно, сколько он собирал этот склад?

— Часто к тебе приходят... гости? — она кивком указала на обстановку. Брат поставил на плиту чайник и полез разжигать печь.

— Гости? Да... — он задумался. — Раз в неделю — это часто? В основном пришлые. Торговцы приходят. Иногда местные за помощью, иногда просто продукты приносят, у меня

с ними договор о помощи. Иногда я сам к ним хожу, когда одиночество заедает или срочно что-то нужно.

— И что ты с ними делаешь? Если задают не те вопросы.

— Тут море рядом. Море вопросов не задаёт.

— И часто приходится к нему обращаться? — Ан села на простой деревянный табурет.

Он заскрипел под её весом. Кел неторопливо прошёл за ними и лег, положив передние лапы на порог кухни. Ювелир, заметив его, вздрогнул.

— Он со мной, — спокойно сказала Ан.

— Откуда он у тебя?

— Прибился недалеко от Города.

— Ты врёшь. Я знаю, откуда он. Умник мне всё рассказал. Он сказал, что отдаст его тебе в обмен на помощь.

— В обмен на убийство дяди, ты хочешь сказать.

Ювелир искоса посмотрел на неё от плиты. Потом молча достал из буфета две фарфоровые чашки в мелкий цветочек, потом так же молча снял чайник и разлил по чашкам травяной настой.

— Ты знаешь, кто он? — брат поставил обе чашки на стол. Потом достал из шкафа жестяную банку с сухарями. — Извини, всё, что есть. Ужин... в общем, ужин будет позже. Я сегодня ещё не готовил.

— Мне достаточно, — Ан рсторожно взяла чашку в руки. Тонкий фарфор на фоне чёрной латной перчатки показался белоснежным и неземным. Ювелир, порывшись в буфете, поставил перед ней ещё стеклянную конфетницу с горстью засахаренных ягод.

— У тебя здесь уютно.

Брат криво улыбнулся.

— Стараюсь, как могу. Что-то принёс с собой, что-то приносят люди.

— Они говорили, ты их лечишь.

— Даа... По нынешним временам тот, кто догадается вымыть руки, прежде лезть в рану, уже отличный врач.

— Всё так плохо?

— Хуже некуда. Этот мир катится в бездну, и никаких шансов, что что-то изменится к лучшему, нет, — брат налил себе чаю и сел напротив. Ан посмотрела на его лицо. Ювелир изменился за эти годы. Ан помнила его мягкотелым и инфантильным, с капризным лицом мальчика, который не хочет взрослеть. Дедушка, создавая их, не придавал особого значения внешнему виду, и они все вышли на одно лицо, и мужчины, и женщины. И всё же они были разными. Тощие, румяные, светлые, тёмные, хмурые, дружелюбные. Сидящий перед ней мужчина был не похож на себя из юности. По крайней мере, на тот образ, который Ан помнила. Ювелир постарел, лицо стало серым и осунувшимся, а глаза потускнели. Около его левого уха она заметила следы ещё не заросшего до конца шрама.

Ан отпила чаю. Неплохо. Не настоящий чай, каким она его помнила, но приятно. Брат заметил, как изменилось её лицо, и ухмыльнулся.

— Сам вырастил. Нравится?

— Вкусно, — согласилась Ан. — Честно говоря, я удивлена, что ты живёшь один и сам что-то делаешь руками. Если бы меня кто спросил, я бы сказала, что ты так не сможешь и будешь сидеть на чьей-то шее. Ну, как всегда.

Брат криво улыбнулся. Левая щека нервно дёрнулась.

— Я изменился, — голос у него тоже стал странным. Низкий, дребезжащий, почти взрослый.

— Вижу.

— Ты не сказала, откуда у тебя он, — Ювелир кивнул на лежащего в дверях Кела.

— Умник отдал мне его, — не стала отпираться Ан.

— И ты его убила за это?

Ан пожала плечами.

— Я не хотела. Но так вышло, — она исподлобья посмотрела на брата. Потом вздохнула, взяла горсть засахаренных ягод и бросила их в рот. — Правда, я не хотела. Зачем мне это было делать? Но... Можно было уйти, но там так всё закрутилось. Я испугалась того, что стало с ним... с Келом. Испугалась, когда Умник начал кричать и угрожать мне, расстроилась, когда он рассказал мне про Рем и дядю. И испугалась, когда он начал угрожать.

— А голова на помойке? Тоже испугалась?

— Хотела спрятать голову, чтобы его не сразу хватились. Я думала, там её искать не будут, — Ан посмотрела прямо ему в глаза.

— Что ж, ты выбрала прекрасное место и время. Мы нашли её утром, и... Эх. Как же давно это было. Ну, рассказывай. Задавай свои вопросы!

— Что?

— Что тебе надо? Ты сказала, что хочешь поговорить. Тебе нужна информация. Какая?

— Расскажи, что случилось после того, как вы нашли голову Умника.

Ювелир молча отпил чай.

— Расскажи, как умер Совершенный.

Брат клацнул зубами о край чашки. Он быстро взял себя в руки, но Ан заметила, как у него вздрогнули руки.

— Зачем тебе?

— Интересно. Я хочу понять, что случилось и почему.

— Ты же знаешь, я старался держаться от всех этих дел подальше. Я... Слушай, я делал тогда именно то, что ты от меня ждала, сидел на дядиной шее. Я жил в своём мире и считал, что чтобы не происходило вокруг, меня не касается. Я был охренею как рад, когда дядя нашёл меня в моей норе и предложил кров и безопасность. Ну, я не очень вникал в его дела. Он что-то восстанавливал, пытался спасти остатки прошлого. Или хотя бы память о наших знаниях и образе жизни. Он так говорил, и мне казалось, что это правда. Я жил в тишине и сытости, и...

— Я знаю это. Расскажи, что у вас случилось, что Умник пошел искать убийцу для дяди.

— Он сошел с ума, — не стал вилять брат. — Дядя. Он совершенно сошел с ума. Потом я подумал, что он сошел с ума ещё когда мы были детьми, но когда старый мир закончился, некому стало его сдерживать, ну, и... Он начал убивать. Я не знаю, когда и как это началось, но то, что начиналось красиво и правильно, внезапно стало тиранией. Ещё эти фанатики благодетелей. Ты видела их? Они придумали, что дядя был их богом, придумали, что он чудотворец...

— Я их видела.

— Ну, тогда знаешь, о чём я говорю. Они придумали, что мы были богами, а дядя — лучший из нас. Ему это очень льстило, и в какой-то момент он, похоже, решил, что он и правда бог. Начал принимать это поклонение, начал изображать бога. Это всё было

неправильно, но я... я же сказал, я не вмешивался в его дела. Я жил в своей раковине. А потом...

— Дядя начал убивать не только людей, но и членов семьи?

— Ну вот, ты сама всё знаешь. Да, он убил Кела и извратил его душу и сущность. Просто... просто потому что захотел и смог. Сделал вот это чудовище. Один раз чуть было не убил Счетовода, когда ему показалось, что тётя пытается украсть у него деньги. Наша красавица-сестрёнка с трудом уговорила его успокоиться и дать ей всё проверить. Потом убил Механика. Тогда мы и решили, что надо что-то делать.

— Мы — это кто?

— Я, Умник, сестрёнка, Счетовод. Маленький кабал из остатков семьи. Ещё была Жадина, но мы не рискнули посвятить её в планы. Тётя тоже сошла с ума. Она никогда не была нормальной, сама знаешь, а к тому времени она бы продала нас дяде за стекляшку или битый горшок.

— И как вы узнали обо мне?

— Мы не знали. Ну, то есть мы с Умником подозревали, что ты жива. Кел рассказал, что ты была ранена и он оставил тебя в лесу, но твоего тела никто не нашёл... Вот поэтому дядя и рассердился на Кела. Он очень хотел, чтобы ты к нему присоединились. Потом Красавица сказала, что твои вещи в вашем доме не нашли. Дядя поручил ей собрать твои вещи, чертежи и все инструменты, но она сказала, что нашла не всё и что часть вещей, о которых говорил Кел, пропала. Дядя счёл, что брат соврал о тебе, и мы ещё неделю искали твоё тело. Дядя выгнал нас с Умником в лес и велел не возвращаться без тебя. Даже этих... любимцев сестрёнки привлекали. Её химер. Они искали тебя по запаху, но ничего толком не нашли. Потом через месяц дядя велел считать, что ты умерла где-то в городе, а твоё тело сожрали.

— Но вы двое подозревали, что я жива.

Ювелир выдержал её взгляд.

— Да. Мы двое. Я и Умник. А Кел сказал, что ты останешься в городе, потому что ждёшь отца.

— Хорошо. Вы двое. А теперь всё-таки расскажи, что случилось после смерти Умника, пожалуйста.

Брат кивнул.

— Утром мы нашли голову Умника в мусоре под стенами, — голос Ювелира затих до шепота. — Мы решили, что это дядя его убил. Ты не представляешь, как мы испугались. Я был готов бежать. Ну... вряд ли я куда-то бы смог убежать, на самом деле. Мои ноги тряслись так, что я не мог стоять. Я уже видел, как дядя улыбается и сносит мне голову. Тебя там не было, Ан, ты его не видела!. Ты не знаешь, во что он превратился. Я не знаю, когда это началось, возможно, ещё до... Забавно, да?

— Да уж, — Ан закинула в рот несколько ягод. Кислые, но ароматные. Отсыпать горсточку в карман?.. — Безмерно. Кел стал вот этим из-за того, что вам было тепло и сыто под властью сумасшедшего.

— Мы не знали.

— Чего сейчас оправдываться? — Ан выглянула в окно. Море было далеко, но на грани слуха Ан даже здесь, внутри дома, ощущала его шум. И правда, что оправдываться. Дядя убил Кела и ещё чёртову кучу их крови. Ан убила Умника — ни за что, просто потому что старая Ан давно умерла, а что выросло на её месте — она сама не знала.

— Верно, — брат повернулся и заглянул в чайник, потом подлил себе заварки. — Ты пришла только за тем, чтобы послушать старые истории?

— Ты остановился на том, что вы нашли голову Умника и испугались, — напомнила Ан.

— Да, нашли. Я перепугался до беспамятства. А сестрёнка... ну, Красавица. Она единственная не испугалась. Сказала, что медлить нельзя.

Ан снова кивнула.

— Так как вы его убили?

Ювелир молчал.

— Брат, как вы его убили? Что вы с ним сделали?

— Сестра. Это сделала наша красавица. Ты ведь знаешь, он её... ну, не то, чтобы сильно любил. Но её он подпускал к себе. Когда мы нашли голову Умника, мы словно обезумели. Не растерялась только она. Сестрёнка забрала голову Умника, бронзовые ножи и ушла к отцу. Через полчаса она позвала нас, и мы увидели, что она выпустила из него кровь и прибила ножами к полу.

— Она его не убила?

— Нет. Мы... не решились. Она не стала, сказала, что он её отец, и она не оборвёт его нить. А мы не решились. Среди нас не было убийц. Или мы были просто слабаками, не знаю.

— Что тогда вы с ним сделали?

— Старый мраморный карьер на северо-запад от города. Помнишь его? — тихо спросил Ювелир. — Мы увезли его туда и заперли в камне. Дядюшка устроил там тюрьму для нам подобных. Собрание членов семьи. Коллекция трофеев или склад на будущее, уж не знаю. До того, как он решился начать нас убивать, он прятал тех, кто не хотел ему помогать, в камне. Красавица заперла его там, а потом мы разошлись в разные стороны. Мы вообще хотели остаться и как-то завершить его дело по-другому, более правильно, но пока мы возились, всё пошло... прахом, короче, пошло. Наш дом, где мы жили с дядей, рухнул, власть захватили какие-то его лейтенанты, повывлезали разные бандиты. Мы не были вождями и какими-либо лидерами, так что мы просто разошлись в разные стороны. Я вот здесь осел. Тут тихо и мало людей, меня уважают и не трогают. Можно вообразить, что тут всё по-старому. Что ж, я удовлетворил твоё любопытство, сестра?

— Почти. У меня ещё один вопрос.

Ювелир пожал плечами.

— Задавай.

— Что стало с моим отцом? Что дядя с ним сделала?

Брат удивлённо посмотрел на неё.

— Ты разве не знаешь? Он искал тебя, и дядя...

— Тссс. Вот это мне не интересно. Где папа сейчас? Что дядя с ним сделал?

— Если я отвечу, ты меня не убьёшь?

— Зачем мне твоя жизнь? Живи тут дальше, как хочешь. У меня нет к тебе претензий или обид. Просто ответь. Пожалуйста.

Ювелир несколько секунд смотрел на неё, и Ан поняла, что он ей не верит. Наверное, это было правильно. Кто в здравом уме будет верить такой, ка кона?

— Он тоже там. В камне, где все. Дядя пытался заставить его подчиниться, угрожая причинить тебе вред, но твой отец быстро понял, что дядя лжет, что ты ему не попалась, и вышел из-под контроля. Дядя тогда ещё не убивал... своих. Мы думали, когда если найдём

тебя, то сможем его использовать для разной грязной работы. Для дяди. Когда мы его самого туда засунули, то подумали, что их всех можно выпустить. Но мы не знали толком, как это сделать. Может быть, сестра знала. Но я точно нет. Мы посмотрели на них, и они все были злы и искалечены, и мы не решились. Наверное, потому что струсил и не захотели ещё проблем. И ушли. Ты довольна моим ответом?

— Вполне. Кто ещё об этом знает?

Брат развёл руками.

— Мы все, кто был с дядей в те годы. Думаю, мало кто выжил или остался около дома. Я за сорок лет ни о ком не слышал, если не считать тётушки, Жадины. Но она давно ушла на запад, на ту сторону залива. Ты первая, кого я вижу за очень долгое время.

— Хорошо, — Ан допила чай и поднялась на ноги. Брат не проводил её даже взглядом. Он остался сидеть так, как сидел и тупо смотреть на свои руки. Ан подошла ему. Ювелир крепко зажмурился.

— Я не останусь на ужин, мне надо ещё успеть в порт, кое-что выкупить, — Ан ссыпала остатки засахаренных ягод к себе в карман плаща. — Надеюсь, тебя это не сильно расстроит. Но если ты не против, загляну перед холодами. Может быть, где-нибудь рядом перезимую. Тут красивые места.

Ювелир открыл глаза и уставился на неё.

— Ты уходишь?

— Угу, — Ан пнула лапы Кела, чтобы убрал свою тушу с прохода.

— Но... — Ювелир растерялся. — Почему?

— Я же сказала, я хотела кое-что узнать. Ты ответил на мои вопросы.

— И... и куда ты теперь?

— На север. Схожу к карьере.

— Что ты имеешь ввиду? — спросила Сестра. Её брови удивлённо приподнялись. Красавица всегда была такой милой, когда изображала удивление. Ан даже залюбовалась её лицом. Потом рыгнула. Да что же это такое!

— Сама видишь, что со мной происходит, — Ан вздохнула и заела отрыжку яблоком. Но мерзкий привкус на языке всё-равно остался. Или это из-за горячей курильницы? Ан вздохнула и решила, что пора. Кел отозвался на её приказ с запозданием. Связь между ними была слабой из-за расстояния, но Ан всё равно мельком увидела бетонную лестницу внутри башни, по которой поднимался зверь. — У меня всегда такая реакция. Если совсем уж что-то ядрёное, то начинает рвать. Дедуля это специально придумал, чтобы я потом смогла стать его охранником на пару с Келом и проверять еду. Он, по-моему, уже тогда что-то подозревал в отношении твоего папаши, и принял меры, чтобы не дать убрать себя по-тихому. Хотя, возможно, Дед придумал это, чтобы папа меня раньше срока какой-нибудь гадостью у дороги не накормил.

— Ты хочешь сказать, что я тебя... отравила?

— Ну да. Зачем? Только не отпирайся, а. Просто скажи, почему. Пожалуйста. За что? Что я тебе такого сделала, что ты так меня возненавидела? Что тогда, что теперь? Я ведь правда тебя любила.

Красавица помолчала. Она вздохнула и поправила локоны. Потом подняла лицо и без ужимок посмотрела в глаза сестре.

— Помнишь, папа вытащил тебя на встречу в парк?

— Как такое забыть. Ты пыталась загнать меня химерами!

— А ты — застрелить.

— Так, давай не будем меряться, кто больше виноват. Ты, вообще-то, только что меня убила. Так что я имею право узнать, почему.

— Папа назвал тебя дочкой.

Ан не поверила своим ушам.

—..и всё?

Красавица кивнула. Ан погладила себя по животу. Потом снова рыгнула.

— Бред какой-то. Из-за этого?

— Хочешь верь, а хочешь нет, он меня дочкой ни разу за всю жизнь не называл. Ни милой, ни солнышком, ни тыковкой, ни розочкой, ни котиком, ни лопушком, как этого придурка Кела. Вообще никак. Только “дочь”.

— Слушай, — Ан никак не могла подобрать слова. — Это же была не моя вина! Я никогда не пыталась перед ним выслужиться или отобрать у тебя!

— Знаю.

— Так какого чёрта? Я-то в чём виновата через столько лет?!

— Да, наверное, не виновата. Но всё же... знаешь, в определённый момент становится плевать. К тому же ты то жалела меня, то бегала за этим придурком Келом, как собачка.

— Ты... из-за этого?

— Нет. Но ты тоже дура. Если уж взялась делать доброе дело, то делай его до конца. Без “приходи завтра, а сегодня у меня потрахушки”.

— То есть, я сама виновата, что за то, что жалела тебя, ты решила меня убить?

Красавица пожала плечами, подумала, и кивнула.

— Да, вроде того. Ты всё верно поняла.

— Хорошо. Там в парке ты меня травила своими тварями, как зайца, потому что дядя мудака и назвал доченькой меня, а не тебя. Кстати, какого хрена ты играла в эту погоню? Управляла бы ими издали. Это же были гончие?

— Почти. Те были моей личной модификацией. Я думала, что им хватит сил нести всадника, но не учла, что в лесу на них кататься будет неудобно. И чего ты туда побежала?

— Пф... А куда мне бежать? Чёрт побери, всё полетело к чёрту из-за того, что этот старый хрыч попытался подмазаться ко мне слишком сладко! Хотя я могу и тебе выкатить счёт: послала бы его разок подальше, он бы резво заворковал, какая ты хорошая. А так, чего ему тебя гладить, если ты и так за ним бегаешь и в глаза смотришь?

Красавица поджала губы.

— Он был моим отцом. Самым важным человеком в моей жизни, и я заслужила, чтобы он любил меня просто так, без этих плясок. Думаешь, скажи я ему, что я уйду, он бы полюбил меня искренне? Думаешь, я такая глупая и не пробовала так сделать?

— Но почему виновата я?!

— Потому что у тебя и так всё было, а ты забрала ещё и отца... Вот я и не выдержала, — сестра вздохнула и погладила узкий браслет из желтоватого металла с подвешенным свистком на руке. — Ан, скажи мне, почему всё вышло так нечестно? У тебя были твой отец, этот дурак Кел, Рем, и папа ещё Ан то, Бесприютная сё... — Красавица скривилась. — Нечестно. Почему мне ничего не досталось?

— Я не знаю. Но я не заслужила за это смерти.

Сестра пожала плечами.

— Значит, тогда в лесу ты решила убить меня за то, что дядя назвал меня дочкой.

— Верно. Я тебя в те дни очень искала. Дядя был в ярости, что “до-оченьку”, — Красавица нервно дёрнула головой — не удалось поймать. Он даже этих идиотов, Ювелира и Умника послал в лес тебя искать. Кто бы мог подумать, что они тебя и правда нашли, но не решились ни спасти, ни добить. И Кел этот. Выложил всё надуху, где тебя искать. Я сразу всё поняла и кинулась туда, как только увидела, что ты забрала свои вещи. Но ты не пришла. Почему?

— Я очень сообразительная и решила туда не приходить.

— Я уже поняла.

— Хорошо, с тем, что случилось тогда в Городе мы разобрались. Ты не ответила, что я тебе сделала, что ты решила меня отравить. Кстати, что это за яд?

— Сок болиголова.

— А почему именно он?

— Что было из того, что на нас действует, то и добавила, — Красавица пятерней расчесала растрепавшиеся локоны. Она наконец-то перестала кривляться, и стала выглядеть не вечно юной девой, а уже немолодой и уставшей женщиной. На мгновение она стала очень похожа на Ювелира. Да и на кого ей ещё быть похожей? У них у всех было одно лицо, и у мужчин, и у женщин. Стала бы Ан раз за разом мучиться с шрамами на лице, если бы не возможность, что кто-то видел лицо её брата или сестры, и узнает её.

— Так зачем?

— Да... Накатило что-то. Я испугалась тебя. И не подумала. Решила, что ты пришла мстить мне за Кела, ну, вообще за всё.

— Глупость какая.

— Глупость не глупость, а так вышло. Возможно, к лучшему, — Красавица внезапно поднялась на ноги и прошла к кровати. Повозившись в туалетном столике, она достала продолговатый свёрток и перекинула его Ан.

— Лови.

Ан качнулась на стуле и схватила предмет. Развернув тряпочку, она обнаружила внутри охотничий нож в потёртых кожаных ножнах. Ножны были самодельные и очень неказистые

— Помнишь?

Она узнала этот нож. Не сразу, но узнала. Ан сама его сделала, далеко не с первого раза и чужой помощью. А вот ножны с накладками и тиснением — сама. Своими руками. Ан вспомнила свой резак с желтой рукояткой и старое шило, подаренное Рем. Она же показала Ан, как работать с кожей.

Отец, Рем, бедняга Кел, дядя Первенец, все эти имена-не имена давно стали чем-то далёким, и одновременно очень дорогим. Ан взяла нож в руки и достала его из ножен. Отец носил его с собой под курткой. Вот дополнительные петли, чтобы ножны можно было закрепить на подкладке, вот ещё один слой обмотки на рукояти, чтобы нож лучше лежал в огромной отцовской ладони. Вот следы от точильного камня. Лезвие когда-то было другой формы, но папа много пользовался её подарком. Ведь Ан так старалась, чтобы ему было удобно.

— Откуда он у тебя?

— Нашла на руинах дома.

— Не ври, пожалуйста.

— Ну хорошо. Остался от твоего отца. Оружие у него, сама понимаешь, папа забрал. А после всего, когда я уходила из нашего дома, я взяла его с собой на память о тебе, — Красавица медленно подошла к кровати и встала, опустив руки. Ан положила ножны на стол и взвесила клинок. Потом положила его рядом и взяла в руки бокал с остатками вина, но пить не стала.

— Если тебе интересно, я хранила твою брошь дома. И надела на выпускной. Твой подарок был мне дорог.

— Спасибо, — Красавица нагнулась вперёд.

Ан ждала этого движения. Сестрёнка была всегда слишком умной, слишком предусмотрительной, и чтобы надеяться только на яд, и чтобы не понять, что Ан слишком уж бодр для смертельно отравленной. Пистолет лежал под шалью на кровати. Красавица откинула ткань и подняла оружие. Её движения были спокойными и уверенными. Сестрёнка, милая сестрёнка предусмотрела всё. Почти всё.

Бокал с вином был тяжелым и очень удобно ложился в руку. В детстве Ан мечтала о таких. Чтобы у них был дом, чтобы была своя собака, чтобы у неё было красивое платье, оранжевое, как тыква, только как у принцессы, и такие бокалы, похожие на кубки. Ан мечтаал, чтобы они жили в замке принцессы, чтобы всё было красивым, как в сказке, чтобы у них была охренеть какая большая панель, больше, чем у Келла, чтобы под ней стояли все игровые приставки, какие есть, и чтобы не она всем завидовала, а все — ей.

Ан метнула кубок, ещё когда пальцы сестры не сомкнулись на рукояти пистолета. Когда конец шали выскользнул из её пальцев и опал, а оружие только начало подъём, бокал уже преодолел большую часть расстояния между ними.

Тяжелый кусок хрусталя ударил прямо в лоб сестре. Голова Красавицы запрокинулась

назад. Она выронила пистолет и упала на колени, потом на пол. Ан схватила нож и в три прыжка оказалась у сестры.

Красавица была из крепкого теста, для каких бы целей старик её не создал. Она успела открыть глаза и увидеть нож. Тонкие руки вцепились в запястье Ан. Маленький ротик с розовыми губами открылся, чтобы закричать, но Ан резко свободной рукой ударила её в горло. Хватка на руке ослабла. Она попыталась ударить ещё раз, но Красавица дёрнулась, выбила из её руки нож и попыталась откатиться в сторону. Ан с рычанием навалилась на неё и ударила лбом в лоб. Перед глазами помутнело и на мгновение ей показалось, что сестра вырвалась. Ан зажмурилась, открыла глаза — и уставилась в мутные лиловые радужки с маленькими зрачками. Красавица извивалась под ней, билась, пыталась кричать и попасть длинными пальцами Ан в глаза. С каждой секундой Ан слабела, а сестра словно набиралась сил.

В какое-то мгновение Красавица вывернулась и почти укусила Ан за нос. Она отшатнулась, и сестрёнка освободила руки. Красавица вцепилась в свисток и беззвучно выдула команду.

Ан ударила её по голове, и лицо сестры мягко ударилось об пол.

Дверь в гостиную сестры вздрогнула и распахнулась. Ан не удивилась, увидев коренастую шептунью. Тварь протянула вперёд руки и завалилась на спину под тяжестью вцепившегося ей в загривок Кела. Серая тварь замахала длинными лапами и заплясала на месте. Красавица попыталась ещё раз дунуть в свисток, но Ан выбила ей запястье и ещё раз приложила лицом о пол.

Ан навалилась на Красавицу и прижала её руки к полу. Сестра бешено извивалась и рычала. Чужое хриплое дыхание отдавалось в ушах, и Ан не была уверена, что хрипит не она сама. Извернувшись, Красавица укусила её за плечо. Ан завывала от боли. Красавица дёрнулась и ухмыльнулась окровавленным ртом. Между розовых окровавленных зубов что-то застряло. Ан надавила коленом Красавице на живот, и она охнула, приоткрыв рот. Закашлялась, подавившись и на долю секунды ослабла. Ан перехватила её руки и вцепилась зубами в шею.

На вкус Красавица была солёной.

Ан грызла её шею, шевелила нижней челюстью и пыталась не дать сестре вырваться. Зубы наткнулись на какой-то хрящ, и Ан чуть было не вырвало. Перед глазами на мгновение помутнело. Но сестре хватило этого мгновения. Красавица вырвалась, безумно тараща глаза. Её тело дёргалось с чудовищной силой. Ан скатилась на бок. Красавица, хрипя, вцепилась в её шею длинными пальцами. Она попыталась опрокинуть Ан на спину, но ей под руку попала скамеечка для ног у кресла. Ан огрела её Красавицу по голове и скинула с себя. Она хотела было закричать сдохни, но могла лишь хрипеть. Ан схватила сестру за растрепавшиеся волосы и с силой впечатала её лицо в паркет. Потом ещё, ещё, и ещё, пока сестра не обмякла. Ан кое-как разжала пальцы и села на пол. Потом перевернула сестру на спину. Залитое кровью лицо Красавицы уже не было так безупречно. Ан оглянулась. Нож валялся чуть в стороне от них. Ан поднялась, подобрала его и вернулась к сестре.

Красавица мутными глазами следила за её движениями. Когда Ан присела рядом на колени и замахнулась, она из последних сил подняла руки и схватила её за запястье. Красавица таращилась на неё. На окровавленной шее что-то булькнуло.

— Да умри уже, — Ан надавила и, преодолев сопротивление сестры, вогнала нож под ключицу. Что-то хрустнуло. Ан отвела руку сестры и прижала её коленом. Потом ещё раз замахнулась и ударила её в сердце.

Нож вошел глубоко. Ан пошатала его, потом встала. В плече чесалось, и она потрогала кровоточащий укус. Ничего, к утру заживёт.

Красавица лежала у её ног в ореоле лёгкого платья с жалко раскинутыми тонкими ногами. Ан она показалась совсем маленькой, почти девочкой. Как будто она со времён их детства так и не выросла. Маленькая девочка-женщина, больше похожа на куклу.

Серая тварь, почти лишившаяся головы, лежала в гостиной. На ней восседал гордо Кел и гордо тянул грязный от слизи нос в потолок. Шептунья ещё скребла пальцами пол, но жизнь из неё выходила. Ан заметила на пороге гостиной неподвижную фигуру в красном мундире. Кто это? Тот, кто привёл тварь? Успел ли он поднять шум?

— Ну вот зачем, а? — тихо спросила Ан, поправила подол сестры и села рядом на пол. Красавица смотрела в потолок и уже не могла ей ответить.

Ан уткнулась лицом в колени и заплакала.

Перед уходом Ан устроила небольшой пожар. Она хотела только скрыть часть следов убийства, и не надеялась на что-то масштабное. Но красота и цивилизованность замка Красавицы оказались только внешним фальшивым фасадом. Из старого города сюда принесли деревянные полы, ковры, пластиковые панели, мебель и провода — и только. Тушить роскошь ушедшего мира было нечему. Красавица то ли не знала о назначении спрятанных под фальш потолками железных труб, то ли не придавала им значения.

Скорее всего не знала, они с дядей никогда не знали таких скучных вещей.

Огонь, не встречая препятствий, радостно сожрал кровать с телом сестры, пронёсся по стенам и полам, и вырвался в коридор. Тела двух слуг сестрицы и одного охранника, задавленных Келом, быстро пропали в дыму.

Пока Ан собирала свои вещи и доспехи, в доме поднялась паника, а чёрный дым заволок коридор и лестницы. Свет электрических ламп едва пробивался сквозь клубы ядовитого дыма. Ан, пока искала бетонную эвакуационную лестницу, заметила несколько тел, которые уже не доберутся до спасительного выхода. Она прошла мимо, стараясь не смотреть на них. На нижних пролётах, где дым был не таким густым, она подобрала двух пытающихся сбежать людей. Одного закинула на Кела, другого вынесла сама. Внизу оказалось, что чернорясому монашку Меркию, он же Метт ан Маре, как помнила Ан, снова повезло. Он сполз со спины Кела. Женщина, вынесенная Ан, бормотала какие-то благодарности.

Ан скинула их на руки других слуг сестры и спешно скрылась в саду. Люди суетились, бегали. Кто-то выстроился в цепочку к пруду, но Ан подумала, что всё это бесполезно. Она подозвала Кела и побрела прочь. На душе стало пусто. Ан не чувствовала даже обиды или огорчения от случившегося. Даже увиденные тела вызывали лишь сожаления, что она так необдуманно поступила. Можно же было просто уйти. Затащить тела внутрь и оставить, а самой сбежать. Кто бы хватился хозяйки до рассвета?

Утренний ветер принёс давно забытый грохот взрыва. Ан приложила ладони к глазам, защищаясь от солнца. Чёрный коптящий в небо прямоугольник высился над тронутыми осенью верхушками деревьев. Горит ли внутри ещё что-нибудь? В ответ на её мысли Замок стал медленно заваливаться на бок. Очень медленно. Как человек, который очень хочет спать, но всё ещё пытается сопротивляться сну. Остов словно сопротивлялся своей судьбе. Прошло почти двадцать минут, прежде, чем он наконец-то начал набирать скорость. Ветер с опозданием донёс до неё едва различимый треск. Замок легко, словно игрушка, лёг на землю. В воздух поднялись клубы пыли и гари.

Давно Ан не видела такого зрелища.

— Вот и всё, — она вздохнула. Вместе с солнцем к ней вернулись и чувства. Ан плохо помнила, что произошло в доме сестры. Да и была ли сестра? Ан помнила, как пересекает мост, помнила вкус объедков на заднем дворе замка, помнила странное лицо в зеркале, потом был словно сон. Обрывки произошедшего никак не складывались в хоть сколько-нибудь ясную картину. Её разум как будто пытался заставить её забыть и не думать о случившемся. Всё это навевало на неё невообразимую тоску. Даже знание, что ничем иным их встреча с Красавицей не могла закончиться. Пусть в глубине души Ан надеялась, что кто-то расправился с нежной сестрёнкой за неё, что та за годы тоже забыла обиды, по-другому быть не могло. В первый день Ан надеялась, что они мирно поговорят, и, она сможет мирно

уйти. Но запах пороха и оружейной смазки на белых руках сестрёнки и внезапное вонючее происшествие на заднем дворе, где гуляли мужчины с ошейниками для укрощения серых тварей, не оставил ей сомнений.

Ан знала, что всё случилось так, как должно было случиться, и всё равно ей было грустно. На мгновение она вернулась куда-то далеко домой, увидела родное лицо, и уничтожила его. Когда-то очень давно отец внушал ей, что убийство человека её изменит. Что сделав это один раз, не остановишься. Что это как с наркотиками. Ты не умрёшь от одного раза, тебя не поразят божественные кары, что твои руки не отсохнут, лицо не сморщится, а зубы не выпадут. Ничего не будет. И второй раз ты убьёшь без колебаний. В третий. И так, пока не станешь чудовищем и не сможешь остановиться. Ан спрашивала, откуда отец это знает, а он отмахивался и говорил, что прочитал в книжке. Ан не верила, отец злился, и они шли покупать мороженое, чтобы помириться.

Сидя на обломке стенной панели давно разрушенного дома Ан думала, успела ли она превратиться в чудовище или нет. Она убивала. Старалась только тех, кто пытался убить её саму, но кого она обманывает? Ещё она убивала членов семьи. На её руках кровь уже троих. Когда-то она себя этим оправдывала, что она никогда до такого не опустится. Не убьёт того, кому смотрела в глаза, кого любила, с кем жила под одной крышей.

Разумеется, это было глупое самоутешение. Убила. И не сожалела.

Значит ли это что-то теперь? И как сильно она превратилась в чудовище, чтобы... Ан сглотнула. По сравнению с тем, что она наконец-то близка к своей цели, это мелочь. По крайней мере, ей надо так считать, чтобы дойти до конца. А там уже будь, что будет.

Она сидела так до полудня, не обращая внимание на голод. Есть не хотелось. Ан ждала, сама не зная чего.

Кел с шумом вывалился из зарослей ивняка, отряхнулся и запрыгнул к ней на плиту. Его задние лапы соскочили, и он, проскрипев когтями по бетону, кое-как вскарабкался и отряхнулся. Ан отмахнулась от разлетевшихся от него веточек и листвы.

— Нам пора идти, — она провела ладонью по челюсти Кела. Потом посмотрела вниз. Меркий, он же Метт ан Маре, не удовлетворился тем, что она его спасла. Ан не знала, зачем он поплёлся за ней, нашел ли он её следы, или шел за ней от самого замка в темноте наобум? Она отправляла Кела в другую сторону сделать круг, чтобы сбить преследователей. Так как же монах тут очутился? Святоша был один, так что она не стала что-то делать с ним или скрываться. Что ему надо? Догадался, кто она? Узнал, что Ан убила его госпожу? Единственное, что она хотела, чтобы он передумал и вернулся назад.

Ан легко спустилась по накренившейся плите на землю. Кел неуклюже проскрежетал когтями вслед.

Священник всё не отставал. Целые сутки он плёлся следом. Один раз Ан не выдержала и оставила на месте своей стоянки котелок с водой и остатки зайца, и сбавила шаг, выбрав не лесную тропку, а старую дорогу. Несколько лет назад её расчистили, кустарник не успел захватить её вновь. Вскоре за её спиной раздался мерный скрип ручки котелка. Ан, не оглядываясь, могла сказать, где именно — слева, метров в десяти от неё — идёт монашек.

Ан оглянулась назад и подождала, когда Меркий её нагонит. Чернорясый исподлобья смотрел на неё. Он выглядел уставшим. На нём была простая чёрная ряса и ботинки, не предназначенные для долго путешествия. Похоже, после того, как она вытащила его из дыма, он не ел и не переодевался. Ан заметила у него в рукаве свободной руки нож и ухмыльнулась.

— Ну, чего тебе?

— Ничего, — он отвёл взгляд.

— Чего идёшь за мной?

— Хочу — и иду. Дорога не твоя.

— Ну, иди, — она пожала плечами и отвернулась. Меркий издал жалобный всхлип и крикнул:

— Я не дам тебе вернуть Разрушителей!

Ан на мгновение замерла. Что ей сделать рассмеяться? Или проявить к нему немного уважения? Этот трус должен был собрать воедино все крупницы храбрости, что у него были, чтобы пойти за ней с ножом в надежде остановить.

— Прости, что?

— Я не дам тебе вернуть Разрушителей!

— Хрена себе. А с чего ты взял, что я хочу их вернуть?

— Ты — Разрушитель. Ты принесла в жертву милостивую госпожу, чтобы возродить Разрушителей! — Меркий выплёвывал слова так, словно сам боялся того, что говорит. — Я остановлю тебя!

— И как ты это сделаешь? — она решила совместить и криво улыбнулась. — Этой зубочисткой в рукаве, что ли?

Меркий вздрогнул и с трудом поднял на неё взгляд.

— Если понадобится, то да!

Он её боялся до трясучки в коленях. Глаза часто моргали, плечи вздрагивал от каждого её движения. Конечно, убьёт он её.

— Ты от страха помрёшь быстрее, чем поднимешь нож, — Вздохнула Ан. — Мне даже не придётся поднимать руки, чтобы защититься.

— Я знаю.

— Знаешь? Тогда почему делаешь? Ты трус, Метт-как-тебя-там, страшный трус, — в её голосе не было насмешки, и Ан была вполне серьёзна. — Ты боишься меня, у тебя руки трясутся так, что ты своей зубочисткой сейчас сам порежешься. Иди уже отсюда. Я не хочу тебя убивать, а убить меня ты не сможешь. Если тебя это успокоит, это не было жертвоприношение. И я не собираюсь возрождать Разрушителей. Убивать сестру я тоже не хотела. Она... короче, она начала первой.

Глаза священника стали совсем безумными от ужаса. Такой действительно кинется. Кел тоже почувствовал угрозу, но она заставила его сесть на землю у своих ног.

— Ты язык откусил?.. — тишина в ответ, только глаза бегают. — Ступай. Или к тебе прилетел волшебник и дал эликсира храбрости?

— Я тебя остановлю! — наконец-то с трудом проговорил Меркел.

— Как именно? Я же убью тебя. Если не убью, то покалечу.

— Зная. Но я убью тебя.

— Ну... допустим, у тебя получится. Не боишься прогневать своих Благодетелей? Я спасла твою жизнь, если ты забыл. То дерьмо, что я вытащила из петли, было легче добить.

— Т-ты воспользовалась мной, — голос священника стал твёрже. Впрочем, руки меньше трястись не стали. — Ч-тобы убить госпожу!

— Чтобы перейти мост, если точнее, — пожала плечами Ан. — Если бы не твоя болтливость, твоя драгоценная госпожа никогда бы о моём существовании не узнала.

— Врёшь.

— Думай что хочешь, — Ветер прокатил по дороге пепел с пожара. Далеко же его занесло. — Итак, ты превозмог свой страх, чтобы остановить Уничтожителей... А, точно, они Разрушители. Похвально. Правда, похвально. Не всякий на такое способен. Особенно такие трусы. Но почему ты явился сюда один? Если я убила твою госпожу, то следовало охотиться за мной с её солдатами. Где они?

Из глаз Меркия потекли слёзы. Ан невольно вправду им восхитилась. Как он ещё не упал на землю от ужаса, а стоит и пытается поднять нож.

— Они мне не поверили. Но я справлюсь.

Не справится. Нельзя разговаривать с кем, кого ты так боишься.

— Ну, попробуй.

Рука монашека разжалась, и котелок зазвенел по земле. Ан вздохнула и сняла шлем.

— Решай уже, что делать.

Меркий взял нож обеими руками.

— Ну, и?

Когда он всё же кинулся на неё, она несколько секунд молча ждала, когда он с судорожными завываниями подбежит, потом отошла в сторону и аккуратно поставила ему подножку. Меркий рухнул на землю и прокатился ещё несколько шагов. Нож отлетел в траву. Кел вскочил на ноги и напрягся, но, поняв, что хозяйка спокойна, просто обошел лежащего чернорясого.

Меркий не вставал, а тихо плакал и чего-то ждал.

Ан подошла к лежащему монаху и присела рядом. Может и правда добить? Он должен был умереть ещё неделю назад. Зажился. Но ей не хотелось убивать. Просто не хотелось. Не монашека, нет. Никого. Особенно этого монашека. Она напоминала сама себе сытого кота, которого пытаются ещё раз накормить. Просто не хочется есть. И двигаться тоже не хочется. Пусть его, пусть живёт, пока чудовище сытое и похоже на человека.

Сказать ему что-нибудь? А что? Рассказать о том, что ему не о чем беспокоиться? Что Разрушители будут спать дальше. Или предложить заодно освободить Благословенных? Нет, она не собиралась их освобождать, только не Совершенного. Кого угодно, только не его. Но предложить... И рассказать ему всё, что произошло с их миром на самом деле. Что нет никаких божественных сил, что нет никаких плохих и хороших, ничего нет? И его глупая вера тоже ничего не значит? Долго. Она не сможет столько говорить. К тому же эти воспоминания неприятны ей самой. Она долго загоняла их внутрь себя, а дорогая сестра слишком резко и больно выдернула их наружу. Нет, рассказывать о прошлом на точно не будет.

Тогда что делать? Просто уйти?

— Ты мне два раза обязан своей жизнью. Так что... я тебе кое-что скажу. Я не Разрушитель. Их вообще никогда не существовало, как и твоих благодетелей и прародителей. Твои предшественники их выдумали. Мой дедушка, которого ты зовёшь Прародителем, вообще был простым человеком. Самым-самым простым, у него даже залысина была. И вообще он не был он, а она. Или как-то так. А старый мир погубили люди. Честно говоря, я даже не знаю, что именно с ним случилось. Новые болезни, какие-то старые счёты. Некоторые люди потеряли бдительность и выпустили чудовищ на волю. Мой город вымер сначала из-за эпидемий, потом из-за серых тварей. Люди ушли из него, чтобы переждать беду и собраться с силами и уничтожить тварей. Кстати, их создала твоя госпожа и размножала у себя на заднем дворе. Не знаю, нахрена, правда. Но чтобы она не хотела, это у

неё не вышло. Что я ещё хотела сказать? А, точно. Иди домой, лучше всего бросай своих чернорясых и возвращайся к семье. Ты вообще не создан для путешествий и приключений.

Ан выпрямилась и пошла дальше. Кел несколько секунд смотрел на лежащего чернорясого, потом догнал её и зашагал рядом.

К старому мраморному карьёру Ан пришла на рассвете. В последнюю ночь она уже не могла остановиться, и всё шла, шла, шла. По дороге ей практически никто не встречался. Только несколько раз местные фермеры да разъезд солдат, совершенно не заинтересовавшийся одинокой бродяжкой с оружием. Её словно не искали. Обидно даже. Или она многое о себе возомнила?

Или, как и после смерти дяди, никому нет дела до настоящей убийцы, пока другой может захватить власть?

Возвращаться и проверять желания не было.

Меркий-как-его-там тащился за ней. Монашек проявил редкостное упорство — или глупость — и шел по её следам. Ан подбрасывала ему на своих стоянках остатки еды, один раз выцарапала на золе предложение всё-таки подумать головой и уходить домой. После этого монашек перестал маячить у неё за спиной, и Ан решила считать, что он внял её предложению. Кел, отправленный проверить, что там позади, вернулся голодным и спокойным.

Небо на востоке окрасилось в нежный оранжевый цвет. Земли около карьера заняли земледельцы, и от озера в чаше мраморных срезов до южного горизонта был лишь ковёр из засеянных полей и остатков леса. Часть урожая уже убрали, и тёмное золотистое море выглядело лоскутным одеялом.

Старый мраморный карьер почти не изменился с тех пор, как Ан видела его в последний раз. Когда-то это был могучий утёс, вырвавшийся из земли. Люди стесали его, выгрызли в белом камне ходы и пещеры, выскребли вросшее в землю основание, а после бросили. Вода затопила низины, промыла в камне новые ходы и затопила гроты.

Но люди всё-равно любили это место. Когда-то на берегу стояла лодочная станция, чтобы можно было осмотреть белые утесы и причудливые творения воды вблизи. Когда они с отцом впервые сюда пришли, то взяли лодку и до вечера плавали по гротам. Она тогда разочаровалась: вблизи белый камень оказался грязным и обычным, к тому же исписанным руками тысяч таких же, как она, путешественников.

Ан подошла по единственному пологому спуску к самому краю воды. Встала. Кел боднул ее в колено и зашел на мелководе пугать рыбу. Он ударил по воде лапой, дёрнулся вперёд пастью и чуть не провалился на глубину. Зверь отпрыгнул и взобраться на груды брошенных блоков, едва выступающую из воды. Когда-то эти камни треснули и были спалены в стороне от выработки. С годами их накопилось столько, что, когда вода захватила карьер, вершины глыба превратились в мостик к одному из мраморных обрывов.

Ан посмотрела на испещренную трещинами каменную стену.

Они все были здесь.

Ан поднялась на самый высокий камень мостика и села. Люди изуродовали автографами и эти валуны, но время и травы скрыли почти все их следы. Можно было вообразить, что людей здесь никогда и не было. Ан, сняв шлем, поставила затылок первым лучами солнца и теперь рассматривала их. Солнце лизал чуть теплыми лучами ей спину, ветер с полей доносился странный мирный запах. Она оглянулась назад. Ветер пронёсся мимо ней и пригнул колосья. Так мирно. Она на несколько мгновений почувствовала себя ребёнком, словно не было всех этих страшных лет.

Её взгляд вернулся к скале. Вот они все. Отцы. Далеко не все из них были мужчинами, далеко не все. Но мужчин было больше. А среди детей было больше девочек. Говорили, что Дети вышли более приспособленными к жизни и более совершенными, чем Отцы. Говорили, что в это всем есть какой-то таинственный или даже мистический замысел. Ан когда-то давно спрашивала об этом отца и дядю Первенца. Отец сказал, что это все глупости, а дядя посоветовал спросить дедушку. Иди бабушку. Кем именно по полу был их создатель на самом деле Ан так и не узнала. Возможно, знал отец и дядя, но на самом деле это никогда не имело значения.

А теперь они стояли перед ней. Ан видела их всех, словно каждый из спрятанный в камень стоял прямо у границы своей тюрьмы. Высокие, красивые, с благородными лицами и злобными осками, с ровной кожей и плохо зажившими нарывами. Все они были инструментами воли своего творца, разные, заточенные для разных целей. Их создали ради высоких целей науки! Или ради забавы и утешения его самолюбия, кто знает.

Первенец стоял чуть в стороне. Его серое измученное лицо было грустным. Знал ли он, какая судьба постигла их всех? Был ли он вправду был помещён сюда первыми? Видел ли он смерть их мира и гибель своего создателя? Видел ли он, как появилась легенда о его предательстве, о его злодеяниях и запретом имени?

Ан перевела взгляд на остальных. В памяти всплывали имена и воспоминания, которые она считала уже давно забытыми. Дяди и тети, которых она боялась, сестры и братья, которых она не любила и считала мертвыми. Два десятка лиц, ужасно похожих, но все же немного разных. Она зачем-то помнила их.

Взгляд задержался на одном лице: правильном, с высокими скулами и красивыми чертами. Длинные светлые волосы падали на плечи, а сам он казался бы спящим, если бы не вбитые в его тело штыри и пруты. Предполагали ли дядюшка Совершенный, что сам окажется рядом со своими родственниками?

Ан подошла к камню и коснулась его тёплой поверхности ладонями. Или нет, не от солнца. Камень отозвался на прикосновение заветной крови. Она почувствовала силу, услышала давно умолкшие голоса.

Кел бесшумно подошел к её ногам и боднул колено. Ан чуть не упала в воду, но устояла. — Глупый ты. Чугунная башка, — вздохнула она и отвела зверя на берег. — Сиди тут и не мешайся.

Кел попытался пойти за ней, получил хлопок по железной морде и, как обиженный пёс, лёг и отвернулся от неё.

В этот раз Ан было совершенно наплевать на его обиды. Она вернулась к стене и приложила ладони к камню. Тепло немедленно вспыхнуло прямо внутри её плоти и костей. Она закрыла глаза, вздохнула и попыталась вспомнить то, чему когда-то училась и что, как ей казалось, давно было забыто за ненужностью.

Ясный свет восходящего солнца сменился сумраком, где не было ни реальности, ни времени, ни даже её тела. Только ощущение, что она погрузилась в глубокую воду. Она перебирала спрятанных в камне, как разложенный на вращающемся прилавке товар. Или пыталась повернуть большой кусок вязкого желе. Её несуществующие руки не всегда правильно отзывались на приказы, а иногда вообще не могли пошевелиться. Но она заставляла их двигаться раз за разом. Вот дядя Совершенный, он ей не нужен, прочь. Вот Счетовод. Хитрая пройдоха, похоже, в конце-концов обсчитала сама себя. Пусть остаётся. Вот кузен, который писал увлекательную прозу и абсолютно бездарные стихи. Ан не помнила его

имени, ну и пусть. К чёрту его. Вот снова дядя Первенец. Ан замерла. Стоило бы забрать и его. Дядя мог бы изменить этот мир к лучшему. Она посмотрела на сухое измождённое лицо. Выживет ли он, узнав, что случилось с миром, с семьей и его любимым сыном?

Нет, пусть остаётся.

В конце концов, она пришла не за ним. Ан пришла за отцом — и теперь наконец-то нашла его.

Он выглядел почти мирным. Щеки ввалились, глаза запали, и он больше напоминал труп, чем живого человека. Тело было покрыто новыми шрамами, а спина согнулась, как у глубокого старика. Сердце Ан бешено заколотилось. Неужели она опоздала?

Она протянула руку и коснулась его груди и почувствовала пробуждающееся к жизни сердце. Отец медленно распрямился. Ан схватила его за плечи и потянула к себе.

Солнце вернулось. Ан судорожно вздохнула, как будто на самом деле вынырнула из воды. Она метнулась вперёд и обхватила появившегося из ничто израненного гиганта, не давая ему упасть. Даже теперь, когда она уже давно не была ребёнком, даже после заключения и всех мук, он был куда выше и крупнее её. Обмякшее тело навалился на нее. Слабые пальцы соскользнули с ее плеч, а колени подломились. Ан с слезами упёрлась пятками в камень, но удержалась на ногах сама и удержала отца, не давая ему упасть.

— Папа.

Ан обхватила его грудь и плакала. Отец был рядом. Она чувствовала биение его сердца, а ещё чувствовала запах его ран, запах пота, запах гари и пороха. Ее отец был сильным и не дал просто так поймать себя без боя.

— Папа, — Ан обнимала его проступающие ребра, гладила костлявую спину. Бедный отец, они мучили его, чтобы сломить его волю. Из-за нее, они надеялись поймать ее, выманила из мнимого убежища, чтобы она делала сумасшедшему оружие.

Рыдания душили Ан. Из-за нее отец страдал. Из-за нее они не решились его убить. Иначе из-за чего же ещё он жив до сих пор?

— Папа!

Отец со вздохом открыл глаза и посмотрел на неё. Мутные зелёные глаза бестолково мигали. Ан сообразила, что на неё маска, и кое-как сняла респиратор.

— Это я, Ан, узнаешь? — затараторила она. Сердце пустилось в безумный пляс, а в ушах стучала кровь.

— Тыковка, — тихо прохрипел он, и Ан почувствовала на затылке жёсткую ладонь. Отец медленно гладил ее волосы, а она давилась рыданиями.

— Маленькая глупая тыква, — медленно прохрипел отец. — Они сказали, что ты не пережила конец и не смогла... выйти из города.

— Они ввали тебе, папа, — с трудом выдавила Ан. Ее голос дрожал и словно не хотел покидать горло. — Я жива. Я правда жива и наконец-то нашла тебя.

Отец замер. Потом отстранился и взял ее лицо в ладони. Ан послушно позволила ему разглядывать свое лицо, вертеть, как игрушку и сверять то, что он видит с той, которую он в последний раз видел давным давно на берегу брошенного мраморного карьера, в последний солнечный день лета, когда солнце ещё греет, но рано заходит.

— Глаза ничуть не изменились, — худое, истощенное до неузнаваемости лицо отца тронула улыбка. Его глаза остались точно такими же, какими их запомнила Ан. Бледно-зеленые, на правом зрачке коричневое пятнышко. Даже морщины при улыбке складывались в точно такой же узор, как годы назад. Они стали лишь глубже. Или это так ей кажется из-за

забившейся в морщины грязи?

— Глаза те же, пап, — Ан сглотнула слезы и попыталась дышать носом. Она ведь сильная, и все хорошо. Все будет хорошо. — Пойдём, па, — Она подпёрла отца и положила его руку себе на плечо. Кое-как свела с каменного мостика к ждущему их на земле Келу. Зверь, медленно поднялся и, подождав, пока они подойдут, неторопливо побрел в поле. Солнце поднялось над линией, где земля становилась небом, и мир стал слишком красив для того, чтобы быть правдой. Ан не смогла смотреть на него и снова заплакала.

— Я отведу тебя на море, па. Там здорово и всё будет хорошо. Обещаю.